

ДАМСКІЙ ЖУРНАЛЬ.

Л И Т Т Е Р А Т У Р А .

П Р О З А .

К о м е т а Б і е л ы .

Tacete. Non sapete ciò, che vi dico, voi dunque fate piu mal che bene.

Goldoni, la Pamela com.

Ah! s'il nous faut des fables, que ces fables soient du moins l'emblème de la Vérité! J'aime les fables des Philosophes; je ris de celle des enfans, et je hais celles des imposteurs.

Voltaire.

Измѣришь Океанъ глубокій,
Сочестъ пески, лучи планетъ
Хотя и могъ бы умъ высокій, —
Тебѣ числа и мѣры нѣтъ!
Не могушь души просвѣщенны,
Отъ свѣща Твоего рожденны,
Изслѣдовашь судьбъ Твоихъ.

Вижу въ сіяньи
 Грады ээира,
 Солнцы кругомъ!
 Вижу собранье
 Горняго міра.

Державинъ.

Въ прошлую субботу, п. е. 30 *Января сего 1832 года*, который, какъ нарочно есть *высокосный* (замѣльте, г-да! эшо очень важно!), въ самый шоржественно-шайнственнѣйшій день именинъ моихъ (и эшо не бездѣлица!) у сосѣда, споль ошпорожнаго опъ огня, загорѣлся *ни съ того, ни съ сего* овинъ подъ соломленною крышею! За нѣсколько дней передъ шѣмъ, въ большомъ домѣ моемъ *ни съ того, ни съ сего* вспыхнула сажа, накопившаяся въ *невычищенной* шрубѣ! Недавно распекла *ни съ того, ни съ сего* всю нашу *приказную* статью гореспная вѣспочка о новомъ положеніи Дворянскихъ выборовъ! „Если исполнѣшя „въ шочности“ говорили приказные „эша воля Царская, шо мы сторимъ всѣ и съ ябедою „на маломъ огнѣ!... И какъ Опцу споль обширнаго Опечешства досшало времени вникашъ въ „шакія мѣлочи? . . . Теперь не шолько по „Гражданской, даже и по Уголовной Палашъ, „шого и гляди, будешъ Секретаръ *нуль-нулемъ!*.. „А бывало - шо, бывало! . . . Охъ, шяжело! . . . „Предсѣдашели по выборамъ! . . . Гдѣ эшо видано? . . . Охъ! эши нововведенія!.. Возвращились „времена Петра Перваго . . . пришли дни пошлѣдніе! . . . Скоро, скоро всему конецъ! — „сами увидите, Василій Иванычъ! . . .“

И подлинно, друзья мои, *быть бѣдамъ!*

У г-жи Развращиной, при большой дамской компаніи, зашла рѣчь о вѣрности женъ, обязанно-

сняхъ машерей, о невинной скромности двѣвиць, о вредной болтовнѣ спарухъ на счетъ ближняго, и — вѣрише ли? . . . какъ будто электрическій огонь пробѣжалъ по жиламъ собесѣдницъ; *ни съ того, ни съ сего*, почши всѣ сгорѣли до ушей въ одно мгновеніе! . . .

Мой *животно-любивый* кучеръ выпросился проманежить Черкескаго жеребца; пробѣжалъ не болѣе (какъ увѣрялъ) пяти разъ по улицѣ къ выѣзду изъ селенія, *ш. е. мимо кабака*, и — жеребецъ весь въ мыль, въ пошу, жаркій какъ изъ полымя, едва дошащился къ конюшнѣ и *ни съ того, ни съ сего* сгорѣлъ на мѣспѣ! . . .

Третьягодня — шолько чшо подали свѣчи — при всѣхъ насъ, ушасшый чепецъ загорѣлся на Аннѣ Аванасьевнѣ (моей домашней, доброй спарушкѣ, лѣтъ 80)! . . . Она бѣдненькая, не думавши ни гадавши, подсѣла къ свѣчѣ самымъ носомъ; расположилась-было повязать карпетку до ужина. . . . наклонилась впередъ, какъ-то вздремнула, и — чепецъ, *ни съ того, ни съ сего*, занялся какъ порохъ! . . . Къ щасстью еще, чшо успѣли сдернуть!

Всѣ эти дни я видѣлъ сны, такъ сказать, огненные: шо самъ горю, шо горяшъ другіе.

Намедни ходилъ я со всѣми *челядянцами* смопрѣшь въ зеркалѣ, сколько дней новорожденному мѣсяцу (*); шогда было 28 градусовъ мороза. „И звѣзды“ замѣшила Анна Аванасьевна

(*) Надобно для этаго спать къ лунѣ спиною, 'навѣсть зеркало — и въ его преугольникѣ скажется столько мѣсяцевъ, сколько дней новорожденному, 5, 7, 12 и болѣе: новое деревенское опкрытіе! Читатель можеть повѣришь оное зимою. *Сог.*

„ни съ того, ни съ сего выскалились!“ Въ самомъ дѣлѣ онѣ горѣли ярче обыкновеннаго; а мѣсяцъ былъ такъ чистъ, такъ ясенъ, что мой г-нъ управляющій — величайшій полищикъ, аспрономъ, дипломатъ — разсмотрѣлъ самъ, да и мнѣ указалъ въ лунѣ *огненныхъ братьевъ!* „Что такое?“ — Вы Рускій, занимаешься науками, и по сю пору не знаете, что на мѣсяцѣ Каинъ да Авель убиваютъ другъ друга въ *огненномъ* облаченіи? — А все, замѣшьте, *ни съ того, ни съ сего*, огонь, да огонь!

Вопъ и въ комнашѣ — пока мы глазѣли на дворъ — *мы*, ш. е. господа и мальчики, снимающіе обыкновенно со свѣчей — наши маканья, домашнія свѣчи *ни съ того, ни съ сего* ужасно нагорѣли! . . .

Кажется, послѣ всего вышеписаннаго нѣтъ сомнѣнія, что *нѣчто* огненное овладѣло нами; полюбило людей, опоясало землю, носится по атмосферѣ съ нѣкопорога времени въ *этомъ высокосномъ 1832мъ году!* Охъ, худо! худо, *братьцы и сестрицы!* Съ огнемъ дурныя шушки!

Такъ разсуждали и мы вчера вечеромъ. . .

Анна Леонасьевна, безъ чулка, безъ работы, — съ очками, уже не на носу, а на чепчикѣ, сложивъ на-кресль руки, проповѣдывала со вздохами, что *была* уже на свѣтѣ холера, *какъ* сказано въ *Иисусъ Сирахѣ*; были: голодъ, *засуха*; что были звѣды кровавыя; что двойняша рожатся *ни съ того, ни съ сего*; что *будущъ* войны. . . Пришли времена послѣднія. . . загорится земля. . .“

— Тубо! Гарсонъ, тубо! . . . что шы разворчался? —

Но мой легавый *garçon*, покоящийся подъ камина, ни *сб того*, ни *сб сего*, вдругъ вскочилъ; поджалъ хвостъ, какъ будто чего-то испугался; перешелъ подъ снюль, — ближе ко мнѣ — и не смотря на мои приказанія, продолжалъ тихо ворчать, поглаживая въ сторону.

Насъ было въ комнатѣ четверо: я, управляющій, сеспра и Аенасьевна; всѣ мы были въ какомъ-то раздумьѣ, въ мрачномъ расположеніи духа. . . . опъ словъ 80-лѣтней старухи. Нагорѣлая, забытая мальчикомъ свѣчи слабо освѣщали уголокъ флигеля, куда мы забились на зиму послѣ пожара въ большомъ домѣ; эшопъ *Гарсонъ*, какъ будто чующій *чье-то* присушствіе. . . . Шаринное преданіе о духахъ, явленіе кошорыхъ въ комнатѣ пошчасъ почувствуюшъ собаки. . . . признаюшъ, все эшо навело на меня какую-то особенную шоску; какое-то неловкое, для души непонятное ожиданіе чего-то непріятнаго, сверхестественнаго! — Съ самыхъ моихъ именинъ — какъ я выше замѣшилъ — существованіе мое наполняли особенно огненные призраки; ужасный пламень, шакъ сказашь, сжигаль мою внушренность. . . . вдругъ разшворяющся съ шумомъ и прескомъ двери, и. . . и. . . не пугайшесь, чшаштели! *покаместъ только*.

Входишь слуга. „Газеты! Газеты!“ На силу дождались! — подхвашили мои собѣседницы; ужъ эшопъ Почшмейстеръ! задержишь, какъ задержишь! Двѣ недѣли — съ самыхъ вашихъ именинъ не было ни листочка! . . . что-то новинькаго? . . . прочшше, прочшше! —

Не удовлетворишь въ шуже секунду пребыванія женщины; когда уже подспрекнулъ ее неугомонный бѣсъ любопытства — это бы значило: сняшь на себя всѣ грѣхи ея! Спарухамъ — въ этомъ случаѣ — должно повиноваться шѣмъ скорѣе, что имъ дожидаться *некогда!* . .

Почитая прекрасный полъ, въ *настоящемъ* и *давно* прошедшемъ, я намѣренъ когда нибудь доказать особую спашьюею всѣмъ и каждому, что большая часть *женскихъ ошибокъ* не есть еще пресупленіе; ибо всѣ эти *ошибки* происходятъ не отъ испорченной нравственности, не отъ порочнаго сердца, а только — отъ *неудовлетвореннаго любопытства!* Что дѣлать, братцы! не съпуйте на нихъ! . . . шакъ уже Еввины внучки созданы! . . .

А пошому и я, по усиленной просьбѣ спарухъ моихъ, бросился перебирать несшишья, неразрѣзанныя новости:

Но ой, *суббота*, 30 го *Января!* „Спранно! . . самый день именинъ моихъ! . . *тотъ самый* день, съ котораго все огненное, все пылающее *ни съ того, ни съ сего* господствуетъ надъ нами!“ смопрю:

Газеты какъ газеты.

Еще милоспи, *еще* награды, *еще* мудрыя узаконенія! *Новыя* спруи благодати, изліянныя *свыше* на шасшливую Россію! *Далѣе:* примѣры великодушія, самоошверженія (безъ эшаго у насъ на Руси не выходить почти ни одного газешнаго нумера!); *потомъ:* успѣхи просвѣщенія, шорговые оборопы — новыя доказательства общаго спремленія къ мудро-предназначенной цѣли! Въ *иностранныхъ отдѣленіи* вижу, по обыкновенію: вездѣ много шума и мало дѣла. . .

Пропускаю книжное наводненіе. . . Не хочу знать о радосняхъ наслѣдниковъ, распубликованныхъ *съ душевнымъ прискорбіемъ*, послѣ умершихъ; грустно чашашъ о продажѣ съ аукціона наслѣдственныхныхъ имѣній, о покупкѣ карешъ, лошадей, собачекъ, попугаевъ, ословъ и . . . о вызовѣ для дѣшей гувернёра! Еще досаднѣе встрѣчашъ въ газетахъ нравственныхъ спашейки о закладѣ первому ростовщику брилліаншовъ, ножей, вилокъ серебряныхъ, золапа и жемчугу — и въ то же время о необходимой нуждѣ закладчика (опца взрослыхъ дочерей) — въ мадамъ или мамзелъ за какую бы ни было цѣну, въ *ловкой* компаньйонкѣ дѣшамъ къ опѣзду въ деревню! . . . Но объ эпѣхъ спашьяхъ много и полковашъ не спойшь. . . пересмашриваю *разныя извѣстія*, ищю пріятнаго, хорошаго и нахожу прокляшую холеру въ Берлинѣ, Гамбургѣ, въ Вѣнѣ, въ Англии! — Въ Ореноко скачущъ черезъ лодки огромныя, водныя змѣи. Эшо еще хуже! наконецъ, попалась мнѣ *статья астрономическая*.

Другой не признается, а я скажу откровенно: всей душою люблю *витать по верхамъ*; — возношпсья, если *не дѣломъ*, то хоть *воображеніемъ*! . . . да въ рядъ ли и не всѣ Адамовы дѣшки то же полюбливающъ!

„Слушайше!“

— Ну - те, сударикъ, ну - те! давно дождаемся. —

„Газешы увѣдомляющъ, что, не смопря на всѣ шолки суевѣрія, въ нынѣшнюю осень! комеша съ землею не сполкнешся.“

— Звѣзда съ хвостомъ, что была передъ Французомъ? —

„Не ша, а другая.“

„Да развѣ это дѣло сбыточное?“

Я спалъ полковашъ, доказывашъ, чашашъ... но лишь только прочелъ слова: *„встрѣча кометы съ землею не есть невозможность,“* испуганныя собесѣдницы мои болѣе и слушаешъ не хотѣли.

„Ахъ, бусурманы! ахъ, грѣховодники! что пушъ еще умничашъ, увѣряешъ?“

„Мапушка *Анна Аванасьевна!* разсуди сама: 2321 миллионъ вѣроятныхъ случаевъ прошивъ одного, что земля и комета чинно разойдутся! это все Астрономами очень вѣрно высчитано...“

— Считали бы они во рту зубы, да грѣхи свои, пока Господь перпишъ! ваши бесовскіе — то астрономы *Валтеры!*... да и вы, башюшка, куда же! —

„Послушай.“

— Нечего слушаешъ: послѣднія времена! Пропали мы съ головушками! Земля загорится! — я вамъ говорила? —

„И я!... и я!“ всѣ вскрикнули и всѣ они бросились опроремью изъ комнаты; въ ужасѣ — на силу попали въ двери, думая что уже полъ горитъ подъ ихъ ногами!

Я остался одинъ... задумался... „Вопь люди! хватающася за все дурное, — полкуюшъ все къ худшему и думаютъ въ слѣпомъ заблужденіи, что не грѣшатъ прошивъ благаго Провидѣнія, пекущагося неусыпно о своемъ созданіи! Почему бы, кажешся, по проспу, не надѣяться на Его безпредѣльное милосердіе? Заговорили полу-ученые о кометѣ Біелы, заговорили чуху, ... и зло распроранилось! ... Въ сволочи народной всегда опыщутся зна-

хари; вѣщунны нещастія, — такіе люди, у кошорыхъ на добро — языкъ не повернется. . . .

Эшаго зла искоренишь невозможно! Заспавяшь молчашь одного, — явишься другой, кошорый видѣль — или во снѣ, или въ вѣдрѣ воды — что загорится Москва, пошонецъ Петербургъ! Толкуйше, сколько угодно, ропозѣямъ, что *знахарь* вретъ; ропозѣи не вѣряшь; швердяшь свое и шолпа мучишься по пустому!

Вошь и шеперь, кажешся, напрасно спарашься увѣришь, успокоишь напуганныхъ. . . .

„Чего кошяшь эши лже-пророки?“ подумаль я?

— Чего? . . . извѣспности въ народѣ! — „За чѣмъ же пророчишь одно худое? Вѣдь и безъ шого довольно въ эшой юдоли испышанія. . . . а какъ еще *заране* спрадашь ожиданіемъ, по человекъ и не вздохнешь свободно! . . . Спало всѣ эши вѣщунны — злодѣи? Нѣтъ! они, кажешся, больше негодные себялюбцы, мѣлкіе плушки; пророчашь *зло* шолько потому, что спрахъ сильнѣе дѣйшвуешъ на душу, на воображеніе. . . . И подлинно, сведише на первый базаръ двухъ вралеи-знахарей: пускай *одинъ* провозгласишь, что базаръ провалился, а *другой* — спанешъ доказывашь лживосшь шакого пророчешства: послѣдняго не будущъ слушашь, но за первымъ, увѣряю васъ, зѣваки поваляшь кучею съ базара, *чтобы сей часъ* же не провалишь ся сквозь землю!

Незнаю, порознь — а въ кучѣ куда какъ глупы эши безхвостые, глиняные умницы, ш. е. всѣ мы, друзья, ошъ перваго до послѣдняго! . . .

(Продолженіе въ слѣд. Но.)

А л ь б о м ъ .

Въ Парижѣ издаеся съ нѣкошораго времени слѣдующее періодическое сочиненіе, приносящее наиболее чести и славы нашему вѣку относительно *истиннаго просвѣщенія*, неразлучнаго съ чистою нравовъ и священной обязанносію, возлагаемою природой и обществомъ :

JOURNAL DES SOCIÉTÉS MATERNELLES,

Indiquant à toutes les femmes qui savent lire :
 Leurs devoirs comme épouses, mères. Leurs intérêts
 comme membres de la communauté conjugale,
 gérans domestiques. Leurs droits comme
 veuves, tutrices.

*PRIX, FRANC DE PORT POUR TOUTE LA
 FRANCE,*

*par an, cinq francs, pour les pays étrangers,
 un franc de plus.*

Il paraît une livraison le 15 de chaque mois, composée de 168,000 lettres, équivalant à 300 pages d'un volume in — 8.

И какъ дешево!

 С Т И Х О Т В О Р Е Н І Я .

*На игру и пляску Актрисы,
А. М. Борисовой.*

Пускай глушитъ молвы свистокъ ,
 Юродствуя надъ нашей сценой ;
 Но Терпсихора съ Мельпоменой
 Неувядающій цвѣшокъ
 Вплешають сами въ твой вѣнокъ .

П. Головинъ.

Н е в ѣ с т а (*).

Все то , что въ имени невѣсты
 Ни представляемъ мы себѣ
 Подъ прелестями Хариты , Вѣсты ,
 При мысли о златой судьбѣ ,
 Тамъ ожидающей щасливца
 Безъ терній съ розовымъ вѣнкомъ ;
 Тамъ , гдѣ сама упѣхъ Царица
 Вдыхаетъ , можешь быть , шайкомъ :
 Всѣ , словомъ , обольщенья вмѣстѣ
 Мы находили въ сей невѣстѣ !

(*) То есть Н. В. Рѣпина , игравшая *Невѣсту* въ оперѣ сего имени.

С М Ъ С Ъ.

Французскій Театръ.

14 го Сентября, на Маломъ Театрѣ, представлена въ первый разъ комедія въ 5 актахъ и въ прозѣ: *La Mère et la Fille*, сочин. Мазера и Эмпи.

„*Cette comédie me fatigue*,“ сказалъ въ сей комедіи опецъ, упомленный безконечными инпригами юной дочери своей. — То же можно сказать и о самой игранный комедіи: ибо она — ни комедія, ни драма, ни трагедія, а все вмѣстѣ, благодаря высреннему романпизму, *помыкающему* чувствами нашими! Но если бы только *это* можно было сказать! Къ сожалѣнію, надобно присовокупить, что сія комедія, вмѣсто нравственной цѣли, какъ мы привыкли думать объ эпомъ родѣ сочиненій, представляешь совершенную безнравственность, и даже не удовлетворяешь и искусству; ибо не знаешь, по окончаніи піесы, что сдѣлалось съ нѣкоторыми лицами: слышишь только, что одинъ изъ нихъ, Англичанинъ, пошелъ заспрѣдилься. — Единственнo опличному паланшу г-жи Кордье, превосходно игравшей расперзанную мать, а особливо въ послѣдней сценѣ съ мужемъ, и комической игрѣ г-на Герве были обязаны зрители ошсущствіемъ скуки, шѣмъ болѣе не проспишельной *Мазеру*, что онъ авторъ опмѣнно умный. — Кажется, нынѣ Французскимъ драматическимъ писателямъ должно ограничиться водевилями, чему доказательствомъ служилъ слѣдовавший за комедіею водевиль: *Le Landau, ou l'Hospitalité*, въ 1 актѣ, Пикара и Мазера же. Послѣ

сихъ славныхъ именъ непосредственно именуемъ г-на Герве, для котораго изобрѣненъ, кажется, эпопъ забавный водевиль, и котораго можно уподобить. . . . Вокансонову автомашу: ибо не лъзя, кажется, имѣть человѣку такой опредѣленной точности, такой неизмѣнной вѣрности въ каждомъ пѣлодвиженіи, въ каждомъ дѣйствіи; такой правильной и постоянной гармоніи въ безпрестанныхъ переходахъ изъ шона въ шонъ, опъ рѣчей къ пѣнію, опъ пѣнія къ рѣчамъ! . . . Нужно ли присовокуплять, что такая механика шребуешь души и воображенія необыкновенныхъ? — Эпопъ водевиль замѣчательнень еще и тѣмъ, что кромѣ хориста (Герве) никшо изъ дѣйствующихъ лицъ не поешъ — слѣдовательно нѣтъ куплетовъ: опяшь — романшизмъ, готовый все перепоршишь! . . .

Ихъ Императорскія Высочесства, Государь Великій Князь МИХАИЛЬ ПАВЛОВИЧЪ, и Государыня Великая Княгиня ЕЛЕНА ПАВЛОВНА, изволили посѣшить сей спектакль.

ИЗВѢСТІЯ.

Тексты изъ Библіи, примѣненные къ отечественной войнѣ 1812 года. Москва, въ Уч. Тип. 1832. (Примѣненіе Адмирала А. С. Шишкова; преложеніе въ стихи А. Шпигоцкаго.)

Какъ пріятно въ звучныхъ стихахъ услышать опголосокъ доспочимаго Неспора нашей Словесности! Еще пріятнѣе найши въ эшой маленькой брошюркѣ и предметъ, такъ близкій сердцу Рускому, и величественныя карпины,

оживленные языкомъ Пророковъ! — Кого не поразила Библия одною своею поэзіею? Каково же должно быть произведеніе, излившееся изъ пламеннаго сердца паптріоша въ громозвучныхъ выраженіяхъ сей священной книги, неприкосновенныхъ ниже одному чуждому ей слову? Предположеніе не обмануло насъ: прекрасное и новое въ своемъ родѣ сочепаніе Вѣры съ величайшимъ событіемъ Ошечесства, споль роковымъ для цѣлаго міра; живописаніе кроваваго явленія неразгаданной звѣзды, Наполеона; печальное запусьтіе Москвы злагоглавой; испребленіе враговъ опчизны и радоспное просвѣплніе могучаго Царства Рускаго — карпины дивныя, высокія! Трудно рѣшишь сладоспное преніе между сердцемъ и умомъ: прочтя эпу брошюрку, не знаешь, чпѡ сильнѣе — умиленіе ли сердца, или изумленіе ума. Сіи нелицемѣрныя, искреннія слова наши да будутъ благодарною жертвою маспшному Лишператору нашему, А. С. Шишкову!

Но справедливосшь пребуездъ обратишь вниманіе наше и на молодаго поэта, Г-на Шпигоцкаго, преложившаго въ спихи сіе прекрасное произведеніе. Одинъ выборъ приноситъ уже честь Г-ну Шпигоцкому, шѣмъ болѣе, чпѡ симъ шакъ прекрасно почшенъ Сановникъ - спарець! Исполненіе Г-мъ Шпигоцкимъ своего предмеша шакже заслуживаездъ похвалу: изящное произведеніе А. С. Шишкова на языкѣ Славянскомъ, весьма не для многихъ вполнѣ доспушномъ, для иныхъ чипашелей Рускихъ какъ бы не существовало; шеперь же оно, можно сказашь, разцвѣло для каждаго въ сильныхъ, звучныхъ и плавныхъ Рускихъ спихахъ молодаго поэта. За удовольствіе поспавляездъ

выписашъ для примѣра нѣсколько карпинъ изъ
преложенія Г-на Шпигоцкаго :

Гордый, въ сей думѣ, какъ бурный пошокъ,
Хлынулъ — и волны весь край попоплюють;
Шумъ усстремленія, гулъ его ногъ,
Громъ колесницъ его — мiръ потрясають.

И л и :

Всѣ мимошедшіе, дланьми всплеснувъ,
Взоромъ въ лазури небесъ упонувъ :
„Это ли“ — молвяшь, главой покивая —
„Градъ, вѣнецъ славы, ошрада земная? . . .“
Мiръ и владыки, самъ врагъ изумлень :
Ты-ль, бѣлокаменный, пакъ омраченъ! . . .

И л и :

Горе злодѣю! Ужасна ошчизны
Месць за свящынню, за родъ и сыновъ!
Спанешь, погоишь, постигнешъ враговъ;
Дасць имъ кровавыя, страшныя шризы;
И не уйдши имъ въ хулъ укоризны :
Всѣмъ имъ поникнушь на нивѣ гробовъ. . . .

И л и :

Царство святое! возстань, замѣни
Ризы плачевныя свѣшлой одеждой;
Полное славы, красуйся надеждой;
Ликъ просвѣплѣвшій — вѣнцомъ осяни!
Въ Богъ свѣшися, свѣшися, Держава!
Градъ облистала Всевышняго слава! . . .

Мы замѣшили въ стихахъ Г-на Шпигоцкаго еще одно достоинство: близость къ подлиннику.

Парижскія моды.

Уборная модной женщины должна быть украшена по угламъ горшками цвѣшовъ, Персидскимъ диваномъ, Алжирскимъ ковромъ, и водометомъ, бьющимъ въ большія фарфоровыя или хрустальныя вазы; горкою, на которой множество разныхъ модныхъ вещицъ; шуалетомъ съ Японскимъ фарфоромъ; наконецъ прозрачными спорами съ изображеніемъ сельскихъ видовъ.

— Г-жа Б* * * убрала свой будуаръ, въ видѣ палатки, свѣтло - лиловою матерьею съ яркими цвѣточками; онъ освѣщается сверху, и когда войдешь въ него, по не видно выходовъ; вокругъ диванъ; ковры Персидскіе.

— Въ большой модѣ прекрасныя визанскія полу - перчатки (mitaines) черныя шелковыя, или другаго темнаго цвѣта, съ прозрачнымъ украшеніемъ въ концѣ. Другія *митены* Шведскія, вышитыя чернымъ шелкомъ, съ черною выпушкою; онѣ очень хорошо сохраняющъ руки.

Изъясненіе картинки при селѣ No.

Плашье изъ фулара. Шляпка изъ Ипальянской соломы. Пелерина изъ вышитой кисеи.

ПЕЧАТАТЬ ДОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ чшобы, по оппечатааніи, были предшавлены въ Ценсурный Комитетъ при экземплярѣ. Москва. Сентября 21 го дня, 1832 г.

Ценсоръ Николай Лазаревъ.

1852.

Парижская Мода.

№ 40.

Самскій Журналъ.

ДАМСКІЙ ЖУРНАЛЬ.

ЛИТТЕРАТУРА.

П р о з а.

Комета Біелы.

(Продолженіе.)

Такъ умшвуя передъ каминомъ , переносясь
опъ сужденія къ сужденію , смѣняя одну мысль
другою , я занесся въ придевятое царство ,
въ тридцатое государство ! — Не сводя глазъ
съ догорающаго огня ,

Я смотрѣлъ , какъ угольками
Онъ въ печи перебиралъ ;
Гдѣ поухнешь , гдѣ мѣстами
Лучъ златой еще игралъ .

И вдругъ — уголья подернулись золою , почер-
нѣли ; показался дымокъ , голубой паръ — выше ,
выше , болѣе и болѣе . . . и вдругъ — уголья какъ
вихремъ зашевелило ; сизый дымъ повалилъ изъ
камина въ комнашу , разоспмался по полу , началъ

приподнимашься, рѣдѣшь, рѣдѣшь, собираешься въ одно цѣлое, прозрачное и — передо мною являешься. . . . вы ужь думаете — Велзевулъ съ волчьей рожею, съ рогами, кохшьями, съ длиннымъ хвостомъ и огненною лопашою? — нѣтъ! »А! шакъ вѣрно: *дѣва* прелестная, агашово - окая, съ устами малиновыми, съ розовыми пальчиками, съ длинными волосами, шелку подобными, и *непремѣнно* по снѣжнымъ плечамъ распущенными, съ радужными крылышками за спиною, на головѣ, на бокахъ, на ногахъ; но въ прозрачномъ голубомъ хитонѣ; сама, какъ мыльный пузырь, прозрачная, легкая, *не здѣшняя*; однимъ словомъ, какъ водился у бумагомарашелей, Сильфида, Пери. . . .« Ошиблись, друзья мои: ни то, ни другое!

Чорпъ, спрашенъ только въ дѣпскихъ сказкахъ; а эштѣ *приторныя дѣвы* давно намъ и въ Альманахахъ надоѣли!

Передо мною является не чорпъ, ни красавица, а негодная, низенькая, спарушонка, — сухая, желтая, горбатая, съ кошечьею мордочкой, съ длинными костяными пальцами, въ рукахъ съ ужаснымъ помеломъ.

Вѣрный Гарсонъ съ воемъ и пѣной бросился — было на эту чучелу; но лихая спарушонка взмахнула помеломъ — и несчастный Гарсонъ растянулся на мѣспѣ.

Долго не могъ я опомнисься, выговорить слова. . . . Ея дыханіе оправило воздухъ моей комнаты; а спранный нарядъ поразилъ меня, обезумилъ: вмѣсто прозрачно - голубаго хитона, на этой Пери было *фуру - ферме* въ послѣднемъ вкусѣ, съ шальею до колѣнъ, съ пренизкимъ *мыскомъ* впереди, съ юпкою въ сто тысячъ цолошницъ! — и, какъ бы вы думали, изъ

чего былъ весь нарядъ ея? изъ писчей запачканой бумаги, испещренной вдоль и поперекъ спишками, прозою, именами *собственными* и *нарицательными*! — Прокаженная заюлила передо мною. . . обернулась задомъ. . . О безсмертные А. Б. В. Г. Д. . . . Оиша, Ижица! . . . *гдѣ* прочиталъ я имена ваши? *гдѣ* песпрѣлись гладкіе, звучные, но безъ смысла спишонки, и вялая проза многихъ современныхъ геніевъ? . . .

Ея пышныя рукава à l'imbécile были выкроены очень удачно и, какъ говорится, не жалья повара, изъ разныхъ ученыхъ диссерсацій, комменсарій, и прочаго. — На правой ногѣ, вмѣсто огромнаго *котурна*, была грязная *лапотъ*, скверно сплешенная изъ модной *многочастной романтико-ироической* многологіи — на манеръ Шиллерова *Валленштейна*, или Греческой прилогіи! — Лъвую ножку обезображивалъ шупоносый, неуклюжій башмакъ съ желѣзною подковою, спаченный кое-какъ изъ нынѣшнихъ Водевилей въ *легкомѣ* родѣ, — изъ эшихъ Французиковъ, шакъ мило передѣланныхъ на наши нравы: съ *тѣми* же *Блезами* (Blaises), Жакелинами; только въ зипунахъ и сарафанахъ, съ шупыми оспрошами; съ куплешами, тяжелыми какъ желѣзная подкова подѣ башмачкомъ моею прелестницы!

Что составляло головный уборъ негодницы? — огромный *токѣ*, или *вѣрнѣе*, шапка съ длинными ушами, изъ печашныхъ листовъ поэмъ, исторій, романовъ; съ сулпанчикомъ изъ перьевъ — не *марабу*, а *гусиныхъ*, до половины исписанныхъ и какъ бы выкрашенныхъ чернилами.

Вмѣсто песстрыхъ радужныхъ крылышекъ, у этой беззубой *Сильфиды* болпались за спиною

(Охъ , друзья мои ! шяжело вымолвишь) пѣсп-
 рья лохмощья изъ нашихъ журналовъ , сшитыя
 на живую нишку ! Нечего дѣлать ! — пришлось
 каяться ! Мнѣ показалось , будшо , ниже всѣхъ ,
 болшались и мои грѣшныя спашейки !

Я собрался съ духомъ : »Кшо ты , голубушка ?
 Кіевская вѣдьма , чшо ли ?«

— Я Мнемозина , богиня памяти ; нѣжная
 машь всѣхъ вашихъ дѣвъ Парнаскихъ . —

»Врешь , спарая хрычовка ! шакому ли уроду
 бышь маперью прелесшныхъ Музь нашихъ !«

— Я была , сударь , и сама прелесшною ; но
 горе изсушило . . . . —

»Какое ?«

— Дочки мои пуслились вѣ непозвольшельныя
 связи съ вашей брашней — модными писапеля-
 ми ; и *вотъ до чего* довело меня дурное пове-
 дѣніе дочекъ ! Вы сведи съ ума *дѣтей* , обезо-
 бразили *мать* . . . . спупали ее вашими бредня-
 ми и я изчахла подѣ эпою шяжелою ношей —
 прибавила спарушонка , указывая на свою бу-
 мажную одежду .

»Позвольше спросишь , сударыня : опѣ чего
 это ваше *фуро - ферме* шакъ свади попы-
 рипся ?«

— Это по модѣ : *турнюра* ; это шакъ ,
 ничего , все пуспячки : особенныя спашейки
 изъ разныхъ журналовъ , личности , паск-
 вили , злыя кришики , аншикришики , и прочее !
 на свѣшъ показашъ было спыдно ; шакъ я , знае-
 ше , и запряшала . . . . —

»Какъ же ты , сударыня , не вѣдьма послѣ эша-
 го ? — нѣшъ , ты *вѣдьма съ хвостикомъ* , да
 еще съ какимъ ? съ ядовишымъ , какъ у аспида ,
 у василиска ! За чѣмъ изволила пожаловашъ , не-
 прошенная гощья ?«

— За побою, голубчикъ! —

Съ эшимъ словомъ скверная спарушонка въ одну секунду подхвапила меня съ кресла на помело! съла сама верхомъ сзади и мы, *ни съ того, ни съ сего*, — *шмыгъ* въ шрубѣ!

И вдругъ *летимъ*.

„Лешимъ какъ пухъ ошь успѣ Зола!“

Помело, конь не надежный: я замеръ ошь спрахъ! мы лешѣли, какъ говорихся въ сказкахъ, *долго ли коротко ли*, незнаю! но все вверхъ, вверхъ, какъ пущеныя ракешы! Минуемъ луну и звѣзды.

Чшо было со мною во время эшаго пушешествія, никакое перо описать не въ соспояннїи! Кромѣ всего, одна ужъ быспроша движенія опни-мала послѣднюю память! Я существовалъ *въ одной мысли*: какъ бы съ шакой вышины не оборвашься.

Гдѣ я? на обсерваторїи! подлѣ астронома, сидящаго за телескопомъ. Не вѣрю своимъ глазамъ: г-нъ астрономъ, въ песпромъ халашѣ, въ колпакѣ съ іероглифами, роспомъ былъ шрехъ вершковъ съ чепвершью! Телескопъ, сѣеры, ландкаршы, цыркули, карандаши, все *минюатюрное*! Молодецъ сидѣлъ на спуликѣ, какіе вѣрно случалось вамъ покупашь у носящаго игрушечника; съ комическою важностїю шо поглядывалъ въ инспруменшѣ, шо записывалъ перышкомъ съ булавочку свои астрономическія замѣчанія на бумажкѣ въ препорцію. — Я ошолбенѣлъ ошь ужаса!

„Милоспивый государь!“

Профессоръ оглянулся; я ожидалъ, чшо мой ученой комаръ взглянувъ на меня, исполина, очушившагося, *ни съ того, ни съ сего*, передъ нимъ въ комнашѣ, повалишся со спрахъ на взничъ... Не

шупь-шо было! — Мой Холдейчикъ снялъ каба-
лиспическій колпакъ, положилъ очки, и хладно-
кровно примолвилъ: „Покорнѣйше прошу садить-
ся! — воть сюда! на эштошь огромный сундукъ
съ инструменшами!“ а эштошь огромный сун-
дукъ былъ не болѣе подножной скамеечки на-
шихъ бабушекъ!

— Позвольше узнать: гдѣ я? —

(Окончаніе въ слѣд. Но.)

А л ь б о м ь.

Въ Revue de Paris напечатано нѣсколько пи-
семъ, заключающихъ въ себѣ подробности о
смерти Герцога Рейхшпадскаго, и писанныхъ
изъ Вѣны дамою; воть нѣкоторыя опрывки сихъ
писемъ, исполненныхъ чувства:

. . . . . „Мои предчувствія не обманули
меня. Я пишу къ тебѣ при погребальныхъ зву-
кахъ всѣхъ Вѣнскихъ колоколовъ: эшо похоро-
ны нещаснаго Герцога Рейхшпадскаго. Онъ
умеръ шрепьягодни, въ пяшь часовъ ушра,
безъ малѣйшаго спраданія.

„Мать не оставляла его ни на минушу, и
приняла послѣднее дыханіе сына. Судорожное
содроганіе овладѣло ею; съ шѣхъ поръ она спра-
даешъ лиходадкою и, говоряшь, очень больна.

„Эрцгерцогиня Софія, супруга Эрцгерцога
Франциска, безушъшна; она пишала къ сему
нешчасному молодому человѣку нѣжнѣйшую
привязанность, за кошорую онъ плашилъ взаим-
ностью. Софія не опходила опъ него во все
время болѣзни, не взирая на свою беремен-
ность. Она уговорила его приобщиться Свя-

»пыхъ Таинъ; воспользовавшись своимъ положеніемъ, захошла сама причаститься, и даже собороваться масломъ. Ея примѣръ, а еще болѣе неопшупныя просьбы, заставили молодого Герцога исполнить сей послѣдній долгъ, на который онъ взиралъ какъ на одинъ обрядъ.

»Прошивуположность сей молодой женщины, готовящейся дать жизнь новому существу, съ видомъ умирающаго юноши, была вѣрояшно поразительна; повсюду слышны спенанія и сожалнія.

»Съ эшаго дня болѣзнь его болѣе и болѣе усиливалась; больной зналъ о своемъ положеніи; онъ велѣлъ списать съ себя порпуръ для Эрцгерцогини Софіи съ подписью: *Воспоминаніе объ умирающемъ*. . . .

»Говоряшь, что онъ умеръ въ той самой комнатѣ, которую занималъ отецъ его въ Шенбрунѣ, и на той же кровати. Кто знаетъ, не въ этой ли комнатѣ пришла Наполеону мысль вступитъ въ супружество съ Маріей Луизой? Ахъ! могъ ли онъ предвидѣть въ то время, что плодъ сего союза не достигнетъ зрѣлаго возраста, и что, лишенный своей короны, наслѣдникъ славы его, скончается въ Австрійскомъ мундирѣ?

»Пусть воздають ему пеперь тѣ же почести, какъ Австрійскимъ Герцогамъ! Сіи печальныя почести могутъ ли сравниться съ тѣми, которыми была окружена колыбель его? И мѣсто его между гробницами знаменитаго Австрійскаго Дома спойтъ ли назначеннаго ему природою, подлѣ отца своего, на оспровѣ или Святой Елены, или на Вандомской площади у той колонны, которая возноситъ до облаковъ пророчи ихъ общей славы? . . . .

»Все кончано ; все спокойно. *Сынъ челоѣ-*
ка покоишься нынѣ между прахомъ Император-
 ской фамилиі, подлѣ того мѣста, которое
 ждешь дѣда его. И шеперь, какъ при жиз-
 ни, онъ далеко отъ родной земли своей.
 »Для чего я не могу однимъ дуновеніемъ пере-
 нести бранныхъ оспашковъ злополучнаго юно-
 ши и смѣшашъ ихъ съ прахомъ отца его! . . . .

. . . . »Голова молодаго Герцога заключала
 въ себѣ такъ много сокровищъ! Медики гово-
 ряшъ, что трудно найши споль чудно органи-
 зованную, а сожалѣнія приближенныхъ дока-
 зываютъ доброшу сердца его.

»Нѣкто, имѣющій сношенія съ Лукскимъ
 Герцогомъ, сказывалъ мнѣ, что весь Дворъ въ
 самомъ глубокомъ шраурѣ, и что всѣ опаса-
 лись вліянія, которое сей гореспный случай
 произвелъ на Императора.

»Мнѣ обѣщаны волосы несчастнаго Герцога;
 я пришлю и себѣ, если получу ихъ.«

С Т И Х О Т В О Р Е Н І Я .

На образъ Святителя Митрофана ,

принесенный въ день именинницы ,

С. А. Верещагиной.

Среди волненія природы,
 Средь мятежей мірскихъ,
 Смущающихъ народы,
 Ты въ ликъ Святыхъ ,

Свящитель Митрофанъ , вступаешь !
 Скажи : что намъ Ты предвѣщаешь ?

Вѣщай , вѣщай любовь ,
 И домъ вѣнчай сей благодатью !
 Дѣла твои , на мѣсто словъ ,
 Намъ служашъ въ помъ печашью .

Метатель.

радость и удовольствіе. Въ пріятномъ ожиданіи встрѣпшпть безцѣннаго Госпя прошекъ день и наконецъ ночь, но всѣ остались на своихъ мѣспахъ; а особенно у Каедральнаго Собора и у пригопвленной для ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА, въ прекрасномъ Дворянскомъ домѣ, кварширы; каждый, занявъ удобное мѣспо, чшобы пошчасъ по пріѣздѣ ЦАРЯ узрѣшь ЕГО, какъ бы спрашилса потеряшь оное и не оставлялъ его ни на минушу; ни холодъ ночи, ни ожиданіе цѣлыхъ сутокъ не могли поколебать нашего перпѣнія. Наконецъ въ 5 часовъ упра 3го числа благовѣспъ въ колокола возвѣспилъ прибыпіе обожаемаго МОНАРХА и Благодѣшела нашего, и толпы народа ринулись на встрѣчу. Въ томъ числѣ были многіе спарцы и почешныя дамы, цѣлую ночь бодрспвовавшія на своихъ мѣспахъ.

Принявъ крапковременный покой, ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО соизволилъ въ 10 часовъ упра отпра- впшсь въ одной коляскѣ съ Генераль - Адьюпан- томъ Бенкендорфомъ и нашимъ Губернашоромъ, для обозрѣнія облагодѣшельспвовапнаго и воз- двпгнушаго имъ города, а шакже важнѣйшихъ зданій и заведеній. Первоначально ГОСУДАРЬ прпбыль въ Каедральный Соборъ, для поклоне- нія иконѣ Смоленской Божіей Матери, написан- ной (какъ говорпшь преданіе) рукою Евангели- ста Луки. У Собора здѣшній Преосвященный Іосифъ, со всѣмъ Духовенспвомъ, встрѣпшилъ ИМПЕРАТОРА со Крестомъ. — Недоспаешъ словъ изьяспнпть себѣ шой величешвенной каршпны, которая предспавплась взору наше- му, когда МОНАРХЪ изволилъ обратпо ше- спвовашь изъ Собора по крыльцу! — Пред- спавъ себѣ нашъ колоссальный Соборъ, кошорому по огромности нѣтъ подобнаго въ Россіи и

который кажется еще огромнѣйшимъ опъ того, что спойшь на крушой высокой горѣ. Предспавъ въ умѣ своемъ нашего величественнаго ЦАРЯ, безчисленнымъ множествомъ облагодѣтельствованныхъ ИМЪ Смолянъ окруженнаго и шихо шествующаго, какъ Опець среди дѣшей своихъ; вообрази, что на свѣшломъ лицѣ каждаго изображалось веселіе и восторги, и что наконецъ всѣ взоры обращены къ одному драгоценному предмету! ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО изволилъ бытъ и въ церкви, что надъ Днѣпровскими ворошами, и прикладываешь къ иконѣ Одигириѣвской Божіей Машери, сопшествовавшей въ 1812 году побѣдоноснымъ войскамъ нашимъ; послѣ сего обозрѣваль вновь успроиваемый военный госпиталь, шюремный замокъ, старый госпиталь, городовую больницу, батальонъ военныхъ кантонисповъ и приказнослужительскую школу. Во все время шествія ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА по городу, восхищенный народъ повсюду лешѣлъ въ слѣдъ за МОНАРХОМЪ и сопровождалъ громогласнымъ ура! выражавшимъ пламенное усердіе. По возвращеніи въ кварширу ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ удостоились представляться: Преосвященный съ почетнымъ Духовенствомъ, военные и гражданскіе Чиновники и Дворянство. Къ объденному столу были приглашены, кромѣ лицъ, свиху ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА составляющихъ, нашъ Губернаторъ, Николай Ивановичъ Хмельницкій, Комменданшъ Ермолай Федоровичъ Кернъ, Губернскій Предводитель Александръ Николаевичъ Аничковъ и прибывшіе въ Смоленскъ Генераль - Лейшенаншъ Коблуковъ и Рербергъ. По соизволенію ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА, у самой Царской кварширы на гуляньи нашемъ, Облонѣ, нынѣ обращенномъ въ городской пре-

красной садъ, гремѣла музыка во все время объѣда, и народъ снова въ большихъ толпахъ собрался, ожидая минушы насладиться лицезрѣніемъ ненагляднаго своего Госпя. Въ 11 часовъ вечера нашъ возлюбленный **МОНАРХЪ** изволилъ отправиться въ дальнѣйшій путь, объявивъ Губернашору, что ОНЪ доволенъ всѣмъ, что ни обозрѣвалъ въ городѣ, и что все время пребыванія **СВОЕГО** въ Смоленскѣ провелъ съ удовольствіемъ. Опъ кварширы до выѣзда изъ города народъ бѣжалъ за коляскою **ЦАРЯ** и желаніе каждаго еще разъ посмогрѣшь на своего Опца и **Благодѣшеля** шакъ стѣснило всѣхъ у самой коляски, что **ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ** замѣшивъ эшо, приказалъ **СВОЕМУ** кучеру вѣхашъ медленнѣе, сказавъ сіи незабвенныя для насъ слова: „Тише; вѣрно неуйдешь!“ Онѣ восхипили народъ, ибо дали ему уразумѣшь, что **ГОСУДАРЬ** видилъ пламенное къ **СЕБѢ** усердіе и испинныя душевныя чувства. Громогласное *ура!* безпрерывно повпорялось щасшливымъ народомъ, который на другой день принесъ въ Соборъ моленіе о здравіи **МОНАРХА**.

Рускіе не подивяшся нашему воспоргу и любви, съ какими встрѣпили мы и проводили нашего **Вѣнценоснаго Госпя!** Такъ; всѣ мы обожаемъ своего **ЦАРЯ**; но Смоленяне должны благоговѣшь предъ **НИМЪ**; для нихъ съ именемъ **ЦАРЯ** должны сливашься и священныя имена Опца и **Благодѣшеля**. По **ЕГО** велѣнію оппущено въ прошломъ году на успройство города Смоленска 600,000 руб., назначены ссуды на заведенія мануфактуръ; жишели освобождены опъ армейскаго постоя на 10 лѣшь, и на сполькожь лѣшь содержаніе Полиціи приняшо на счешъ казны; шакже дарованы и многія другія милоспи.

Усердные къ Религии и ЦАРЮ, Смоляне
 желая передать попомству свои благодарный
 чувствва къ ИМПЕРАТОРУ за излянные ИМЪ
 на нихъ милоспи, ходатайствуюшь нынѣ чрезъ
 Гражданскаго Губернашора о Высочайшемъ соизво-
 леніи соорудитъ своими посильными пожертво-
 ваніями храмъ надъ Молоховскими ворошами,
 во Имя Св. Николая Чудотворца.

Извини, любезный другъ, что я такъ ко-
 рошко описаль шебъ то, что должно заняшь
 многія страницы; этому причиною недоспа-
 шокъ времени, которое присвойвають себъ обя-
 занности службы, но я надѣюсь съ слѣдующею
 почшою сообщитъ шебъ о семь предметъ болѣе.

Смоленскій житель.

ИЗВѢСТІЯ.

*Андрей безыменный. Старинная повесть.
 С.-Петербургъ. Въ Типографіи III Отдѣ-
 ленія собственной Е. И. В. Канцеляріи.
 1832.*

Подобно какъ Ж. - Ж. Руссо, сказавшій въ
 филантропическомъ негодованіи своемъ, что
 первому, кто вбилъ колъ въ землю для означе-
 нія собственности, надлежало бы симъ самымъ
 коломъ разбитъ голову, я не однажды сказалъ въ
 лишперашурной жизни своей: „Да будетъ прок-
 лянъ всѣми журналистами шощъ, кто выдумаль
критику!“ Не Танпальская ли участь — вмѣ-
 сто безпрепятственнаго наслажденія занима-
 шельнымъ чпеніемъ — означать ногшемъ *ошиб-
 ки?* . . . Сія печальная необходимость пруже-
 ника - журналиста мучила меня болѣе, нежели
 когда - либо, при чпеніи *Андрея Безыменнаго*,
 возбуждающаго чрезвычайное любопытство,

въ по же время совершенное недоумѣніе, сочиненіе ли эпо, или переводъ; ибо кромѣ пестроты слога: что рѣдко бываетъ въ оригинальныхъ сочиненіяхъ, тогда какъ въ переводныхъ она часто происходитъ отъ легкомысленнаго желанія блеснуть выраженіемъ, *близкимъ* къ подлиннику; кромѣ нѣкоторыхъ противорѣчій въ описаніи *того* и *нашего* времени, вообще свойственныхъ *чужестранцамъ*: Рускій языкъ безыменнаго сочинителя или переводчика въ Андрей Безыменномъ, Руской старинной повѣсти, самый не Рускій.

Совокупляю здѣсь все, или почти все, что *подчеркнулъ* *ногтемъ* въ книгѣ, для показанія, до какой степени справедливо сіе мнѣніе. . . . Ахъ! когда-бъ еще такія *показанія*, заставляющія обдумывать *чужую* рѣчь и спрдашь неперпѣніемъ доспигнуть берега, приносили пользу ближнему! но участь либературнаго Сизифа напоминаетъ о помѣ ростовщикъ, который вмѣстѣ съ жерпвою своей, пришедшею къ нему передъ самой обѣдней занимать деньги, выслушавши въ церкви поучительное слово противъ ростовщиковъ, на вопросъ обрадованной жерпвы: „Какъ вамъ показалась проповѣдь?“ спокойно отвѣчалъ: „Проповѣдникъ очень хорошо исполнилъ должность свою; пойдешъ же исполнишь нашу.“

Нечего дѣлать! приступаемъ къ исполненію и своей.

(Спран. 1.) „ . . . вой лягавыхъ, *когда* неспихся по опушкѣ, *когда* уходившихъ во глубину рощи, по мѣрѣ какъ слѣдъ звѣря горехѣль. . . .“ Не знаемъ, что значитъ *горехѣль*: можешь быть, опечашка; но *когда* никогда не замѣняешь въ такомъ случаѣ часпицы *то* ни въ ухахъ, ни подъ перомъ Рускаго.

(Стран. 2.) „Самъ онъ на лихомъ аргамакъ подь Турецкою збруей, не угасшимъ опъ лъпъ. . .“ Кшо не угасъ опъ лъпъ? доберись, если можете.

(Стран. 4.) „Опъ брата Александра Семеныча? повпорилъ съ изумленіемъ баринь.“ Но слѣдовало ли барину, или лучше сказать *безыменному* (*) повпорять за слугою: Семеныча? И встарину писали Семеновичу: для чего же заставляшь барина говорить похолопски?

(Стран. 6.) „Они *полюбились* всѣмъ пламенемъ первой любви.“ Кому? Другъ другу? но говоряшь ли шакъ поруски?

(Стран. 12.) „. . . *Полнимыя* слугами медовыя кружки.“ А не наполняемыя?

(Стран. 25.) „Въ Новгородской школѣ, послѣ Кіевской и Московской *важнѣйшей*, было. . .“ Куда прикажете опнеси послѣдній эпипешть?

(Стран. 28.) „Когда байки на серпукъ, когда иной, другой рублишка.“ Пускай иной, другой изьяснишь *безыменному*, какъ надлежало сказать.

(Стран. 43.) „Никакому коню ея не *обскочить*!“ вмѣсто не обскакашь.

(Тамъ же.) „Удержимся опъ исчисленія достоинствъ и родословной собакъ, соколовъ, коней Луки Машвъевича.“ Тупъ же и Луки Машвъевича? . . .

(Стран. 44.) „Послѣ обѣда, когда *по обычаю предковъ*,“ (?!) „*старики* ушли отдохнушь, они опять свидѣлись.“ Впервыхъ надлежало: *то* они и проч., а потомъ — кто они? передъ *послѣ обѣда* въ концѣ предыдущаго параграфа спояшь *очи*.

(*) Такъ уже будемъ называть автора, или переводчика стариной повѣсти.

(Спран. 45.) *»Съ сего дня Андрей ожилъ.«*
Накъ хорошо! . . . съ сего дня! ужь бы лучше
съ сего числа.

(Спран. 47.) *»Если вѣришь испорикамъ,*
откуда мы заимспвовали сію повѣсь, Варвара
слушая ихъ» (?) ,не засыпала по обычаю.«
 По какому? развѣ засыпающъ по какому - либо
 обычаю?

(Спран. 49.) *»И меня берешъ въ сватъя?»*
 спрашиваетъ дядя. И мы спросимъ: въ сватъя,
 а не въ сваты?

(Спран. 52.) *»При громкихъ кликахъ присут-*
ствовавшихъ.« И шакъ клики присупспвовали.

(Спран. 54.) *»Сами слюбляющся, сами бв-*
рутся.« *Слюбляются* — положимъ; но чшо
 шушь значишь *берутся?*

(Окончаніе въ слѣд. Но.)

П а р и ж с к і я м о д ы .

(Въ послѣднемъ номеръ *Petit Courrier des Dames* подъ
модами описывается одно шолько чрезвычайно богатое
 приданое, ошправленное изъ Парижа въ Вѣну, и для на-
 шего Журнала вовсе бесполезное; и пошому мы ограничи-
 лись единшвенно выпискою изъ - подъ картинки.)

Изъясненіе картинки при семъ Но.

Чепчикъ изъ шюля, вышитаго или сложеннаго свитаго
 въ трубочки (*tuqaute*). Пеньюаръ изъ жакома.

П Е Ч А Т А Т Ъ Д О З В О Л Я Е Т С Я ,

съ тѣмъ чшобы, по ошпечашаніи, были предшавлены въ Ценсур-
 ный Комашешъ шри экземпляра. Москва. Сентября 29 го дня, 1832 г.

Ценсоръ Николай Лазаревъ.

1838.

Парижская Мода.

№ 41.

Дальский Журнал.

ДАМСКІЙ ЖУРНАЛЬ.

Л И Т Т Е Р А Т У Р А .

П Р О З А .

К о м е т а Б і е л ы .

(Окончаніе.)

„Вы въ Меркуріѣ, на обсерваторіи, у славнаго астронома *Грандіоза*, нехвасповски скажете, *такъ* прозваннаго по огромности его познаній, а не по росту. . . да, сударь! вы удивляеши моему огромному росту?“ (его огромному росту! каковъ же хваспунишка?) „Это правда, я великанъ изъ великановъ! судите сами: нашъ Меркурій въ пннадцать разъ меньше вашей земли; а вы, судя по глазомъру, не въ 15 разъ выше меня! но дѣло не въ томъ; очень радъ, что васъ вижу!“

— Развѣ вы меня ожидали? —

„Ожидаль и поджидаль со всѣмъ неперпѣніемъ ученаго, желающаго всякихъ благъ липшерапору; мы держимся правила въ нашемъ Меркуріѣ:

Toutes les Muses sont soeurs. Auteurs ! vivez en frères ! . . .

„Т. е. всѣ Музы сестры. Авторы ! — или когда угодно — ученые ! живите побратски ! въ мирѣ , въ согласіи !“

— У насъ *не такъ* ! но выслушайте . . . —

„Все равно , милоспивый государь ! все равно ! По пословицѣ : *что городъ то норовъ*, *что планета , то обычай* !“

— Я хопѣлъ бы узнать . . . —

„Почему я васъ ожидалъ ? опять по пословицѣ ; я спрахъ люблю пословицы : *Рыбакъ рыбака далеко въ плесѣ видить* ! а я васъ замѣшилъ на землѣ ! кажешся , не близко ! самъ посылалъ за вами.“

— Эту спаруху , которая . . . —

„Которая васъ занесла сюда !“

— Гдѣ она ? ктѣ она ? ибо я не вѣрю . . . —

„Послѣ , послѣ все повѣримъ ! — а шеперь , башюшка , садись къ дѣлу !“

Этотъ болтушка суешился , шнырялъ около меня , жужжалъ какъ шмель . Если всѣ жители Меркурія , подумалъ я , такъ шрещашъ , какъ г-нъ Грандіоза , то съ этой планеты долженъ далеко разноситься гулъ по эериу ! Ужь не опъ шого ли слышишся громъ на землѣ ? Разгадались передо мною и *турбиййоны Декартовы* : пакое многоглаголаніе должно производить вокругъ Меркурія безпреспанный вихрь , опъ котораго , сія планета должна оборачивашься на своей оси — во мгновеніе ока ! (*чего* наши аспрономы еще не опкрыли !) Все это подумалъ я однакожь скорѣ , чѣмъ вамъ рассказалъ ; а попому и мой велерѣчивый аспрономишка , почпи не переводя духу , продолжалъ :

„Знаешели ли вы, что сегодня, ш. е. 17 го Октября (*). . . .“

— Какъ сегодня? не уже ли я путешествовалъ нѣсколько мѣсяцевъ по воздуху? —

„Не въ этомъ дѣло: сегодня, говорю вамъ — если выкладки не вѣрны — Комета Біелы, можетъ быть, и сполкнешся съ вашею землею, *чего тамъ* ужасно боятся!“

— А вы, сударь, почему узнали, что мы такіе шрусы? —

„У васъ на землѣ болшунны такъ громогласны, что слышно здѣсь, въ Меркуріѣ!“

Вошь шебъ на! — подумаль я — какъ же болшашъ опасно! —

„Подслушавъ ихъ шолки, я спаль вычислялъ, выкладывалъ, и сегодня съ зари упренней на обсерваторіи!“

— Не полагаешели вы, государь мой, сморѣшь на это происшествіе хладнокровно съ Меркурія — какъ на попухающую звѣзду, на вспышку пороха, на минушный блескъ огонька? —

„Буду разсмапривать феномень со вниманіемъ человекъ, помышляющаго о пользѣ наукъ, о своей славѣ, о безсмертіи. . . .“

— Какое вамъ безсмертіе? . . . эшопъ шолчекъ общаешь, по просшу, свѣшпреставленіе! . . . . —

• „Что такое? . . .“

— Свѣшпреставленіе! . . . Такъ, г-нъ великоумный Профессоръ Грандіоза! преспавленіе свѣша! . . . шопъ есть разрывъ общей системы міровъ, низверженіе, уничтоженіе эшихъ *мири-*

(*) Т. е. новаго стиля: слѣдовательно *Анны Аванасьевны* напуганы понапрасну. *Изд.*

адовъ тѣль, шакъ величешвенно плавающихъ въ пространствѣ небесъ! —

„А куда вы ихъ низвергнете?“

— Въ бездну безконечности! —

„А гдѣ эта бездна безконечности?“

— Ну, *тамъ*! . . . Забавный вопросъ! . . .

Какъ будто вы незнаете! не понимаете! . . . Тамъ. . . разумѣется въ *хаосѣ*! . . . Наша земля есть *звено* всеобщей цѣпи: уничтожьте *его*, и цѣпь разрушится! . . . —

„Отъ чего?“

— Отъ того, г-нъ изувѣръ, что это уже давно доказано непрерывнымъ движениемъ. . . . силою магнетической. —

„Доказано у васъ на землѣ; а въ Меркуріѣ думаютъ иначе!“

— И ошибаются! —

„Оспариваетъ до всеобщей повѣрки; а пока-мѣстъ вопль наши умозаключенія: мириады міровъ, шакъ великолѣпно успроенныхъ, и повинующихся общимъ законамъ, доказываютъ прѣмудрость, могущество, и волю Зиждителя неболше, какъ и послѣдняя былинка, послѣдній атомъ на обипаемыхъ нами планетахъ; а въ эшѣхъ планетахъ самая *Безчисленность Видимаго*, кажется, ближе всего подходитъ къ безчисленности шворенія во всей вселенной: это математическая пропорція, — малый масштабъ, по которому свыше дозволено человеку — этому атому міровъ — предугадывать величайшія истины! . . . не шакъ ли?“

— Точно шакъ! —

„Теперь возьмемъ въ примѣръ первой кушъ, первое дерево: *есть* ли на немъ два листа, похожіе, одинакіе? Въпръ, дождь, градъ, зной, всякая перемѣна въ атмосферѣ дѣйствуетъ на

нихъ разнообразно; одинъ листокъ засыхаетъ, засохъ, свалился; другой только - что развертывается: такъ и цѣлые кусты, деревья, живошныя, люди! Одни исчезаютъ, другіе появляются — и, между тѣмъ, въ отношеніи къ общему порядку, къ цѣлому, шо есть къ Планетъ, нѣтъ никакой перемѣны! . . . Она существуетъ, печетъ назначеннымъ путемъ около своего солнца по *прежнему!* . . . не такъ ли?“

— Точно такъ! —

„Умножьте пропорцію — и шопъ же резултатъ останется для мириада міровъ. . . -

— Вошь это не такъ! Куда вы денете разгаданную шайну взаимнаго пришняженія тѣлъ? . . . одно прошивно другому! —

„Нимало! система *міровъ* у насъ обоихъ одна и та же; но почему въ *одномъ изъ нихъ* между шремя тѣлами уничтоженіе средняго должно непременно *всѣ* разрушить? Развъ взаимное пришняженіе крайнихъ тѣлъ, безъ средняго, не можеть сохраниться? По тѣмъ же законамъ центровлекомой силы они могутъ между собою нѣсколько сблизаться, приблизить къ себѣ тѣла сосѣдственныя и такимъ образомъ *измѣнить* всеобщую систему о положеніи міровъ, не уничтоживъ оныхъ. Мы, въ Меркуріѣ, чѣмъ болѣе поражены величиємъ созданія, тѣмъ менѣе осмѣливаемся мечтатъ, чшобы съ уничтоженіемъ нашимъ долженъ быть непременно уничтожиться и весь *этотъ великолѣпный Престолъ славы Зиждителя!* . . . Чшо вы на это скажете, милоспивый государь, липшераторъ?“

— Я - съ? . . . я - съ. . . . Но, милоспивый государь, аштрономъ! . . . —

„Наконецъ“ подхвапиль досадный болпунишка „согласимся и въ помъ, что можеть произойти полчекъ между кометой и планетой, хотя возможность такого происшествія по сіе время Астрономією не такъ ясно еще доказана, какъ: *дважды два четыре*; но почему произойдетъ сіе именно въ нынѣшнемъ году, и опъ толчка Біелы съ вашею землею? Кшо васъ увѣрилъ въ эпомъ? . . . безъ сомнѣнія не Астрономы! ибо милліоны вѣроятностей противъ одной, что эпаго не будетъ!“

— Милоспивый государь, Грандіозо! благоволише выслушашъ — (замъпше, что эпомъ мальчикъ съ пальчикъ своимъ рѣшительнымъ пискомъ, своимъ къ верху вздернушимъ носикомъ такъ меня озадачилъ, что я передъ нимъ почти прикусилъ языкъ!) — милоспивый государь! у насъ писали шо же въ газетахъ; хопѣли успокоить напуганныхъ. . . да кшо повѣришь газетамъ, когда спарики и спарухи доказали неоспоримо, что настали времена послѣднія? —

„*Чѣмъ* доказали? . . .“

— Отецъ ссорился съ сыномъ, братъ идетъ на брата, сильный давитъ слабого. . . Моръ, войны, голодъ, всякое зло, а добра *нѣтъ*! —

„Зло было, есть, и будетъ! эпо не новость; а что добра *нѣтъ*, — еще не доказано! Надѣюсь, что добро, своимъ чередомъ, цвѣшетъ и на вашей планетѣ; но только въ психомолку; ибо добро не шумитъ, не бурлитъ, не бросается въ глаза, какъ зло — плодъ неугомонныхъ спрасшей человѣческихъ! Можеть бытъ, добра *только кажется* меньше, а попому и уповаю за васъ на милость Божию! Наконецъ, оставимъ ученость: коснемся Религіи, безъ которой человѣкъ не опличается опъ живошпаго;

предвѣчная Премудрость не благоволила под-
нять завѣсы будущаго для слабаго нашего разу-
мѣнія! Намъ вѣрно ожидать терпѣливо, безъ
умшвованій, всемогущаго соизволенія; вѣрно
быть *всегда* готовыми къ ошвѣшу, — съ запа-
сомъ добрыхъ дѣлъ, съ чистою совѣстію, съ
любовію къ Создателю, съ надеждою *до конца*
на Его безпредѣльное милосердіе! И кто
смѣешь въ точности опредѣлить: *чѣмъ* кончи-
ся Судъ Его? разрушеніемъ, или обновленіемъ
созданія? *какъ* и *когда*?

— Воля ваша, г-нъ Грандіозо! — старые
люди замѣтили, что соль просыпается; разли-
вается масло; посуда почти не бьется;
курицы кричатъ пѣшухами; псы съ утра до
ночи воюшъ. . . Родятся двойни, тройни, уро-
ды. Была холера. По селамъ бѣгаюшъ вол-
ки, а это все не къ добру; и слѣдственно
конецъ свѣта пришелъ; сбудется сегодня. . .
Комета сполкнется съ землею. . . и дѣлу ко-
нечъ! . . . и я съ вами. . . —

„Комета прошла ближайшее разстояніе отъ
земли, чего на ней и не *видали* суевѣрные,
неимѣющіе шелескоповъ!“ вскричалъ порже-
ственно Астрономъ, ошводя глазъ отъ инстру-
мента.

— Охъ! полно шакъ ли, батюшка? наши
старые люди швердяшъ не даромъ. . . —

„Долой его съ Меркурія!“ закричалъ въ бѣ-
шенствѣ Лилипудикъ: „долой эшаго презри-
шельнаго суевѣра! . . . сей часъ на землю! онъ
не достоинъ бытъ шакъ близко къ солнцу!“

Глядь! кошняная модница — съ помеломъ
на плечъ, какъ съ ружьемъ — спойшъ на ка-
рауль у химическаго камелька Профессора Гран-

діво. . . . „Тащи его опсюда! — и когда взовьешься на воздухъ, сполкни въ низъ!“

— Помилуйте! —

„Вонъ!“

Ахъ, мои башюшки - свѣшты! не успѣлъ чихнуть, и я ужъ въ лапахъ спарухи. . . подхвачень на помело; вылетѣлъ съ нею въ шрубу. . . . Уже кружимся въ воздухъ. . . . Не пошайте, машушка! доспавъше меня бережно на землю! —

„Стану прудиться для шакого негодя! . . . пошелъ! . . . не держись за меня!“

— Сударыня, помилуйте! . . . оспавъше душу на покаяніе! — я вамъ сослужу службицу! —

„Какую?“

— Вы богашы памяшью: довезишежь меня въ кабинешъ, и я въ замысловапой спашейкѣ наше пупешествіе съ земли въ Меркурій и обратнo предамъ вѣчной памяти грамошныхъ пошомковъ! —

„Нѣшъ, брашъ!“ закричала спаруха: „я вамъ далась не вьючная лошадь! . . . Ваши спашы и безъ пого плеча опшянули! *Вѣчная память*, голубчикъ!“

Я оборвался. . . . лечу въ низъ, какъ пущенный камень. . . . каково положеніе? ей! ей! въ глазахъ пошемнѣло. . . ошибъ смершельный обморокъ. . . и я не прежде опомнился, какъ на своемъ креслѣ!

Гляжу: Гарсонъ лежишъ недвижимъ, распшянувшись — на помъ же мѣшпѣ, на кошоромъ убила его помеломъ лихая спаруха! Спало — *это не сонъ*, истина! . . . garson, ісі! . . . онъ мершвъ! ісі! и стромраморный Гарсонъ вспалъ, пошянулся, подошелъ, и по-

ложилъ свою черную голову съ черными длинными ушами на мои колѣна!

На голосъ мой скрыпнули двери. . . Я вздрогнулъ. . . Ужъ не лѣзешь ли опять Кіевская вѣдьма съ хвостикомъ? Слава Богу! — эшо наши, живые, обыкновенные люди! мои домашніе.

„Что такъ сплыли свѣчи?“ спросила Анна Аванасьева: „аль схрапнулъ, башюшка?“

Нѣтъ, друзья! я думалъ, воображалъ и вычислялъ по своей безконечной учености, что преспавленіе свѣща въ эшомъ годѣ не случится; будьте покойны и благодарите Бога! *Телескопическая Комета Біелы съ землею не столкнется. . . эшо бабьи бредни!*

„Не хвались, башюшка, своею наукой: сколько ни дуйся овсяникъ, не быть колачемъ! Хотя, по ученому, я ничего не знаю; но умру съ своимъ! — Ни бабамъ-егамъ, ни вамъ, сударь, не вѣрила, не вѣрю, и вѣришь нехочу!“

Чѣмъ прикажеше убѣдить Анну Аванасьевну и ей подобныхъ?

Другіе хошь ужъ молчали.

Вас. Головинъ.

А л ь б о м ъ.

Какъ пріятно и по самолюбію, и по любви къ истинѣ находишь собственныя мысли и чувства въ мысляхъ и чувствахъ другаго! Мы насладились (будемъ опкровенны!) сею пріятностію, чипая въ 9 Но Московскаго Телеграфа нижеслѣдующее, подъ спашьею: *Повѣсти Михаила Погодина.*

» . . . . . Г-нъ Погодинъ не рожденъ бышь романическимъ писателемъ; у него нѣтъ ни воображенія, ни слога, ни теплоты душевной, и осьь того повѣсти его напьянушы, грубы, холодны. Всякій можешь удосповѣриться въ эпомъ, прочитавъ любую повѣсть. . . . Пора бы ему извѣдать силы свои. . . . или, чшобы не опваживашься на славу Тредьяковскаго, вспомнишь, что не всякій рожденъ писателемъ.«

С Т И Х О Т В О Р Е Н І Я .

С О Н Е Т Ъ

*на прибытіе ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I
въ Москву, 20 Сентября 1832 года.*

Кипитъ и волнуется Кремль злагоглавой;
По площади, крыльцамъ и окнамъ народъ
Безмолвень и зорокъ; и плавно гудѣшь
Великій - Иванъ громовою окшавой.

*

Ура! НИКОЛАЙ, красотой величавой
Цвѣшущій, и крѣпкій, и свѣтлый, грядесть:
Предъ Тѣмъ, Кто народъ ЕГО свыше блюдесть,
Склонисься главою, увѣнчанной славой!

*

О Русь! О щастливица! вспомни: въ семь лѣшь
Какія ОНЪ грозы отвель осьь Державы!
Молися-жь, молися за Щишь свой и Цвѣтъ!

*

И, если шы жаждешь блаженства и славы,
Делѣй ЕГО свято, какъ Неба привѣтъ!
Вглядись: ОНЪ являетъ Героя Полшавы.

Аванасій Шпигоцкій.

ИЗВѢСТІЯ.

Андрей Безыменный. Старинная повесть.

(Окончаніе.)

(Стран. 59.) »Примѣромъ и побужденіями побуждалъ.« Чѣмъ сказать на это?

(Стран. 62.) »Есть ли щастіе на землѣ? обратишься съ симъ вопросомъ къ сребролюбцу,« и проч. »вамъ скажушь, *нѣтъ*. Спросише у любящихся, *вѣрно* получите въ отвѣтъ, *да*.« А еще *вѣрнѣе* получите отвѣтъ *Рускаго* въ отвѣтъ: *есть*. Подумайше-ка, господинъ *безыменный*!

(Тамъ же.) »Радость двойная.« Поруски говорятъ и пишутъ: *двойная; сугубая*.

(Стран. 63.) »Отдыхалъ отъ дѣлъ въ обществѣ *невѣсты*.« А если бы она была *одна*? Поруски не говорятъ *въ общество*, разумѣя одного человѣка.

(Стран. 64.) У кого находился въ услуженіи и въ усердіи къ его пользѣ, увѣренный въ *безнаказанности*,« и проч. Чѣмъ за слово? а сначала фразы подумаешь, чѣмъ *находился и въ усердіи*! Мы соблюдаемъ со всею точностію пунктировку *безыменнаго*.

(Стран. 65.) »Тысячу или двѣ рублей.« *Двѣ рублей!* . . .

(Стран. 66.) »Извинише *откровенности*.« Извинише: не *откровенности*, а *откровенность* — поруски.

(Стран. 67.) »Рабы Царя правосуднаго, *въ державу* коего невинность найдешь. . . .« Рускій бы сказалъ: *подъ державой*.

(Стран. 76.) »Велитъ дядькѣ *приказать*. . . .« Рускій бы сказалъ: *приказываетъ дядькѣ велѣть*.

(Стран. 66.) »Съ счастливымъ расположеніемъ духа, какое только *естрѣчаемъ* у двѣицѣ

невѣспъ.“ Чисто не поруски: *встрѣчаемъ* — шолько идущее или ѣдущее.

(Спран. 89.) „Варенька съ успремленными на дорогу очами *вся ожиданія*.“ Можно ли же ожидать опть *Рускаго* шакихъ выраженій ?

(Спран. 91.) „И завидѣвъ опца: „бапюшка, „говоришь.“ Кажется, нынѣ и дѣпи знаютъ, что это оборотъ *Французскій*; а ихъ множе-ство въ *Руской* повѣспи.

(Спран. 115.) „Виднѣлись.“ Въ *старинной* повѣспи *новомодное* словцо, и еще не подходящее ни подъ какую *аналогію* въ Рускомъ языкѣ !

(Спран. 126.) „Люди не безъ слабостей, и чтобъ *успѣть съ ними*, надобно. . .“ Съ кѣмъ ? *въ чемъ* ? Поруски говоришься иначе.

(Спран. 127.) „Когда вся кровь *поднимает-ся къ сердцу*.“ Рускіе говорящъ: поднимается въ голову, приливаетъ къ сердцу.

(Спран. 131.) „Что спанешся съ побой, когда узнаешь, онъ жерпва ихъ ухищреній ?“ Что узнаешь изъ эшой фразы ? Надлежало: „когда узнаешь, *что* онъ жерпва,“ и проч. Но *что* уже было, а *безыменному* не хотѣлось цовспоренія — и вышла нелѣпца.

(Спран. 136.) „Рѣшивъ облечься.“ Поруски ли это ?

(Спран. 139.) „Забудеть *возлюбленнаго* и выслушаетъ предложеніе о новой *женичьбѣ* ?“ А не замужствѣ ? Въ Рускомъ языкѣ естъ нѣко-порая разница между *женичьбой* и *замуж-ствомъ*.

(Спран. 143.) „*Мужаясь* заспулненіемъ.“ Не на шушку *постаринѣ*: кажется, изъ Слова о плку Игоревѣ.

(Спран. 149.) „Цѣля душу, цѣлила и шѣло.“ Мы не упошребляемъ *удареній*, и попому не вдругъ поймешь шакое *двуслмысленное* выраже-

ніе въ надлежащемъ смыслѣ. Рускій языкъ имѣеть другой глаголь: *изцѣлять*.

(Спран. 151.) Ударивъ къ окончину, въ по время какъ окно съ трескомъ рухнуло: „видишь ли,“ говоришь. . .“ (Петръ Первый.). И Петръ Первый говорилъ не поруски! Да и вся эша фраза *рухнула съ пера*, вовсе не рускаго.

(Спран. 152.) „Эшо было первая любовь.“ И не послѣдняя полуруская рѣчь.

(Тамъ же.) „Спаль *скриваться передъ* приближенными.“ Не очень же *скроешься передъ* кѣмъ нибудь. Не *таишься* ли?

(Спран. 160.) „Успавлены изображеніями *окрашенной жести* изъ Эзоповыхъ басенъ.“ Окрашенной жести изъ Эзоповыхъ басенъ? Спало совсѣмъ новая басня, подъ именемъ: *окрашенная жость*. Очень видно, что *безыменный* не умѣеть сладить съ Рускимъ языкомъ — въ Руской повѣсти!!

(Спран. 161.) „Островокъ, занятый подъ *бесѣдкой*.“ Вошь еще и новое географическое открытіе, и новое доказательство сказаннаго нами о Рускомъ языкѣ въ Руской повѣсти.

(Спран. 193.) „Ни дашь, ни взяшь, играли съ кошками.“ *Ни дасть, ни взять* — формула Руская, но упошребляешся вовсе не въ шакомъ случаѣ.

(Спран. 194.) „Если встрѣчались взорами, опускали краснѣя очи.“ Понимаемъ; но должнo: *то* опускали.

(Спран. 202.) „Едва лишь.“ *Лишь* — лишнее; но не лишнею была бы часпица *какъ* послѣ едва.

Едва дождались и мы вождедѣнной минушы сказать, что развязка повѣсти — плѣнительная, масперская, достойная *ПЕТРА* и *ЕКАТЕРИНЫ!*

Парижскія моды.

Нынѣшнюю зиму появится новая маперья, просто называемая *Тибетъ*; сѣя маперья будетъ упопрѣбительна для плащей и реденгошовъ; она состоить изъ широкихъ полосъ: однѣ гладкія, другія какъ бы атласныя (satinées); ее вышивающъ шерстями: чѣмъ придаетъ ей прекрасный видъ.

— Большіе объяринные вышитые воротники, набрасываемыя на плеча, при выходѣ изъ спектакля, въ большемъ упопрѣбленіи; ихъ можно сдѣлать весьма красивыми. Мы видѣли такой воротникъ (collet) изъ бѣлой объяри, съ букешами вокругъ, вышитыми цвѣтнымъ шелкомъ; а другіе кашемировые, также съ богатымъ шитьемъ. Сіи воротники такой же величины, какіе дѣлаются на плащахъ, и такъ же имѣющъ маленькій опложной воротничокъ чепвероугольной формы; спереди они заспегивающся аграфомъ, или завязываются. Тамъ, гдѣ сшиша маперья, памъ означается выпушкою или узенькимъ шитьемъ.

Изъясненіе картинки при селѣ No.

Платье изъ шерстяной кисеи. Шляпка изъ гродезенда (gros des Indes). Канзу изъ вышитаго тюля.

П Е Ч А Т А Т Ъ   Д О З В О Л Я Е Т С Я ,

съ тѣмъ чѣобы, по оппечашаніи, были предшавлены въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра. Москва. Октября 7го дня, 1852 г.

Ценсоръ Николай Лазаревъ.

1832.

Парижскія Моды .

№ 42.

Дамскій Журналъ.

ТАМСКІЙ ЖУРНАЛЬ.

Л И Т Т Е Р А Т У Р А.

П р о з а.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПОВѢСТИ ПОДЪ НАЗВАНІЕМЪ :

Бабушка, или три подарка; преданіе старины.

Г Л А В А II.

Наступила ночь. Блещащій ликъ луны, красуясь на синемъ небѣ, осребрялъ уснувшую долину, золошилъ шихія волны озера и помно освѣщаль низкую хижину Пешра. На ея приюжномъ порогѣ, съ наклоненною къ груди головою, съ печальнымъ предчувствіемъ въ сердцѣ, сидѣла старая мать Пешра; возлѣ, прижавшись лицемъ къ ея колѣнамъ, покоилась мирнымъ сномъ младенца крошкая Лиза.

»Пробудись, малюшка!« сказала бабушка, шихонько препля юную внучку по румяной щекѣ: »проснись, моя Лизанька!«

Башюшка! — вскричала очнувшись Лиза, и быстро посмотрѣла вокругъ себя.

„Опомнись, миленькая! Чтò съ тобою?“ спросила заботливо бабушка.

— Башюшка. . . . Гдѣ онъ? возвратился ли онъ, бабушка? —

„Возвратился ли? . . . Вѣкъ мой дологъ; но онъ уже приходишь къ концу, а я не помню ни одного дня въ жизни, когда бы такъ долго ожидала ошца швоего къ ужину. Смотри: мѣсяць уже на половинѣ неба; долина, воды, холмы, окрестныя хижины — все покоится давно уже глубокимъ сномъ, а ошца швоего нѣтъ, какъ нѣтъ!“

Его нѣтъ! — вскричала Лиза испугавшись — его нѣтъ? . . . Ахъ! онъ не возвратится! —

„Успокойся, дитя мое! онъ возвратится; конечно замешкался въ продажѣ; подождемъ: если не сегодня, то завтра съ разсвѣтомъ онъ придетъ. . . .“

Онъ не придетъ къ намъ, бабушка! онъ уже не придетъ къ намъ! — сказала Лиза, проливая слезы.

„Не плачь, дитя мое; завтра ты увидишь ошца своего. Съ горь повѣялъ свѣжій вѣтеръ; роса упала на долину; здѣсь сыро и холодно. Войдемъ въ хижину, Лиза; ложись спать и успокойся.“

Какъ могу успокоиться, бабушка? — говорила Лиза всхлипывая; увѣрю тебя, что башюшка ужъ не придетъ къ намъ: я видѣла. . . . Онъ споялъ вонъ шамъ, за рѣкою; побѣжала къ нему на встрѣчу, но рѣка не позволяла мнѣ къ нему приблизиться. „Башюшка!“ кричала я ему. Вдругъ ужасная змѣя ползетъ изъ спраш-

наго дѣса; бросается на башюшку, обвивается вокругъ него. . . . Я хочу бѣжать къ нему. . . . „Просни, Лиза!“ вскричалъ онъ, и ты меня пробудила. Бабушка! если онъ въ самомъ дѣлѣ ужаленъ змѣею. . . . Ахъ! поспѣшимъ къ нему на помощь! —

„Змѣя!“ прошепшала смущенная спаруха: „не доброй сонъ!“

Пойдемъ же, бабушка! — повшорила Лиза, продолжая плакать.

„Все это ты видѣла во снѣ, мое дитя!“ сказала спаруха, спараясь успокоить малюшку: „войдемъ въ хижину; ложись и усни; завтра побѣжишь встрѣшишь ошца.“

— Нѣтъ, бабушка! я не лягу спать; буду ждать башюшки; если-жь онъ умеръ, умру и я съ нимъ вмѣстѣ! —

Едва скрывая свое смяшеніе, спаруха взяла за руку плачущую Лизу и повела въ хижину. Онъ уже не возвратился къ намъ! — повшоряла малюшка рыдая, и вопль ея долго не умолкалъ въ хижинѣ.

На безоблачномъ небѣ давно уже сіяло красное солнце, когда пробудилась юная Лиза. „Бабушка! гдѣ ты?“ были первыми ея слова; но бабушка не отвѣчала. Съ грустію въ младенческомъ сердцѣ малюшка вспала съ своего лиственнаго ложа, вышла изъ хижины и устремивши въ даль слезящія взоры, примѣшила спарушку бабушку, пихими шагами идущую по долинь. Подобно легкому мотыльку, Лиза полетѣла къ предмету шоски своей, и чрезъ нѣсколько минутъ лежала уже въ объятіяхъ спарухи, орошая радостными слезами дряхлое лице ея.

„Возвратился ли ошець швой?“ поспѣшно спросила бабушка у внучки.

— Нѣтъ, бабушка! вы всѣ меня оставили; я была одна, совершенно одна, и горько плакала съ печали. Но бапюшка. . . Развѣ ты не видала его? развѣ онъ не былъ съ шобою? —

Спаруха не слыхала послѣднихъ словъ ея; кидая окрестъ задумчивыя взгляды; она говорила: „Его нѣтъ; онъ не возвращался. . . Увы! не даромъ разрывается сердце мое! . . Я искала его въ городѣ, на рѣкѣ, въ полѣ, въ окрестныхъ хижинахъ. . . Напрасно! нигдѣ его нѣтъ, никто его не встрѣчалъ, никто не слыхалъ о немъ. . . Сынъ мой, милый сынъ! неужели оставилъ ты сиротами дряхлую масть и малолѣтнюю дочь? . . .“

Какъ? бабушка! что ты говоришь? — вскричала пылая Лиза — Бапюшки нѣтъ? . . . Онъ не возвратится? . . . —

Въ сію минушу молодой рыбакъ, поварищъ Петра, приблизился къ печальной спарухѣ и ея неперпѣливой внучкѣ. „О чемъ вы здѣсь горюете?“ спросилъ онъ.

Сына моего нѣтъ со вчерашняго утра — отвѣчала бабушка — я искала его нынче вездѣ, но напрасно. Будь жалоспливъ, скажи: не встрѣчалъ ли ты его гдѣ-нибудь? —

„Я вчера говорилъ съ нимъ,“ отвѣчалъ рыбакъ.

— Когда? гдѣ? —

„Тамъ, на ловлѣ; но не прогнѣвайся, если я скажу тебѣ непріятную вѣсть.“

Что? говори! — съ шрепешомъ сказала спаруха.

„Я самъ видѣлъ,“ продолжалъ рыбакъ спокойно „какъ онъ печально сидѣлъ на берегу рѣки, не поймавъ ни одной рыбы; я самъ слышалъ, какъ онъ объявилъ свое намѣреніе идти

на шѣ озера, что въ страшномъ лѣсу; смотрѣлъ наконецъ, какъ онъ переправился чрезъ рѣку и скрылся въ густомъ лѣса.“

Онъ ушелъ шуда? — спросила старуха, блѣднѣя.

„И вѣроятно не возвратишься!“ отвѣчалъ рыбакъ съ равнодушною рѣшительностью.

Онъ погибъ! — вскричала мать ошчаянымъ голосомъ, и упала на землю.

„Умеръ!“ повторила громко Лиза; бросилась къ безчувственной бабушкѣ, и обливая слезами холодныя руки ея, вскричала: „Бабушка не умирай хоть ты!... Ахъ! живи, живи, бабушка!... Если и ты меня оставишь, что со мною будешь?“

Ольга Крюкова.

Б е т г о в е н ь,

Бетговень, удалившись въ Бадень, жилъ тамъ печально и уединенно маленькою пенсіею, которая шолько-что не допускала его до крайности. Единственнымъ удовольствіемъ его были прогулки въ обширномъ лѣсу, окружающемъ городъ; одинъ, предаваясь влеченію своего гения, Бетговень сочинялъ безсмерщныя симфоніи; душа его, слишкомъ высокая для людей, возносилась къ небесамъ и бесѣдовала съ ангелами въ звукахъ не земной гармоніи,

Однажды, когда онъ былъ въ такомъ расположеніи духа, принесли къ нему письмо, опозвавшее аршиста на землю, гдѣ ожидали его новыя горести.

Племянникъ, которому онъ заступилъ мѣсто отца и къ которому былъ привязанъ самыми благодареніями своими, ему оказанными, просилъ дядю немедленно пріѣхать въ Вѣну, гдѣ одно только его присутствіе могло спасти племянника отъ какого-то непріятнаго случая.

Бенговенъ опправился, но желая избѣгнуть издержекъ, прошелъ половину дороги пѣшкомъ. Однимъ вечеромъ онъ попросилъ гостеприимства въ маленькомъ домикѣ, за нѣсколько миль отъ Вѣны, куда уже не доставало ему силъ дойти. Его приняли. Онъ раздѣлилъ ужинъ честныхъ хозяевъ и съѣлъ попомъ въ уголь. Когда убрали все со стола, то хозяинъ открылъ старое фортепьяно и свое сыновей его взяли свои инструмены; мать и дочь были заняты хозяйственными заботами.

Отецъ взялъ первый аккордъ и попомъ всѣ четверо заиграли съ пою вѣрностію, которою отличаетъ природный талантъ Нѣмцовъ къ музыкѣ. Казалось, они принимали особенное участіе въ разыгрываемой ими піесѣ; обѣ женщины оставили свою работу, чѣмъ слушать, и на ихъ лицахъ изображалось сильное душевное движеніе. Бенговенъ, видя удивительное вниманіе играющихъ, ихъ оживленныя фізіономіи, ясно доказывавшія, какъ сильно дѣйствовала на сихъ людей музыка, отдавалъ имъ все преимущество надъ Испальянскими музыкантами, которые не иное что, какъ хорошо усвоенныя машины.

Кончивши игру, отецъ и сыновья пожали другъ у друга руку, какъ бы желая сообщить одинъ другому свои пріятныя впечатлѣнія; молодая дѣвушка бросилась въ объятія матери своей. По-

говоривши съ минушу, они снова принялись за инструменшы; тогда - по воспоргъ дошелъ до высочайшей степени; влажные глаза музыканшовъ сверкали удовольствіемъ. „Друзья мои!“ сказалъ Бешговень: „я пакъ нещасливъ, что немогу принять участвія въ игрѣ вашей; вы не замѣтили, вѣрояшно, что я глухъ; но пакъ же, какъ и вы, очень люблю музыку. Покажите мнѣ ноты, которыя пакъ сильно васъ прогаюшъ.“ Онъ взялъ шепрадъ; глаза его смушились, дыханіе ошановилось; онъ заплакалъ и шепрадъ выпала изъ рукъ у него. Музыка, приводившая въ восхищеніе сихъ добрыхъ поселянъ, была. . . . Бешговена — его *Allegretto* изъ симфоніи въ тонѣ *la*.

Все семейство окружило госпя, выражая знаками свое удивленіе и любопытство.

Въ продолженіе нѣсколькихъ минушъ онъ не могъ ничего говоривъ; наконецъ сказалъ: „Я Бешговень.“ Тогда молча всѣ съ почщеніемъ преклонились передъ нимъ, и Бешговень просперъ къ нимъ руки; поселяне осыпали ихъ поцѣлуями, чувствуя что человекъ, находившійся у нихъ, былъ выше всего земнаго. Хозяева съ жадностію смошрѣли на него и желали найши въ чертахъ его ошпечатокъ генія, и сіяніе вокругъ чела его. Но вдругъ Бешговень вспалъ, сълъ за форшепяно и велѣлъ премъ молодымъ людямъ играшъ съ нимъ; никогда музыка не была споль сильно чувствована, и лучше выражена. Окончивши кваршетъ, Бешговень оспался за форшепяномъ и импровизировалъ пакъ, какъ никогда въ жизни, гимны щастію и благосши Небесной. Половину ночи онъ провелъ, играя; эшо были послѣдніе звуки его. Хозяннъ предлагалъ ему успокоишъся, но Бешговень чувствуя лихо-

радку, хопѣлъ подышашь чистымъ воздухомъ и пошелъ по деревнѣ. Въ природѣ царшвовала какая-шо величешвенная гармонія. Бешговень долго восхищался прелешсною каршиною упра; возврашившись, почувствшвалъ необыкновенный холодъ; послали въ Вѣну за докпоромъ, кошорый нашель водяную въ груди Бешговена. Невзирая на всевозможныя пособія, онъ долженъ былъ умерешь черезъ два дня.

Смерть видимо приближалась; но за нѣсколько минушь до кончины Бешговена нѣкшо входилъ къ нему: эшо былъ Гуммель, спаринный и единспвенный другъ его; онъ привезъ ему денегъ, но все было поздно: Бешговень не имѣлъ уже языка; онъ шолько взглядомъ выразилъ Гуммелю свою благодарность. Посредствомъ аккушическаго рожка Гуммель изъявилъ ему горешь свою, видя его въ шакомъ состоянїи. Глаза умирающаго оживились и собравъ ошашпокъ силъ, онъ сказалъ: „Неправда ли, Гуммель, чшо я имѣлъ шаланшь?“ Эшо были послѣднїя слова великаго генія, послѣ кошорыхъ глаза его ошановились, рошь раскрылся и жизнь кончилась.

Съ Франц. К — а Н — я Ш — а.

А л ь б о м ъ.

Байронъ былъ причудливъ опношительно предметшвъ своего вниманія, особенно къ женщинамъ. Г-жа Спаль, превозносимая имъ съ шакимъ воспоргомъ въ его примѣчанїяхъ къ *Чайльдъ-Гарольду*, не избѣгла однакожь насмѣшекъ авшора, кошорый часто повшорялъ эпиграммы на нея, между прочимъ и эшу:

Quel talent ! quel esprit ! quel sublime génie !

En elle tout aspire à l'immortalité !

Et jusqu' à son hydropisie ,

Rien n'est perdu pour la postérité.

Впрочемъ онъ не щадилъ ни одной женщины. О Леди же Байронъ говорилъ всегда съ примѣшнымъ злопамятствомъ. Ей - то онъ посвятилъ свою поэму , еще ненапечатанную , подъ названіемъ : *Супружеское проклятіе* ; онъ сочинилъ ее , говоришь Леди Блессингтонъ , тогда какъ узналъ изъ одного журнала , что Леди Байронъ нездорова. Вотъ начало сего сочиненія :

„Ты была печальна. . . . но меня съ побой не было ; ты была больна. . . . но не видала меня подлѣ своей кровати. Я думалъ , что счастье и удовольствіе могутъ быть для тебя только шамъ , гдѣ нѣтъ меня. . . . Печаль и неудовольствіе — въ моемъ присутствіи ! И такъ не предсказывалъ ли я этого ? Душа , оскорбившая другую , возвращается попомъ къ самой себѣ , и бурю разбитое сердце пребываетъ холоднымъ тогда , какъ скорбь собираетъ разсыянные обломки. . . . Не посреди ужасной бури , когда боремся съ разъяренными волнами , чувствуемъ мы бремя существованія , и спрашиваемъ долѣ влачить его ; но въ послѣдствіи , когда пишина царствуетъ на брегахъ ! . . . тогда узнаемъ мы , что потеряно все , все кромѣ жизни. . . .“ etc. etc.

С Т И Х О Т В О Р Е Н І Я .

М И Н В А Н А .

(Вольный переводъ изъ Оссіана.)

Посвящается Варварѣ Ивановнѣ Роговой.

I.

Безмолвно съ скалы Морвенской крушой
Взирала Минвана на море съ тоской ;
Лицо ея рдѣлось отъ думъ рековыхъ ,
И грудь волновалась отъ вздоховъ глухихъ .
Нѣтъ вѣщи о другѣ печальной Минванѣ !
Вдругъ зришь : забѣлѣлись въприла въ туманѣ .

II.

И то былъ корабль ; онъ къ берегу приплыль .
Любовію зоркій , глазъ тайну открыль :
Сходясь вои друга въ dospѣхахъ спальныхъ ;
Но однихъ межъ ними нѣтъ лишь злыхъ .
„Ахъ ! гдѣ же мой Рино ?“ вскричала она ;
Вскричала , блѣднѣя какъ въ шучѣ луна .

III.

Въ устахъ скорбной рати ужасный отвѣсъ :
„Твой Рино ? . . . . Твой Рино — оставилъ сей свѣсъ .
„Мы зрѣли , какъ шѣло къ холму прилегло ;
„Въ устахъ какъ прощанье съ тобой замерло ;
„Зефиръ стонъ послѣдній умчалъ къ облакамъ
„И призракъ носился его уже памъ ! . . . .“

IV.

„На злачной Уллинѣ (*) мой храбрый другъ палъ ? . . .
„Что слышу ? . . . О Боги ! . . . Коль крѣпокъ мешалъ ,
„Коль крѣпка та мышца , его что сразила ! . . .
„Ужасные ! . . . съ Рино меня разлучили !
„Ужель я останусь одна тосковать ?
„Нѣтъ ! жизнь невозможешь меня оковать ? . . .

(*) Древнее имя ; часть Ирландіи .

V.

„Вѣтры! не играйте моею косою!
 „Не долго вамъ слышать мой вздохъ огневой!
 „Скоро не сольешся съ свисомъ вашимъ спонь?
 „Навѣкъ опочію съ любезнымъ! . . . . Гдѣ онъ,
 „Шествуя съ ловитвы какъ цвѣтъ молодой? . . . .
 „О Рино! въ жилищѣ своемъ мракъ густой! . . . .

VI.

„Гдѣ псы удалые? . . . . гдѣ твой лукъ пугой?
 „Гдѣ щипъ, непронзенный враждебной стрѣлой?
 „Небесная кара — лучезарный мечъ? . . . .
 „Копіе спальное — смертная *предтечь*? . . . .
 „Увы! всѣ доспѣхи я зрю въ корабль;
 „Но ты одинокой спишь въ сырой землѣ!

VII.

„Бывало Аврора тебя, мой прекрасный!
 „Лучемъ вызываетъ на подвигъ опасный!
 „Гдѣ ты, шамъ елени не смѣли вѣпашъ;
 „Теперь же надъ храбрымъ дерзають скакашь!
 „Аврора! низринься въ ужасную тьму:
 „Мой Рино предался смертельному сну!

VIII.

„Подруги! . . . . Не буду одна сиротой:
 „Я къ нему прилягу на одръ роковой! . . . .
 „Тщетно вы пойдете по моимъ спезямъ:
 „Меня не найдете; я буду ужъ *тамъ*!
 „Тщетны ваши пѣсни подругъ былой:
 „Ими не прервется мой сонъ гробовой! . . . .“

Иосифъ Шениъ.

10 го Сентября, 1832.

Новосиль.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ.

Письмо къ Издателю (*).

Кому не извѣстно, сколь драгоцѣнно для Москвы пребываніе въ ней Возлюбленнѣйшаго **МОНАРХА**; кто не знаетъ, съ какимъ восторгомъ передается опъ одного другому ЕГО каждое движеніе, каждое слово и каждый взглядъ? Вѣспъ о ЦАРЬ - Опцѣ и дѣяміяхъ ЕГО какъ молнія перелетаешь изъ устъ въ уста и пипашельна какъ манна для каждаго Рускаго, чувствующаго ЕГО благошворное вниманіе къ намъ! Вамъ Рускіе очень обязаны за сообщеніе имъ многихъ достопамятныхъ происшествій, повѣспвующихъ о пребываніи ГОСУДАРЯ въ древней столицѣ и благодѣяніяхъ ЕГО. Но до васъ не всегда могушь доходить подобныя вѣспи и слѣдспвенно вы не всегда въ состояніи передашь ихъ вѣрнымъ подданнымъ и удовлетворить ихъ желаніе. А пошому пріяшнымъ долгомъ посшавиль сообщить вамъ одинъ важный случай, знаменующій человеклюбивое сердце нашего добраго ЦАРЯ и ЕГО попеченіе о подданныхъ. Вошь въ чемъ заключается сей незабвенный случай: при посщеніи Екашерининскаго Инспишуса, **МОНАРХЪ** изволиль обозрѣвашъ лазарешъ его, проходя который замѣспиль въ числѣ больныхъ 11 - лѣшнюю дочь Калязинскаго помѣщика, бывшую въ самомъ слабомъ состояніи и лишенную надежды къ выздоровленію. Повелишель милліоновъ оспанавливается у кровати, распрашиваешь о болѣзни воспитанницы,

---

(*) Благодарному за оное выше всякаго выраженія.

свспраждаетъ и общаетъ прислать Лейбъ - Медика , которой вслѣдъ за отбытіемъ ГОСУДАРЯ является и употребляетъ всѣ средства къ возстановленію здоровья спрадалицы ; но ни милосердное попеченіе Великаго МОНАРХА , ни дѣятельныя пособія почтеннѣйшаго Лейбъ - Медика А — га не избавили ея отъ смерти, гнѣздившейся въ ней почти съ самаго рожденія. Родители же умершей , исполненные самой глубочайшей и благоговѣйной признашельности къ Отцу - МОНАРХУ за ЕГО милосливое вниманіе и попеченіе о возстановленіи здоровья дочери ихъ , молящъ Бога о долгоденствіи своего ЦАРЯ.

Споль драгоценною вѣстью вы конечно доставилие живѣйшее удовольствіе всѣмъ Рускимъ , обожающимъ своего МОНАРХА и восхищающимся ЕГО дѣяніями , а не менѣе пого упѣшилие въ горести и самыхъ родителей.

Ив. Шавиревъ.

4го Октябръ 1832 года.

Москва.

ИЗВѢСТІЯ.

1.

*Досуги Инвалида. Дѣвъ части. Москва.
Въ типографіи Степанова. 1832.*

Никогда извѣстіе о книгѣ не имѣло споль сильнаго права на гражданство въ *Дамскомъ Журналѣ* , какъ извѣстіе о *Досугахъ Инвалида* — книгѣ , содержащей въ себѣ полный праташъ женской характериспики въ различныхъ положеніяхъ семейной жизни и опличной повѣ-

спивовашельною занимательностію, соединяющею *пріятное съ полезнымъ*, безъ всякой сухоспи нашихъ историческихъ, саширическихъ и нраво-описашельныхъ романовъ, копорые, подобво Альпійскимъ снѣжно-ледянымъ лавинамъ, ринулись на песчанья липшерашурныя долины наши, заморозили кое-гдѣ зеленѣвшую мураву ихъ и, кажется, на долго проложили санную дорогу!... Желаемъ добраго пуши Парнасскимъ Лопарямъ нашимъ и обращаемся къ Досугамъ Инвалида.

Безконечные и непрерывные *досуги* другихъ *инвалидовъ* (впрочемъ не служившихъ подѣ законными знаменами свѣтлаго Феба) оглашены блестящими эпохами, пышными именами, знаменитыми лицами и — подобно Содомскому яблону — снаружи красивы, а внутри прахъ.

Совсѣмъ не то въ *Досугахъ* нашего *Инвалида*. Тамъ подѣ шупливымъ названіемъ двухъ повѣстей: *Матушка-мадамъ* и *Марихенъ*, споль много важнаго, любопытнаго, инперснаго, поучительнаго, что безпрестанно удивляешься *неожиданности*, копорую находишь въ нихъ и копорая шѣмъ болѣе занимаетъ васъ, чѣмъ далѣе читаете. Но если намъ что-либо понравилось въ особенноти, это судѣ Автора о *Князѣ Потемкинѣ*, копорый не *для всѣхъ глазъ* являлся въ такой наготѣ подѣ шаинствненными, іероглифическими своими покровами!

Окончаніе второй повѣспи доспойно особеннаго замѣчанія. Вы узнаете неожиданную развязку печальныхъ происшествій самымъ забавнымъ образомъ: *кумушка* (копорыми, раparenthèse, такъ богата наша древняя сполнца) увѣдомляетъ другую кумушку о каждомъ лицѣ и его приключеніи *по-своему* — то есть чернитъ

безъ милосердія всѣхъ и все, сказавъ по необходимости правду о шѣхъ обстоятельствѣхъ, кошорыя не были извѣсны чипашелю, между шѣмъ думающему въ себѣ: „ахъ! какой знакомой язычекъ! какія милыя, добросовѣстные, благочестивыя кумушки! . . .“

Говоря о слогѣ, скажемъ со всею справедливостію, что прелестъ содержанія заспавляешъ липшерапурнаго Сизифа забывашъ о роковой работѣ *ногтемъ*, кошорой впрочемъ было бы немного.

2.

Къ благотворителямъ.

На Буштыркахъ, въ домѣ Федорова, живешъ слѣпая, въ самой крайней бѣдности, не имѣющая ни родспвенниковъ, ни покровителей, Оберъ-Офицерская дочь, *Анна Федоровна Князева*, и по горестной судьбѣ своей, и по чувствительности своего сердца достойная милости Христіанской.

Издатель Дамскаго Журнала весьма охотно принимаетъ на себя доставленіе сей несчастной всякаго дара, всякой лепшѣ ошъ благотворителей и всякой разъ будетъ увѣдомлять ихъ объ исполненіи наипрямѣйшаго препорученія посредствомъ сихъ листковъ.

3.

Съ 1833 года въ С. - Петербургѣ А. С. Пушкинъ будетъ издавать ежедневную газету политическую и липшерапурную.

П а р и ж с к і я м о д ы .

Очень часто видны прекрасныя шляпки - капошы, обшитыя блондовымъ рюшемъ. Тулья сдѣлана въ видѣ *каска*, то есть что всѣ складки собираются наверху подъ одинъ бантъ, ось котораго упадаютъ назадъ длинные концы; другой бантъ находится внутри полей съ боку.

— На шелковый шюль нашиваютъ разными узорами бѣлой крепъ; листья и цвѣты, составленные такимъ образомъ, означаются вокругъ съпочкою, вышитою бѣлымъ шелкомъ; корешки сдѣланы такъ же. Эти накладные узоры будутъ украшать и бальныя платья.

— Аплась, называемый *Сильфида*, есть прекрасная матерья, мягкая какъ кашемиръ, и глянцовиная какъ газъ *Дона Марія*, который употребляется для нарядныхъ платьевъ. Сей аплась дѣлается и полосатый, и устьянный маленькими опдѣльными букешцами.

Изъясненіе картинки при семь No.

Прическа парикмахера Нардена. Платье изъ органди, вышитого шерстью. Ожерелье и браслеты бархатныя, обдѣланныя агашомъ.

П е ч а т а т ь д о з в о л я е т с я ,
съ тѣмъ чтобы, по ошпечашаніи, были представлены въ Ценсур-
ный Комитетъ три экземпляра. Москва. Октября 17го дня, 1832 г.

Ценсоръ Николай Лазаревъ.

1839.

Парижскія Мобы.

№ 43.

Данскій Журналъ.

САМСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

Л И Т Т Е Р А Т У Р А.

П р о з а.

В о с т о ч н ы е а н е к д о т ы.

С н о в и д ѣ н і е.

Одинъ Хоразанскій Сулпанъ видѣлъ во снѣ Махмуша, которой царствовалъ за сто лѣтъ до него. Тѣло сего Государя представилось ему совершенно исплѣвшимъ и превратившимся въ прахъ; остались только глаза, которые пристально смотрѣли на дворецъ и на пронь. Сулпанъ спросилъ у сношолковашелей: что значилъ этотъ сонъ? Одинъ изъ нихъ отвѣчалъ: Махмушъ видишь, что ты обладаешь шѣми чертогами и возсѣдишь на помѣ самомъ пронѣ, которые онъ занималъ прежде, — видишь и жалѣешь, что у него ничего не осталось отъ величія, и что за предѣлы гроба сопровождаетъ

насъ одно добро, которое мы успѣли сдѣлать. Государь! швори добро, чтобы въ чершюгахъ швоихъ по кончинѣ швоей были слышны только сіи печальныя слова: *увы! его уже не стало!*

Благодѣяніе крѣпче всякихъ узъ.

Хозрой Парвисъ, Царь Персидскій, имѣлъ у себя искуснаго и храбраго военачальника, по имени Рустема. Его почитали единственнымъ защитникомъ всего царства, ибо онъ усердно служилъ своему Государю. По прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ обвинили его въ измѣнѣ. „Если сей честолобець, сей кумиръ воиновъ“ думалъ Хозрой „осмѣлился поднять знамя возмущенія; то найдется ли другой, столь же опытный и сильный вождь, который бы могъ замѣнить его?“ — Государь совѣщавался съ Визирями, какъ поступить съ измѣнникомъ. Всѣ присудили лишить его свободы, обременить оковами. Хозрой, казалось, согласился съ ними; но на другой же день, призвавъ къ себѣ Рустема, осыпалъ его новыми благодѣяніями. Довѣренность и милость Монарха пронули сего полководца: онъ раскаялся и поклялся быть вѣрнымъ до конца жизни своей. Государь, увѣрившись въ его раскаяніи, созвалъ своихъ Визирей и сказалъ имъ: „Я исполнилъ совѣтъ вашъ и оковалъ Рустема самыми крѣпкими узами. Есть оковы и для рукъ, и для ногъ и для шѣла; но одни только узы благощворительности крѣпче всего связываютъ сердце: къ нимъ только прибѣгаетъ Царь благощельный.“

Откровенность.

Знаменишому законодателью Абу - Иосифу, ученѣйшему Мусульманину своего вѣка, былъ предложенъ необыкновенный и шрудный вопросъ. Абу - Иосифъ опкровенно признался въ своемъ невѣдѣннн. „Странное дѣло!“ сказали ему: „ты получаешь большое жалованье изъ сокровищницы Царской, и не можешь дать отвѣща на вопросъ о предметѣ, которой долженъ быть шебъ извѣстенъ. „Не дивитесь этому — отвѣчалъ законоучитель — я получаю жалованье, соразмѣрное тому, что знаю; а если бы выдали мнѣ оное по мѣрѣ того, чего незнаю; то, къ удовлетворенію меня, недоспало бы всѣхъ Калифскихъ сокровищъ.“

Твердость духа.

Хозрой созвалъ нѣкогда своихъ Миниспровъ, чтобы рѣшить важное дѣло. Между тѣмъ какъ они совѣщовались между собою, скорпионъ упалъ съ пополка на одного изъ Визирей и ужалилъ его въ ногу. Миниспръ, говорившій въ это время съ Государемъ, продолжалъ рѣчь, не сдѣлавъ нималѣйшаго движенія и не показавъ никакой перемѣны въ лицѣ. Хозрой, спустя нѣсколько дней, узнавъ объ этомъ, спросилъ Визиря: какъ ты могъ перенести жестокую боль безъ всякаго вздоха и измѣненія въ лицѣ? „Государь!“ отвѣчалъ Миниспръ: „кто въ присущствіи Вашего Величества не имѣетъ мужества переносить легкую боль, какую причиняетъ уязвленіе скорпиономъ, тотъ можешь ли во время сраженія впоргнушь въ полпу не-

пріяшелей, и поставишь себя выше ужасовъ смерти, которая представляется намъ подъ многоразличными видами?“ — Хозрой, удивленный неуспрашимостію Визиря, щедро наградила его.

Н е у с т р а ш и м о с т ь .

Аламондарь или Мондерь, Царь Сарацинскій, хотѣлъ испребить Хрисціянство въ своихъ владѣніяхъ; но многіе Хрисціане, служившіе въ его войскѣ, дали ему чувствовать, что такое намѣреніе при исполненіи своемъ встрѣшитъ непреодолимая затрудненія. Больше всего послужила къ уничтоженію его предпріянія неуспрашиваемая рѣшительность одного изъ военачальниковъ. Когда Мондерь убѣждалъ своихъ воиновъ опустить отъ Хрисціанской вѣры, то сей военачальникъ, одушевленный ревностію къ благочестію, отъ лица всѣхъ Хрисціанъ обратился къ нему слѣдующую рѣчь: „Вспомни, Государь, что мы были Хрисціанами прежде, нежели спали своими подданными. Не знаю, что думаюшь и чувствуешь мои поварищи; а я пріучилъ себя никогда не бояться. Для меня нѣтъ на землѣ столь могущественнаго существа, которое могло бы принудить меня вѣровать въ то, чего не признаю за истину, и опровергать то, во что вѣрую; если же буду доведенъ до крайности, то докажу, что едва ли у кого-либо можешь быть мечъ длиннѣе и острѣе моего.“ — Мондерь не разсудилъ за благо оспаривать столь неуспрашимаго прошивника и даровалъ воинамъ свободу исполнять обязанности своей вѣры.

Превратность счастья.

Арму, Воспочный Государь, любилъ жить споль пышно, что при опъѣздѣ его въ загородный дворець на прехъ спахъ верблюдахъ надлежало перевозить все, принадлежавшее къ его кухнѣ. Попадши въ плѣнь къ Измаилу, одному изъ сильныхъ своихъ сосѣдей, и увидѣвши главнаго своего повара, кошорый и въ нещасіи не оставилъ его, спросилъ: „Нѣшь ли у тебя чего нибудь съспнаго, чѣмъ бы я могъ уполишь голодъ свой?“ Поварь, у кошораго случился кусокъ мяса, въ шу же минушу положилъ его въ желѣзный горшокъ, а самъ пошелъ искать приправы для угожденія вкусу нещаснаго своего повелишеля, и едва ушеть, какъ прибѣжавшая собака опустила рыло въ горшокъ, чтобы выпацишь мясо; когда же спала поднимашъ голову, и ручка опъ горшка упала ей на шею, шо не могли опъ нея освободиться, пуспилась бѣжашъ съ горшкомъ на шеѣ. Смотря на эшо, Арму, вопреки своему нещасію, не могъ удержашъ опъ смѣха, и обращая къ офицеру, удивленному его веселосью, сказалъ: „Въ нынѣшнее упро и прехъ сошь верблюдовъ едва досташочно было для перевезенія моей кухни, а шеперь одна голодная собака легко могла унести ее.“

Душевная красота выше тѣлесной.

Сулпанъ Махмушъ былъ весьма безобразенъ. Въ одинъ день первый его Визирь замѣшивши, что сей Государь погрузился въ задумчивость, осмѣлился спросить о причинѣ. „Часшо слыхаль я,“ сказалъ Монархъ, что лице Государя веселишь подданныхъ; а мое, споль обезображен-

ное природою, не только не привлекаешь их взоровъ, но, кажется, производишь въ нихъ отвращеніе и ужась. Какъ же мнѣ не печалишься объ этомъ?» Государь! — сказала Министръ — не въ благовидной наружности состоишь достоинство челоуѣка; добродѣшель и просвѣщеніе — вотъ истинные источники красоты. Между швоими подданными едва ли изъ шысячи найдешся одинъ, кошорый бы видѣлъ чершы лица швоего; но швое благонаравіе, швои добродѣтели кому не извѣсны? Сими-шо прекрасными качествами души шы успѣшь привлечь къ себѣ сердца и содѣлался предметомъ любви и благодарности своихъ подданныхъ. —

(Изъ *Mélanges de Littérature orientale.*)

Варвара Побѣдоносцева (*).

Обозрѣніе Армянской Словесности (**).

Періодъ первый.

Въ семь періодъ Армянской Словесности мы находимъ большею часпію историческихъ писателей, а со введеніемъ Христіанской вѣры являюшся мудрые исполкователи Священнаго Писанія и краснорѣчивые проповѣдники. Сюда относятся и изобрѣшеніе Армянской азбуки. Въ первыя времена язычештва Армяне, какъ и Персы, упошребляли алфавишь Гебровъ, сосшоявшій

(*) Любезная Переводчица не выписываетъ полного своего имени; но мы почитаемъ долгомъ вѣжливости не скрывать онаго — къ удовольствію Читательницъ. *Изд.*

(**) См. 58 Но Московскихъ Вѣдомостей на 1832 годъ.

только изъ 29 согласныхъ буквъ; но съ Христианскою вѣрою вошло употребленіе буквъ Греческихъ или Сирійскихъ, копорыхъ однакожь было недоспапочно для выраженія всѣхъ звуковъ Армянскаго языка. Почему около 406 года по Р. Х. ученѣйшій мужъ Арменіи, Месропъ, по велѣнію Армянскаго Царя Враншабула и Папріарха Исаака, изобрѣлъ семь гласныхъ буквъ, копорыя вмѣстѣ съ прежними составили Армянскую азбуку, сохранившуюся до сего времени. Симъ усовершенствованіемъ Армянскихъ письменъ раскрыты новыя понятія въ народѣ и одушевлена охота къ чтенію и образованію.

1. Маръ - Ибасъ Кадинскій, жившій почти за 150 лѣтъ до Р. Х., по предложенію Вагаршака, Царя Армянскаго, привелъ въ порядокъ разсыянные лѣтописи Арменіи, извлекъ изъ древнихъ книгъ Ниневійскаго архива все, относящееся къ исторіи Армянскихъ Царей отъ Гайка до Вагаршака; почему и почищается первымъ Армянскимъ писателемъ.

2. Лерупна, жившій въ первомъ столѣтіи по Р. Х., напечаталъ сочиненіе о дѣянїяхъ Царей Армянскихъ, Авгара и Санашрука, до 70 года по Р. Х.; изъ сей лѣтописи сдѣланы выписки Моисеемъ Хоренскимъ.

3. Улипъ, во второмъ столѣтіи по Р. Х., описалъ прежнія языческія капища Армянскихъ Царей. Извлеченіе изъ сей книги составлено также Моисеемъ Хоренскимъ.

4. Бардезанъ, въ шретьемъ вѣкѣ по Р. Х., изъ различныхъ повѣствованій, сохранившихся въ храмахъ, составилъ Армянскую Исторію.

5. Юлій Африканъ , въ шрешъемъ вѣкѣ по Р. Х. , извѣстенъ составленіемъ Армянской Испоріи изъ рукописей Эдесскаго архива. Изъ сей Испоріи сдѣлалъ нѣкошорыя извлеченія Моисей Хоренскій.

6. Фирмилианъ , Епископъ Каппадокійской Несаріи , въ 3мъ столѣтїи , писалъ о дѣянїяхъ Царей Армянскихъ, Хозроя, Тиридаша и другихъ. Изъ онаго всѣ нужнѣйшія свѣдѣнїя заимствованы Моисеемъ Хоренскимъ.

7. Св. Великомученикъ Григорій , просвѣщитель Арменїи , въ началѣ чешвертаго вѣка по Р. Х. , написалъ книгу подъ заглавіемъ : Гаджа Хапашунъ или Полилогъ , содержащую къ себѣ нравственныя рѣчи и проповѣди , относящїяся до Вѣроисповѣданїя.

8. Агафангель , въ началѣ чешвертаго столѣтїя по Р. Х. , написалъ испорію своего времени , въ кошорой подробно повѣспивуешь о прежнемъ язычествѣ и о введенїи Христїанства въ Арменїи.

9. Іаковъ Нисивинскій , въ чешвертомъ столѣтїи по Р. Х. , извѣстенъ сочиненіемъ : Зконъ , въ кошоромъ заключающяся разныя духовныя бесѣды и проповѣди.

10. Клакъ Зенобъ , Игумень , въ чешвертомъ столѣтїи , писалъ о событїяхъ полишическихъ и церковныхъ Арменїи своего времени. Сїе сочиненїе заключаешъ въ себѣ особенно повѣспованїе о происшествїяхъ области Таронїи.

11. Пюзаншъ Постушъ , Епископъ , составилъ Испорію Арменїи въ шестїи книгахъ , ошъ Тиридаша до Царя Аршака.

12. Св. Месропъ , иначе *Маштоцъ* , въ началѣ пятаго сполѣтія , избобрѣлъ Армянскую азбуку и участвоваль въ переводѣ Священнаго Писанія ; сверхъ того сочиниль множество рѣчей , соспавиль разныя церковныя книги и шребникъ , называемый поармянски *Маштоцъ*.

13. Эзнакъ Когбаццц , знаменимый переводчикъ пятаго вѣка , извѣстенъ опроверженіемъ различныхъ сектъ . Въ семь сочиненіи онъ показаль заблужденіе Греческихъ мудрецовъ , Персидскихъ раскольниковъ , Манихеянь и другихъ .

14. Корюнъ , въ пятомъ вѣкѣ по Р. Х. , соспавиль житія Св. Месропа и Св. Исаака и написаль разсужденія объ избобрѣненіи Армянскихъ письменъ и объ изящномъ Армянскомъ переложеніи Священнаго Писанія .

А л ь б о м ъ .

Poésies russes. — Подъ симъ заглавіемъ находится въ Petit Courrier des Dames маленькая спашья , которую выписываемъ съ большимъ удовольствіемъ — какъ лестное папріюпизму нашему свидѣтельство повсемѣспной славы , озаряющей нашего Поэта :

Un poète russe, nommé Alexandre Puskin, a reçu par ses compatriotes le titre de Byron russe. Il ressemble au poète anglais par la forme, et quelquefois même par la pensée de ses ouvrages. Il a publié des poèmes dans le genre de *Lara* et de *Beppo*. Il a fait des odes sur Napoléon. Il a décrit et chanté l'Orient. Il a choisi enfin pour héros d'une de ses compositions ce Mazeppa dont les angoisses ont été célébrées par Byron.

Ponomoriew (?), éditeur des poèmes d'Al. . . Puskine, a payé trois mille roubles *la Fontaine de Baktchisarai*, qui n'a guère que six cents vers, c'est-à-dire environ 3 francs de notre monnaie pour chaque syllabe. Voilà certes de quoi faire rêver la Sibérie (*) à plus d'un poète français.

С Т И Х О Т В О Р Е Н І Я :

На пребываніе въ Москвѣ Ея Императорскаго Высочества, Великой Княгини
ЕЛѢНЫ ПАВЛОВНЫ.

Новой жизнью оживляйся
Въ бѣло - каменной Москвѣ ;
Краснымъ солнцемъ освѣпляйся
Въ мысляхъ , въ сердцѣ и душѣ !
У любви нѣтъ ухищренья ;
Мы по сердцу говоримъ ;
Видимъ мы благошворенья
И — поклонъ душевный имъ .
И съ поклонами моленье
Мы возносимъ къ небесамъ :
Силь Твоихъ здѣсь обновленье ,
Будеть всѣмъ отрадой намъ !
Мы Царей любить привыкли ;
Тожь , что солнце , Царскій Домъ ;

(*) Такова - то наша *златая* Сибирь. *Изд.*

Въ Ихъ дѣянїя мы вникли
 И сердца Имъ отдаемъ.
 Новой жизнью оживляйся
 Въ бѣло - каменной Москвѣ;
 Краснымъ солнцемъ освѣшляйся
 Въ мысляхъ, въ сердцахъ и душѣ!

Сергѣй Глинка.

12 Октября 1832.

С М Ъ С Ъ.

Русскій Театръ.

Бенефисъ госпожи Рѣпиной.

Представлено на Большомъ Театрѣ, 14го Октября, въ первый разъ: *Рославлевъ, романтическое зрѣлище въ 5ти суктахъ, съ пѣніемъ, хорами и военными эволюціями, взятая (*) Княземъ А. А. Шаховскимъ, изъ романа М. Н. Загоскина: Русскіе въ 1812 году.*

Новосць, или почтѣе, нововведеніе пугаешь исключительно людей не образованныхъ — это извѣстно; не лзя однакожь во всякомъ случаѣ исключивъ совершенно изъ подобнаго спраха и другихъ людей. Такъ, на примѣръ, увидѣвши на предлинной бенефисной аффишѣ: *пять суктовъ*, почувствуешь — спыдно признашья — родъ ужаса отъ невольной мысли о пяшисуточномъ

(*) Выписываемъ изъ аффиши съ дипломатическою точностію.

заключеніи въ Театрѣ, а особливо когда еще прочтешь со вниманіемъ: *романтическое зрѣлище*. Тутъ покажется, что опъ смущенія въ духѣ ничего не понимаешь, и робко спрашиваешь у самого себя: „развѣ можно сказать *романтическое зрѣлище*?“ *Встарину* говорили: „пріятное или не пріятное зрѣлище;“ но классическое или романшическое зрѣлище, и еще — въ сущкахъ: эшаго, кажешся, никакими романшическими эволюціями оправдать не возможно, ибо не возможно *представленія* замѣнишь *зрѣлищемъ*, какъ физическаго дѣйствія или предмета опвлеченнымъ понятіемъ. Сказать: „романшическое зрѣлище,“ шо же, что „*спектакль* былъ *полонъ*,“ какъ эшо и сказано въ какихъ-то листкахъ.

Но эшопъ паническій спрахъ, но эшо смущеніе духа разсѣивающся въ романшическомъ зрѣлищѣ на сценѣ, и сущки кажущся часами; ибо вопреки *единствамъ* Пійшикъ, *время* на сценѣ чувствившельно полько въ шо время, когда *скучно*, а иначе, по сущей правдѣ, все равно — сущки ли, мѣсяць ли, годъ ли: намъ говорятъ объ эшомъ; но эшаго *нечувствуешь*. Почши шо же можно сказать и о *мѣстѣ*. Большая разница въ единствѣ *интереса*, сего драматическаго камня препшновенія: эшо касается именно *чувства*; слѣдовательно должно оспавашься не прикосновеннымъ, сколько бы *романтизмъ* бурлилъ ни вздумаль.

Кспаши объ иншересть: спранно, что *Юрій Милославскій* въ романѣ лучше несравненно *Рославлева* въ романѣ же; но на сценѣ послѣдній несравненно лучше перваго на сценѣ же! Не хошѣлъ ли Авшоръ романшическаго зрѣлища

уѣвшишь Автора Историческихъ романовъ — другой причины не угадываешь.

Какъ ни хороши первыя *сутки*; но мы неперциѣливо ожидали впорыхъ — по ешь ожидали *сумасшедшую крестьянку*, копорая и была вспрѣчена громкими рукоплесканіями и очень, очень хорошо пѣла двѣ Рускія пѣсни, прекрасныя своею музыкаю, соч. А. Н. Вершовскаго.

Но торжество бенефиціанки было въ чешвершыя сучки — на кладбищѣ, гдѣ она въ бѣломъ плащѣ съ черными распрепанными волосами бѣеся на могилѣ возлюбленнаго, смершь кошораго лишила нещасную ума. Горесшно ею пѣшая Руская пѣсня: *Не шумите, вѣтры буйныя!* вмѣстѣ съ прогашельною меланхолическою музыкаю г-на Варламова, производила сильное впечатлѣніе на публику.

Г-нъ Щепкинъ каррикашуру на Рускаго богатаго помѣщика, сущаго дурака, почипающаго спрашною бѣдою, что въ сельскомъ лазаретѣ его нѣтъ больныхъ при ожиданіи Губернатора, представлялъ такъ смѣшно, что больно сердцу въ папріотическомъ отношеніи. Другаго безобразнаго Рускаго дворянина игралъ Г-нъ Живокици — такъ же.

Г-нъ Мочаловъ, *Рославлевъ*, говорилъ свои героическіе монологи прекрасно.

Г-жа Львова - Синецкая жаркимъ раскаяніемъ въ сугубой измѣнѣ — жениху и опечесшву, блѣдная, расперзанная, заслуживала *полное прощенье*; но судьба жестоко наказала ее: непріятельская бомба поразила *Рускую Графиню Синикуръ*, вдову Французскаго Маршала!

Въ монологѣ одного Рускаго воина мы узнали забавную *тираду* изъ спашьи *В. А. У.* о Ру-

скихъ солдапахъ за границую, напечатанной въ Сѣверной Пчелѣ: такъ липпературныя пчелы умѣюшь пользоваться *медомъ*, гдѣ ни найдуть его!

Спектакль шель очень живо, и должно оп-
дать справедливость Авшору, что шрудно
было связать *столько разнородныхъ частей*
и составить если не романшическое, по по край-
ней мѣрѣ *бенефисное* зрѣлище, которое го-
раздо болѣе бы произвело дѣйствія — въ 1812 году.

По окончаніи шумнаго *Рославлева* Г-жа
Рѣпина была шумно вызвана и осыпана руко-
плесканіемъ.

За Рославлевымъ слѣдовала новая опера - во-
девиль: *Любовникъ на прокатъ* (l'amant prêté),
соч. Скриба и Мелевиля, переведенная (и по не
приспойнымъ двусмыслиямъ, къ сожалѣнію, очень
близко) О. А. Кони. Благодаря опять прелестной
садовницѣ, наспоящей дочери Флоры, бенефи-
ціанкѣ, любовникъ (!) на прокатъ прокапился
довольно весело.

Спектакль заключился даверписманомъ, въ
которомъ панцовали всѣ наши Терпсихоры и
Весприсы, окривляемые музыкою Н. П. Девишше.

Театръ былъ полонъ совершенно. Публика
любитъ Г-жу Рѣпину — и какъ не любитъ ее?

ИЗВѢСТІЯ.

Дамскій Журналъ на 1833й годъ.

Десятый годъ Дамскаго Журнала ознамено-
вался наиблаженнѣйшею эпохою: ЕЯ ВЕЛИ-
ЧЕСТВО, ГОСУДАРЫНЯ ИМПЕРАТРИЦА
АЛЕКСАНДРА ѲЕОДОРОВНА, Всемилостивѣй-
ше повелѣшь соизволила подписаться на оной.

Проникнувший върноподданническою благодарностию, Издашель не находить выражений для чувствованій своихъ за сію Высокомонаршую милость, оживотворяющую сердце, душу и труды!

Наконецъ пріятнѣйшимъ долгомъ поставляю принести живѣйшую благодарность и Чашпельницамъ своимъ за постоянное вниманіе къ Журналу, исключительно имъ посвященному: ибо, по благосклонности ихъ, не остается у меня ни *одного экземпляра* изъ числа печатаемыхъ, кромѣ *собственнаго*.

Въ расположеніи и содержаніи Дамскаго Журнала не будетъ никакой переменны: да не произойдетъ же она и въ расположеніи къ нему его снисходительныхъ Чашпельницъ и Учасницъ!

Цѣна также прежняя — по естѣ за годовое изданіе, состоящее изъ 52 нумеровъ, выходящихъ каждую субботу на веленовой бумагѣ съ иллюминированными карпинками Парижскихъ дамскихъ и мужскихъ костюмовъ, 25 р., съ пересылкою 30 р. ассиг.

Подписка принимается въ книжной лавкѣ при Университетской Типографіи, у А. С. Ширяева, и у самого Издашеля, живущаго въ домѣ сей Типографіи; для иногородныхъ же въ Газетной Экспедиціи Московскаго Почтамта.

Князь Шаликовъ.

П а р и ж с к і я м о д ы .

Самые красивые чепчики есть нынѣ тѣ, которые болѣе обрисовываютъ голову. Мы видѣли нѣкоторыя изъ нихъ, составленные изъ гладкихъ башисловыхъ полосъ и кружевныхъ прошивокъ; два или три ряда тюля, или кружевъ, окружающъ лицо какъ сіяніе (auréole), и сіи чепчики очень походятъ на дѣтскіе. Иныя дамы находятъ сію форму слишкомъ *плоскою* и потому прикалываютъ на самой маковкѣ бантъ, составленный изъ вышитаго тюля, съ упадающими концами, которыми и завязывается чепчикъ.

— Г-жа Марсъ, играя роль Клопильды, ввела въ моду *маргаритки*: эти цвѣточки появились на многихъ шляпкахъ, бѣленькіе или желшенькіе, и раздѣлены на два пучка: одинъ мѣшается въ бантахъ шляпки; а другой упадаетъ внутрь полей. Маргаритки же г-жи Марсъ были натуральныя; но къ концу піесы — увяли.

Изъясненіе картинки при семь Но.

Шляпка объяринная. Реденгошь апласный.

П Е Ч А Т А Т Ъ Д О З В О Л Я Е Т С Я ,

съ тѣмъ чшобы, по оппечашаніи, были представлены въ Ценсурный Компшсшъ при экземплярѣ. Москва. Октября 20 го дня, 1852 г.

Ценсоръ Николай Лазаревъ.

Дансвилл Миссис.

ДАМСКІЙ ЖУРНАЛЬ.

Л И Т Т Е Р А Т У Р А .

П р о з а .

Постоянство и вѣрность любви.

(Романъ въ пятнадцати письмахъ.)

П и с ь м о I.

Любезный другъ! я влюбленъ; я стораю ошь любви. Какъ я былъ спокоенъ доколѣ не зналъ Надины (такъ спану называшь ея) — узналъ, и мое спокойствіе рушилось. Впрочемъ эшо безпокойство не обременительно, не болѣзненно; напрошивъ, сладосшно.

Свѣшъ для меня, такъ сказать, не существуетъ болѣе; Надина для меня цѣлый свѣшъ. На всешь для меня оппечашлъ прелесшнй образъ ея. Все замѣнила Надина.

Люди меня уже не занимающъ и переспали бышь мою нравспвенною школою. Я переспалъ

чишашь книги, а если и чишаю, то не понимаю ихъ; самъ любимый Тацисъ мой, сей другъ добродѣтели, споль долго укрѣплявшій душу мою, шеперь пересталъ плѣнять меня. — Сѣверная природа нѣкогда очаровывала меня своими дикими, угрюмыми красопами: неизмѣримые лѣса, обширныя озера, густыя шуманы, грозныя дыханія бурь и вѣтровъ — все эшо уносило духъ мой въ превышеземную сферу и наполняло его благоговѣнїемъ къ Зиждителю міра. Теперь я совершенно охладѣлъ къ природѣ.

Ты упрекнешь меня: „Тѣмъ-шо должны были кончиться всѣ швой философскія и эстетическія занятія?“ Ахъ! не убивай меня сею мыслию. Оружіе любви неодолимо, всеильно; любовь — волшебница; она невольно увлекаетъ сердце, очаровываетъ его! Я крѣпился прошивъ нея, ратовалъ, но — не выдержалъ боя, и уступилъ побѣду... Вошь какъ эшо случилось: я увидѣлся съ Надиною на балѣ, и плѣнился ею; разсудокъ пришолъ въ зашмѣніе, исчезъ; сердце запылало и какой-шо непоспѣжимый огонь обхвашилъ все существо мое! Эшо была неизьяяснимая для меня минута. Чшобы не дашь замѣшишь другимъ моего испуленія, я уѣхалъ съ бала — въ надеждѣ разсѣяться и успокоить волнующійся духъ. Но — шщешно! Избѣгалъ свиданій съ Надиною — все напрасно! Прошло пять мѣсяцовъ, и сердце мое не измѣнилось въ чувствованіяхъ: оно горитъ, оно сгораешъ отъ любви къ Надинѣ. — Я видѣлъ много красавиць; но онѣ не прогали моего сердца; увидѣлъ Надину — и не могъ не плѣниться ею; чшо-шо тайное, непоспѣжимое влечетъ меня къ ней. Философы не объяснили намъ, чшо шакое симпатія; за шо оприцашь ея дѣйствія было бы не справедли-

во, безразсудно. Это влеченіе — сказалъ одинъ ученый — похожее на магнетическое: мы чувствуемъ, хопя и не можемъ исполковать его; оно невольно покоряетъ насъ. — „Пускай сластолюбцы и эгоисты называютъ симпатію порожденіемъ распроеннаго или изнѣженнаго воображенія: нѣтъ! это чувство влило въ насъ самою природою; это жажда души чувствительной, доброй; его ты вездѣ найдешь: и въ шумныхъ столицахъ Европы, и въ знойныхъ степяхъ Африки, и въ холодныхъ лѣсахъ Сѣверной Америки.“ Такъ я, вшайнѣ, съ отрадою неизбяснимою, невольно думалъ о Надинѣ и дума заронилась въ сердце: пришла пора, — оно влюбилось и сіе чувство согрѣлось, подобно какъ зерно, падшее въ землю, оживляется благотворною силою весны. Давно сердечное помлєніе шѣснило грудь мою; душа ждала и дождалась; я увидѣлъ Надину и сказалъ: „это она!“ и шеперь все, съ какою-то силою, безъ умолку швердишь мнѣ о милой Надинѣ и ея прелестяхъ.

Любезный другъ! не удивляйся переменѣ моего духа. Я человекъ; и въ семъ случаѣ поручаю себя Всеблагому Провидѣнію. Слѣдовательно опасайся нечего.

П и с ь м о II.

Не химерическія мечпанія увлекаютъ духъ мой; нѣтъ! Надина любитъ меня и любитъ пламенно. Съ шого времени, какъ мы познакомились, Надина спала любитъ мой любимый цвѣтъ — черный, и всегда, какъ скоро это не нарушаетъ приличія, носитъ черное платье: вещь не важная, но она характеризуетъ чувства сердца.

Надина скучаетъ, ежели долго не видишь меня; весела, когда я съ нею. Первое замѣчаютъ посторонніе и пересказываютъ мнѣ; второе какъ для меня, такъ и для другихъ равно замѣтно. Она вручила мнѣ кольцо, на которомъ вырѣзано мое имя, и безконечность кольца назвала эмблемою всегдашней, вѣчной своей ко мнѣ любви; девизомъ своимъ имѣетъ честь и беспрестанно швердитъ мнѣ беречь ее, какъ ничто самое завѣтное, священное. — Надина писала ко мнѣ въ оповѣсть на мои письма: «Любезный другъ! письма твои всѣ дошли до меня. Ты ищешь во мнѣ вѣчную подругу жизни — намѣреніе благородное, освященное природою и Богомъ. Съ моей стороны могу увѣрить, что я люблю тебя сердечно и никогда неизмѣнюсь въ сердцѣ. Клянусь честью и Богомъ, что этого признанія отъ меня еще никто не слыхалъ, да и никогда не услышишь. Сердце — по крайнѣй мѣрѣ я такъ думаю — дважды любить не можешь. Я не была кокеткою и не буду; не люблю ихъ, презираю ихъ. Будь постояненъ и вѣренъ. Въ заключеніе, объ одномъ молю Бога, чтобы Онъ тебя сохранилъ въ вѣрѣ, чести и святоспи данной мнѣ клятвы — соединишься навѣки священными узами брака. Твоя вѣрная до гроба, за гробомъ — вѣчно — Надина.»

Не думаю, чтобы люди могли до такой степени лицемерить. Уже ли и шутъ кроется какаянибудь примѣсь расчесливости, вѣроломства, обмана? Но, скажи, любезный, вѣрный другъ! отдавъ мнѣ руку, хочешь ли Надина чрезъ то приобрести новое преимущество въ свѣтѣ? Ей извѣстно, что я не знаменъ, не славень. Ослѣпляютъ ли ее знаки опличій? Она

знаешь, что у меня ихъ нѣтъ. Имѣешь ли въ виду богатства? Я не бѣденъ, но и не богатъ. — Нѣтъ! она любишь меня столь же искренно, пламенно, какъ и я. Ежели Надина лицемѣришь, по рѣшишельно можно утверждаешь, что нѣтъ на свѣшѣ любви постоянной и вѣрной.

П и с ь м о III.

Какъ она мила! какъ прелестна! Опишу ее тебѣ: ростъ средній, лице бѣлое, на которомъ всегда играетъ свѣжій румянецъ; глаза исполнены чувства невыразимаго. Какая шалья! какая поступь! какая плѣнительная во всемъ простота! Надина имѣешь прекрасный характеръ. Опличительную черту сего характера составляетъ безкорыстіе; онъ чуждъ спрасшей обыкновенныхъ и не перпишь *личностей*. Надина имѣешь познанія, но не щеславится ими; любишь читаешь стихи и прозу, внимательна наблюдаетъ природу; ходишь въ церковь, но въ шакую, гдѣ мало бываетъ народа, гдѣ свѣшская разсѣянность не развлекаетъ ея духа, становишься въ уединенномъ мѣстѣ, и замѣшно, что пламенная молитва, въ часы безкровнаго жертвоприношенія пасшыремъ церкви за грѣхи міра, удаляетъ ее отъ всѣхъ житейскихъ суепныхъ заботъ и попеченій; благошворишь бѣднымъ, но такъ, чтобы никто не зналъ и никто не говорилъ объ эпомъ; не любишь благодарности и признашельныхъ опсыдаешь къ Богу. Въ опношеніи къ слугамъ она сущая мать: сострадашельна, нѣжна, снисходительна; они люди — вопъ обыкновенный ея опзывъ объ нихъ во всякомъ случаѣ; не чуждаешься свѣша, но не любишь его въпрености, пустыхъ

обычаевъ и ребяческихъ привычекъ. Въ отношеніи къ свѣту, эшо Поппея, прикрывающая часть лица своего, чшобы взоръ другаго не могъ ею совершенно насыпшсь; будь она *удобопостижима* для всѣхъ, и тогда бы прелестъ исчезла. Эшу уловку, можно сказать, упошребляешъ и сама природа, чшобы нравшсь намъ; она показывается всегда подъ какимъ-шо шаинственнымъ покровомъ. Въ эшомъ-шо заключаешся и вся прелестъ изящныхъ искусствъ. — Ни чшо пакъ не восхищаетъ насъ, какъ созерцаніе души благородной, прекрасной, когда она безъ всякихъ усилій обнаруживаетъ могущество своего разумнія и своей воли; шакая гармонія души ештъ истинное волшебство; оно приподнимаетъ завѣсу, скрывающую отъ насъ міръ горній и въ человекѣ являетъ шопъ чистый духъ, который ештъ ошвѣтъ Высочайшей и Самобытной красоты. — Надобно бытъ камнемъ, чшобы не пронушсь, не плѣншсь Надиною! — Поэзія, какъ искусство, плѣняетъ насъ; равномерно дѣйствуетъ на насъ и поэзія жизни человеческой. Не вини, любезный другъ, невиннаго: можно ли не любить изящнаго? Власъ любви и красоты выше и сильнѣе всякой власи.

П и с ь м о IV.

Я часто вижу Надину въ домѣ N., смотрю на нее и не могу насмотрѣшсь. Съ какимъ не терпѣніемъ ожидаю минуты свиданія! Увижу, и — млѣю въ воспоргѣ, совершенно забываюсь. Говорятъ ли тогда со мною другіе? рѣчь моя опзывается неосновательностію, несвязностію; я мѣшаюсь въ словахъ, и, какъ ни стараюсь

собраться съ духомъ , успокоить себя , но мое замѣшательство замѣтно даже для меня самого. На сердцѣ одна только Надина , а сердце есть начало всякаго движенія. Говорю съ Надиною — и никогда не могу наговориться. Говоришь съ нею — это неизъяснимое удовольствіе. Она выражается просто и безъ всякаго прищворства. Это сущее дитя по своему чистосердечію. Но дѣти прогають , плѣняя самую жестокую душу и располагають ее къ сладкому умиленію. Помнишь ли ты , какъ мы съ побою нѣкогда чинали въ путешествіи Кука объ оспровипянахъ Южнаго моря , сихъ невинныхъ , милыхъ чадахъ природы ? какъ прогаль насъ ихъ папріархальный образъ жизни ! какъ плѣняли насъ ихъ чистосердечіе , ошкровенность ! Мы чинали , и въ восторгѣ чуть ли не проливали слезъ. Это пворенія шого злашаго вѣка , съ котораго человекство должно существовало воспріять начало своего существованія , и къ которому , чрезъ истинное употребленіе нравственной свободы , должно возвратиться. Потому-то и Небесный Учитель , проповѣдая на землѣ слово жизни и спасенія , указывая народу на невинное , приведенное къ Нему дитя , рѣшишельно сказала : „Если вы не будете простосердечны , безхиппростны , какъ это дитя , то никогда не будете сынами царствія.“ — Теперь часто вижу семнадцатилѣтнее дитя и — люблюсь имъ ; неприщворство ума , чувствованія , характера выливаются въ словахъ Надины. Душа ее глубока , но это глубина потюка прозрачнаго , въ которомъ ничто не скрывается ошъ проицашельнаго взора ; для него она ошкрыта , ясна ; лице , пѣлдви-

женія, слова — все въ гармоніи съ душою. Наблюдая чувствованія Надины, я часпо предугадываю, *какъ* она о чемъ нибудь мыслишь и говоришь; а какъ она совершенно свободна отъ всякихъ пустыхъ, мѣлочныхъ и низкихъ расчешливостей свѣта, выгодъ и условленныхъ формъ общежитія: по языкъ ея обилень выраженіями и оборотами, кошорыя — проспы, плѣнителины, небрежны, крапки и сказывающъ всегда болѣе, нежели сколько покажешся съ перваго раза. У народа образованнаго шакая черта въ языкъ есть достояніе душъ необыкновенныхъ. — При благопріятныхъ случаяхъ мы разговариваемъ съ Надиною даже и о древнихъ писателяхъ, о Тацисъ, Оеокрисъ, Виргиліѣ. Нужно ли сказывать, что она любитъ Карамзина, Дмишріева, Крылова, Жуковскаго, Вапюшкова, Пушкина?

Однажды я поставилъ въ параллель Пушкина съ Жуковскимъ; она произнесла объ нихъ слѣдующее сужденіе: „Оба они свободно владѣютъ языкомъ, оба Поэты; но Жуковскій лучше знаешь истинный предметъ Поэзіи, чѣмъ Пушкинъ. Сей послѣдній часпо описываетъ порчу человеческой природы и мало учитъ; часпо представляеть ее въ формахъ привлекательныхъ, а это соблазнительно для умовъ неопытныхъ; первый назидательнѣе. Пушкинъ — болѣе Сапирикъ, Жуковскій — болѣе Лирикъ. Въ произведеніяхъ Жуковскаго нравспвенность чистая, ибо все и вездѣ оживошворено духомъ Небесной Вѣры; Пушкинъ можесть со временемъ выдши изъ моды подобно многимъ *славнымъ* современникамъ.“ Вошь о чемъ мы бесѣдуемъ съ Надиною. — Посуди,

любезный другъ, можно ли скучать съ такою женщиною, а особливо мамъ, гдѣ явленія сего рода весьма рѣдки? Можно ли на моемъ мѣсѣ быть хладнокровнымъ?

Письмо V.

Недавно я имѣлъ случай быть съ Надиною наединѣ, и замѣтилъ, что она горюетъ о судьбѣ своей. Родители ея знашной фамилии, довольно богаты; опѣзжая на-время за границу, они оставили дочь въ В. . . . у родственницы до своего возвращенія; обыкновенно живутъ въ столицѣ и живутъ пышно; имѣютъ обширныя связи; балы, театры и всѣ увеселенія свѣта составляютъ почти всегдашнее ихъ занятіе. Сверхъ того они жаркіе поклонники моды. Надина любитъ увеселенія свѣта, но увеселенія невинныя, а не суешность его, которая не питаетъ души, но ослабляетъ ее, истощаетъ силы ея и дѣлаетъ не способною къ осуществленію великихъ идей истины, блага и красоты. Образъ жизни родителей ея погружаетъ Надину въ глубокія думы; изъ словъ ея замѣтно, что забавы не забавляютъ ее и что чрезъ золото, какъ говорится, текутъ слезы. Духъ ея не разгаданная шайна для родителей. Они хотятъ, чтобы дочь поддержала славу ихъ на модноиъ поприщѣ свѣта. Она покорствуешь волѣ ихъ, но съ шажкою грустію въ сердцѣ о будущемъ. Такъ при сіяніи пихаго дня, вдали, на небосклонѣ, чернѣешь грозная туча; она несется къ намъ быспро на крылахъ вѣтра; она несется, и мы ужасаемся, думая что, когда принесется, гро-

мы ея разразятся надъ нами: шакъ Надинѣ представляешся будущее на ясномъ еще и свѣпломъ горизонтѣ ея жизни. Надина гошовишся какъ бы къ большимъ опасностямъ и молишъ:

Провидѣнье! Провидѣнье!
Защити и сохрани!

Великое дѣло — узнать духъ человѣка и его склонности; тогда предназначенная цѣль не будетъ пошеряна изъ виду. Но какъ часто случается, что родители и наставники, не узнавъ духа и предрасположеній дѣшей, ведутъ ихъ по пути жизни не шуда, куда слѣдуешъ, и — часто губяшъ. Я эшо знаю изъ опыта. Бываюшъ въ школахъ дѣши — шупыя, безпоняшныя; угадайте, для чего дия сошворено, откройте ему собственную его дорогу, и — изъ шупаго, безпоняшнаго наконецъ выдешъ дия умное. Иному суждено бышъ воиномъ, другому ученымъ, шрешъему художникомъ и ш. д. — Но объ эшомъ доволно. — Я говорилъ Надинѣ, чшò будетъ, ежели судьба положишъ непреодолимую преграду къ соединенію нашему? Она отвѣчала: „Эшомъ вопросъ уже рѣшенъ; эшою преградою можетъ бышъ одна шолько смерть, а болѣе ничшо. Смерть не опразима; но чшò зависитъ отъ воли человѣка, чшò согласно съ ушавами природы и законами Бога, шого нарушашъ и спрашишся не должно. Я швоя, шы мой!“ Мы запечашлѣли сіи мысли кляшвою, и разшались.

(Продолженіе въ слѣд. Но.)

А л ь б о м ъ.

„Вошь и Нева посылаешъ нынѣ своихъ Ар-
писшовъ въ древнюю поющую споллицу,“ сказа-
но въ 232 Но Сѣверной Пчелы. Многихъ ли Ар-
писшовъ послала Нева въ поющую Ишалю,
не знаемъ; но довольно и одного, чѣобы не на-
дивишься довольно подобному феномену, о ко-
шоромъ Сѣверная Пчела, къ удовольствію люби-
телей опечеспвенной славы во всякомъ родѣ,
говоришь далѣе: „Молодой *Рускій теноръ*, г-нъ
Ивановъ, одаренъ прекраснымъ и милымъ го-
лосомъ и не имѣешъ недоспапка во многихъ
шонкосняхъ искусства. Когда приобрѣшешъ онъ
больше увѣренности въ своихъ средсвахъ (ибо
онъ впервые появляется предъ публикой на сце-
нѣ (*)), больше быспрошы въ голосъ, по бу-
дешъ однимъ изъ опличнѣйшихъ пѣвцовъ (**), и
смѣло можешъ оспоривашъ пальму первенства у
многихъ спарыхъ (***) аплешовъ на другихъ
Ишальянскихъ шешрахъ.“

(*) Неаполишанскаго театра Сан - Карло. *Изд.*

(**) Намъ кажется, что лучше бы сказать: „*Рускій пѣ-
вецъ*,“ и потомъ: „изъ опличнѣйшихъ *теноровъ*.“ *Изд.*

(***) Но у *старыхъ* пѣвцовъ, хотя бы и аплешовъ, не
очень трудно оспорить пальму. *Изд.*

С Т И Х О Т В О Р Е Н І Я .

Р У С К А Я П Ъ С Н Я (*)

*На пребываніе въ Москвѣ Его Императорскаго Высочества, Великаго Князя
МИХАИЛА ПАВЛОВИЧА.*

Кликнешь любовь, и сердце откликнется.
(Русская пословица.)

Поемъ и Князя, и Героя;
Поемъ съ Нимъ славу и любовь.
Средь грознаго — Онъ грозень боя;
Усихнешь бой — Онъ другъ враговъ.
Онъ человѣчество спасаетъ;
Сердца Онъ лаской золотитъ.
Душой къ болящимъ поспѣшаетъ
И жизнь имъ новую даритъ.

*Хвала и Князю и Герою!
Любовью Онъ влететь сердца.
Съ Москвой сроднился Онъ душою;
Кадеты видятъ въ Немъ Отца.*

Будь Домъ Его хранимъ судьбами!
Онъ благодѣтель, другъ дѣшей;
Цвѣши сей Домъ подъ небесами —
Красой весеннихъ, ясныхъ дней!

(*) Изъявляя общій голосъ отцевъ и матерей, сочинитель не предъявляетъ имени своего; музыка сочинена имъ же и будетъ издана вмѣстѣ съ рѣчами. *Сог.*

По шѣмъ же чувствамъ отцовской благодарности за неизреченныя милости Царшвеннаго Друга дѣшей-кадетовъ, перепечатаваю въ свои листки сію пѣсню сердца, написанную Сочинителемъ стиховъ на пребываніе въ Москвѣ Ея Императорскаго Высочества, Великой Княгини ЕЛЕНЫ ПАВЛОВНЫ. *Издатель.*

*Хвала и Князю, и Герою!
 Любовью Онъ влететь сердца;
 Съ Москвой сроднился Онъ душою;
 Кадеты видятъ въ Немъ Отца.*

К ъ Н * * * Н * * *

Дерзнулъ когда, мой ангелъ милой!
 Сердишься долго на себя?
 Клянусь, что я волшебной силой
 Весь очарованъ спалъ, любя!
 Когда въ порывахъ изумленья
 И день и ночь въ мечсахъ своихъ
 Брожу какъ пунникъ отверженья:
 Тогда, о вѣрь! въ глазахъ твоихъ
 Я нахожу всю живосшь чувства;
 Я полонъ дружбы не земной
 И безъ жеманнаго искусства
 Мой взоръ шуманится слезой! . . .
 Уже-ль власна судьбина злая
 Навѣкъ разрознить два сердца,
 И пламень яркій воспаляя,
 Готовишь муки безъ конца?
 Уже-ль, другъ нѣжный! другъ безцѣнный!
 Ты для спрдаанья рождена? . . .
 Пускай умру, людьми забвенный! . . .
 Но что-жь? Уже-ль ты еуждена
 Влачишь свой вѣкъ въ дали ошь свѣша,
 Всечасно горевать, страдать,
 И какъ блаженства ожидать
 Ошь Парки роковой привѣта? . . .
 Мой ангелъ милый! позабудь
 Свою любовь, свое нещастье!
 Бышь можешь, я на свѣшлый путь
 Одинъ гоню судьбы ненастье! . . .

Но нѣтъ! . . . останься вѣрной мнѣ!
 Люби всегда, мой другъ Наташа!
 Пускай цѣ завѣтной пишинѣ
 Хранишься вѣчно дружба наша;
 Пускай таинственной звѣздой
 Она горитъ — не упадая,
 И свѣтитъ радостью святой
 До дней божественнаго рая! . . .

Сергѣй Хитровъ.

1831 года.

С. - Петербургъ.

К ъ * * * .

Не разъ въ щасливый часъ ночной,
 Съ тобой, хранитель - геній!
 Я пилъ роскошною спруей
 Блаженство сновидѣній.
 Какъ часто ты была моею,
 И я твоимъ до гроба!
 Какъ часто пламенемъ очей
 Сердца питали оба!
 О какъ свободно грудь твоя
 Любовью волновалась,
 И ею вся душа моя
 Отраднo наполнялась!
 Моихъ заря коснется-ль вѣждь:
 Съ ней другъ мой исчезаетъ,
 И безъ любви, и безъ надеждъ
 Страдальца покидаетъ!
 О другъ безцѣнный, ангель мой,
 Душа души, мой геній!
 Слепай ко мнѣ во шмѣ ночной,
 На пиръ моихъ видѣній!

А. Никитинъ.

На розы въ Октябрь.

Пусть грянутъ морозы!
 Цвѣтушь тамъ розы,
 Гдѣ сердце живѣшь;
 Гдѣ умъ не холодень;
 Гдѣ духъ нашъ свободень
 Опъ тяжкихъ хлопощъ.
 Князь! розы съ побою,
 Въ окошкахъ швоихъ:
 Гдѣ розы — съ душою,
 Тамъ плѣнь — не для нихъ.

Мезгатель.

Страсти.

Всѣ страсти ниже во сто разъ
 Врожденной, благородной страсти,
 Съ могуществомъ влекущей насъ
 Къ шѣмъ существамъ, въ чьей были власти
 Цари, Герои всѣхъ временъ
 И чей свободы слаще — плѣнь!
 Молчите же, *корыстолюбцы!*
 Молчите, *ползуны - льстецы!*
 И вы молчите, *гестолубцы!*
 Вы всѣ порока близнецы!

Парижскія моды.

Плащи. — Матерья, называемая Тибеть; много употребляется для плащей; узоры, зашканные на ней, чрезвычайно подходящъ къ Индйскимъ шалямъ.

— Плащи, называемые: Manteau Masabre, состоятъ изъ легкой матерьи, шелковой пополамъ съ шерстью; сии плащи, устьянные мѣлкими цвѣточками, обшиваются широкимъ бордюромъ, гошическимъ или съ букетами.

— Носятъ также разноцвѣтные апласные плащи.

Матерьи. — *Атласный кашемиръ* имѣетъ весь блескъ атласа и предпочитается даже шалѣ, потому что наряднѣ сей послѣдней матерьи.

Индйскія ткани, писанные во Франціи, составляютъ также одну изъ щеголеватыхъ матерій; въ нарядѣ, бѣлыя и шѣлеснаго цвѣта; за - просто же темныхъ цвѣтовъ.

— *Шалѣ - кашемиръ*, зашканный шелкомъ; превосходнаго вида и въ большой модѣ.

Изъясненіе картинки при семь No.

Сѣточка, убранная ленточными баншами. Пеньюаръ изъ матерьи, называемой *Тибеть*; чехоль кисейный вышитый.

ПЕЧАТАТЬ ДОЗВОЛЯЕТСЯ,
съ тѣмъ чтобы, по оппечашаніи, были представлены въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра. Москва. Октября 29го дня, 1852 г.

Ценсоръ Николай Лазаревъ.

САМСКІЙ ЖУРНАЛЬ.

Л И Т Т Е Р А Т У Р А.

П р о з а.

Постоянство и вѣрность любви.

(Продолженіе.)

Письмо VI.

Вчера видѣлъ я Надину. Ахъ, любезный другъ! ты не можешь вообразить, какъ она была задумчива! въ ней предсавлялась воплощенная меланхолія. Большаго труда стоило вывести Надину изъ эшаго сосоянія. Мои убѣжденія взяли вѣрхъ надъ ея горестію, непрерывно время опъ времени усиливающеюся какъ бы предъ какою нибудь роковою минушою жизни. Я предсавлялъ, за чѣмъ прежде времени крушишься, и убиваешь себя? „Ты свободенъ, и будущее въ швоей воли,“ отвѣчала Надина „а я, подобно бѣдной пщичкѣ, заключенной въ клѣшкѣ, осуждена

вздыхать о свободѣ; пустыя приличія, грубыя предубѣжденія, обычаи, мода — лягопяшь меня болѣе, нежели оковы узника. Я не могу располагать собою; я несчастна, я жалкое швореніе!“ Меня это сильно пронуло. Объятый сочувствіемъ, я съ жаромъ высказывалъ ей все, что могло подѣйствовать на ея сердце. „Сердце“ говорилъ я „не рабъ; сердцу благообразованному нѣтъ нужды приказывать; его сила, власть, законы, права — все священо, ненарушимо. Нѣкогда у Грековъ и Римлянъ власть родителей проспиралась далѣе законовъ природы. Религія и просвѣщеніе, торжествую надъ ужасами природы человѣческой, съ этой стороны преобразовали человѣчество и возвратили ему права, природою и Богомъ ему дарованныя. Вспомни, что могла сдѣлать неумѣстная власть родительская Княгиня Долгорукой? Она, для друга своего, забыла край родной, богатство, почести, знашность; въ пустынной и хладной Сибири дѣлила съ нимъ горести жизни и испытала всю превращенность судьбы. Твоя судьба еще не рѣшена; мужайся, крѣпись. Рѣшимость духа побѣждаетъ всѣ предразсудки, всѣ глупые обычаи, варварство душъ жестокихъ и безжалостныхъ. Попомокъ низкій и порочный помрачаетъ славу предковъ, испинно-благородныхъ и добродѣтельныхъ; попомокъ благородный и честный можешь загладишь пяшна позорныхъ предковъ. Должно наследовать добродѣтели и честность, а не пороки, не предразсудки, не поспыдныя дѣянія. Громкая фамилія не придаетъ блеска безчестному, равно какъ и безвѣстное имя не преграда къ дѣяніямъ чести. Опъ того-то въ Спаршѣ и Римѣ часто дѣши знашныхъ, по недоспажку

личныхъ достоинствъ, исчезали во мракъ неизвестности; напрошивъ не рѣдко дѣши ремесленниковъ, при помощи талантовъ и добродѣтелей, возвышались на первыя степени государства. Слава и честь скрываются не въ знапомомъ родѣ, не въ санѣ, не въ щастіи. Кто эшимъ гордится, пошъ не другое что, какъ кумиръ, выставленный на позоръ — прельщашъ одну несмысленную чернь. Многіе блистають златомъ, но мрачны душею.

Я Князь — коль мой сіяеть духъ;

Владѣлецъ — коль страстѣми владѣю;

Боляринъ — коль за всѣхъ болѣю,

Царю, закону, церкви другъ.

Повелѣнія родителей должны быть священны, когда они согласны съ законами природы, разума и Бога; въ прошивномъ случаѣ самая покорность предосудительна. Кромѣ того, ты уже клялась бышь вѣчно моею; гдѣ же будешь честь — швой девизъ — когда измѣнишь клятвѣ? «Надина прервала рѣчь мою словомъ: „Довольно!“ Тупъ лице ея прояснилось и заиграло радостію. Надина успокоилась. — Скоро возвращаясь ея родители. Тогда, безъ сомнѣнія, я и Надина будемъ дѣйствовать рѣшительнѣе. Мы знаемъ характеръ ихъ, знаемъ, и при всемъ помѣ надежда лелѣешь и живишь сердца наши. Испытаемъ: возьмемъ мѣры законныя. Можешь бышь, судьба и поможешь. При неудачѣ же — дѣло примешь другой оборотъ.

П и с ь м о VII.

На сихъ дняхъ я получилъ отъ почтенной моей пещушки письмо, изъ котораго видно, что она, какъ кровная, опасается, чтобы я не разруилъ своего здоровья отъ непрерывныхъ за-

няпій, и порядочно за это журишь меня; собо-
 лѣзнуешь о моемъ одиночествѣ, и приглашаешь
 поскорѣ прїѣхать къ ней въ деревню — за чѣмъ
 же? Тетушка нашла невѣсту мнѣ — и заочно
 уже сваиваетъ не на шулку. Ей сильно хочется
ощастливить меня супружесивомъ; жаль поль-
 ко, что она имѣешь превратное понятіе о ща-
 сшїи; между пѣмъ въ письмѣ своемъ признаеш-
 ся, что „невѣста не красавица, но и не дур-
 на“ — это значитъ рѣшительно дурна! „Ей
 за 20 лѣтъ“ — хотя это восглашается
 поржественно, вѣроятно, съ самыми спро-
 гими учешами и расчешами — „за то уже
 хозяйка! Голова у ней не вскружена ошъ рома-
 новъ“ — и не мудрено: пошому что безъ со-
 мнѣнїа плохо знаешь грамосе, а главное до-
 стоинство — за нею пяпшошь душъ приданаго.
 Чшобы сильнѣе проношь меня, шешушка ошка-
 зываешь мнѣ, какъ единственному своему на-
 слѣднику, сполько же собственныхъ — по смер-
 ши своей. И заключаешь по своей спарушечьей
 логикѣ, что это можешь соспавипь все мое ща-
 сшїе. Въ ошвѣшѣ своемъ я благодарю добрую
 шешушку за участие, кошорое она прини-
 маешь во мнѣ, но ошказываюшь ошъ невѣсты,
 доказывая, что она едва ли не спарѣ меня
 и что мы получили различное образование;
 что же касается до душъ невѣсты, то
 сказалъ: не весьма ли часто случаетъ,
 что невѣста при душахъ сама безъ души?
 Испинное приданое невѣсты — не богатство,
 но доброе и вѣрное сердце; съ такою женою и
 безъ богатства будемъ богаты, въ прошивномъ
 случаѣ и богатство нимало не ушѣшишь. Вопъ
 какого содержанїа былъ мой ошвѣшъ на письмо
 шешушки, ошъ кошорой вскорѣ получилъ на свое

грозный опвѣсть, какого только можно ожидать отъ человѣка спараго, закоренѣлаго въ предразсудкахъ, алчнаго къ богатству и, въ дополненіе къ тому, необразованнаго. Помомъ я снова опписалъ къ ней въ короткихъ словахъ: „Оспавьте себя и меня въ покоѣ“ — и шѣмъ все кончилось. — Скажи, любезный другъ! виновашъ ли я? Меня заспавляли жертвовашъ существеннымъ — призраку, вѣрнымъ — невѣрному, щаспиемъ — можетъ бытъ, нещаспю. Я желаю всякаго благополучія *невѣствѣ* своей, но не промѣняю на нее моей Надины и вѣренъ ей пребуду до гроба.

Письмо VIII.

Теперь въ нашей драмѣ является на сцену новое дѣйствующее лице. Недавно пріѣхалъ сюда, въ В., одинъ опспавной уланской Шшабсъ-Ропмистръ Б. Онъ часто бываешъ въ домъ N. — Надина ему нравилъся; онъ началъ домогашъся руки ея. Впрочемъ соперникъ неопасный. Ты знаешъ, любезный другъ, *манеры* улановъ: опшважны, вольны, любяшъ, какъ говорилъся, попировашъ, или пускашъ пылъ въ глаза. Не справедливо было бы сказащъ, что эши господа *всѣ* шаковы; ибо нѣшъ правила безъ исключенія; изъ нихъ, какъ и во всякомъ сословіи, очень много умныхъ, честныхъ и добрыхъ. Но господинъ Б. ешъ самое явное исключеніе изъ сего послѣдняго правила: не дальняго ума, не наилучшей нравспвенности, — за то, какъ говорилъся нынѣ, *отчаянный*, увѣренный какъ не лъзя больше, что онъ человѣкъ съ геніемъ; все охуждаешъ, бранилъ, и, въ добавокъ, большой эгоистъ. Надина по наружности не презираешъ его,

не гнушается имъ, ибо знаешь хорошо правила свѣтскаго обхожденія и общежитія. Изъ эшаго положенія, по уланской логикѣ, слѣдуетъ, что она *полюбила* его. Онъ внѣ себя; даже нашель случай опкрыться Надинъ въ любви своей. Но опвѣтъ Надины и ея обращеніе со мною бѣсяшь улана. Когда мы вмѣстѣ, онъ ничего не говоритъ со мною и всегда близокъ къ шому, чшобы нарушить всякое приличіе. Время усилило въ немъ жаръ ревности до высшей степени. Опзывы его обо мнѣ Надиною никогда не выслушиваются. Кого эшо не взбѣситъ? Въ пылу гнѣва, улану свойспвеннаго, онъ пишеть ко мнѣ письмо шакого содержанія: „М. г. ! вы совращаете съ цуи молодую дѣвицу, копорую я выбралъ себѣ въ невѣсмы; она любитъ меня, но, по молодости своей, разспроивается въ мысляхъ опъ вашихъ словъ и писемъ. Прекратите всѣ ваши виды на нее; въ пропивномъ случаѣ я долженъ съ вами жесткоко поссориться и раздѣлаться, какъ велитъ честь...“

Я опвѣчалъ ему, что имѣю самыя основательныя причины не оставлять Надины, а какія именно этъ причины, объяснятъ не почишаю нужнымъ: знаю, имѣю ихъ, и эшаго довольно. Опъ раздѣлки не опказываюсь.“ — Мы условились биться на пистолетахъ въ десяти шагахъ другъ опъ друга. Прощай, любезный другъ! и — можеть бытъ — навѣки! . . . .

(Продолженіе въ слѣд. Но.)

А л ь б о м ъ .

Въ Но 159 *Сѣверной Пчелы* сказано о повѣстяхъ Реймона, между прочимъ, слѣдующее: „Вообще содержаніе повѣстей его весьма занимательно, рассказано“ (что? содержаніе?) „съ умомъ, съ чувствомъ, но безъ излишней расшочительности яркихъ красокъ, и это составляетъ не послѣднее достоинство сихъ повѣстей, если сравнимъ оныя съ другими произведеніями нынѣшней Французской лишпературы.“

Зачѣмъ идти далеко? сравнимъ сіи повѣсти съ напечатаннымъ въ томъ же Но Сѣв. Пч. *Отрывкомъ изъ Романа: Кетевана, или Грузія въ 1812 году.* Что слово, то *расточительность яркой...* галимашьи. „Случилось ли вамъ видѣть, какъ шрудолубивый ремесленникъ, положивъ кусокъ золота на черный уголь, подноситъ его къ косвенному огню, спрующемуся узкой полосой изъ желѣзной трубочки? Видали-ль вы, какъ оно, мгновенно расплывшись, образуешь круглый шарикъ, ярче золота, ярче огня, его расплывшаго? Таково южное солнце, когда оно величественно плыветъ по свѣшлоголубому Грузинскому небу. Напрасно захошите вы взглянуть на него, и подмѣшитъ шѣ лучи, кошорые жгущъ васъ и ослѣпляютъ; оно кругло какъ шаръ, лучи его незримо разлились по небесному своду, и вмѣстѣ съ его синевою образовали эфирную шкань, видимую, но почти безцвѣшную. Не подымайте къ нему

глазь, или болѣзненно опустите ихъ въ землю.“ Оспавимъ въ покоѣ *трудолюбиваго* ремесленника, копорый кладешъ *кусокъ золота на чернѣй* уголь и подноситъ его *къ косвенному* огню, струящемуся *узкой полосой* изъ желѣзной *трубочки*; но какимъ образомъ золото, хопя и *мгновенно* расшопившись, можешъ бытъ *яре золота* же? Но развѣ на *сѣверное солнце* можно глядѣшь проспыми глазами и *подмѣтитъ тѣ лучи*, копорые *жгутъ* и *ослѣпляютъ* вѣрно не менѣ южнаго, а особливо *лѣтомъ*? Но развѣ одно шолько южное солнце *кругло какъ шаръ*? и ежели „лучи его *незримо* (?) разлились по небесному своду и вмѣстѣ съ его синевой образовали *эирную шкань*, видимую, но почти *безцвѣтную*;“ шо для чего же и не поднятъ къ нему глазь, а поднявши, опть чего же болѣзненно опуститъ ихъ въ землю? Нужно ли послѣ эшаго сравнивать повѣсти Реймона съ другими произведеніями *нынѣшней Французской* липшерашуры? Но нужно замѣтитъ *нынѣшнимъ* Рускимъ липшерашорамъ, что они пишущъ иногда, какъ *старинный Французскій* пупешеспвенникъ, бывший въ Россіи, писалъ о *мужикахъ* нашихъ: Il-y-a une certaine classe d'hommes qu'on appelle moujick, и о *собакахъ*: espèce de chiens qu'on appelle sobaka. Въ Романъ: *Кетевана*, сказано: „Сахля, Грузинской домъ.“ Вопервыхъ не *сахля*, а *сахли*; вовшорыхъ сахли погрузински — домъ, какой бы онъ и гдѣ бы ни былъ — въ Тифлисъ, въ Москвѣ, въ Парижѣ. Далѣе сказано въ Романъ *устами Грузина*: „Послѣдній Царь нашъ, Ирак-

лій Георгіевичъ — вѣчная память! почувствовавъ, что не долго оспается ему пожить на свѣтѣ, и послалъ Пословъ къ Рускому Царю съ просьбой: взять себѣ всю Грузію. Скоро послѣ погоонъ“ (?) „скончался, оставилъ по себѣ вдову, Царицу Марію. Между тѣмъ Рускіе завладѣли нашимъ краемъ и велѣли править имъ нашему же Грузину, Князю Циціанову.“

Вопервыхъ Грузинъ не могъ не знать, что его послѣдній Царь былъ не *Ираклій*, а Георгій; вовшорыхъ почему же Рускіе *завладѣли*, если Рускаго Царя *просили* взять себѣ Грузію? Далѣе говоритъ *Грузинъ*: „Вдругъ присылаешъ“ (Циціановъ) „Генерала Лазарева, изъ Армянъ, къ Царицѣ, сказаъ ей, что Рускому Царю угодно, чтобъ она переѣхала жить въ Москву. Царица разсердилась на Лазарева, и говорила ему, что онъ родился ея подданнымъ; что если Рускіе и забыли должное къ ней уваженіе, то ему, Грузинскому уроженцу, не прилично повшоряшъ ей такихъ оскорбительныхъ приказаній,“ и проч. Сочинишель Романа звалъ, что есть *Лазаревы* изъ Армянъ, и не зналъ, что Генераль Лазаревъ не былъ ни Армяниномъ, ни уроженцомъ Грузіи, а Россійскимъ дворяниномъ: что безъ сомнѣнія было извѣстно не только *Царицѣ Маріи*, но и *бѣдному Грузинскому семейству*; слѣдовательно *монологи* старика и его повелительницы принадлежатъ къ яркой галимашѣ. Старикъ продолжаетъ: „Говоряшъ, а правда одному Богу извѣстна, — будто бы Лазаревъ еще при жизни Царя Георгія“

(какого же?) »быль ея любимцемъ; шакъ понадѣясь на эшо и началъ насшаивашъ : »Поѣзжай , да и шолько!« Тушь Царица прогнѣвалась , да взмахнула кинжаломъ , и Лазарева какъ не было ! Послѣ шого , въ скоросши , ошправидасть въ Москву . Народъ выль , провожая ея какъ на смершь . Всѣ думали : не одобровашь ей въ Россіи ! — Чшожь вышло , дѣши ? какъ вы думаете , приняли ея въ Москвѣ ? У самыхъ воровъ вспрѣшили Рускіе Князья , посадили въ золоченую арбу , и повезли въ особенный дворець . А шамъ и угоспишь какъ не знали ! Только чщо она усѣлась , Рускіе Генералы , въ красныхъ ахалукахъ съ орлами , нанесли ей шакую пропасшь разныхъ кушаньевъ , чщо у покойнаго брапа и у всѣхъ нашихъ глаза разбѣжались . А когда Царица , ошдохнувъ ошъ дороги , захопѣла прокащиться« (? !) »по Москвѣ , шно подали ей шакую же богащую арбу , и два ша- же красныхъ Генерала сшали сзади . Вошь какъ честили нашу Царицу , Мамука !« Вопервыхъ Царица Марія , супруга послѣдняго Грузинскаго Царя Георгія Иракліевича была извѣсна во всей Грузіи за добродѣтельную женщину какъ во время супружесшва , шакъ и вдовсшва , и конечно ни одинъ Грузинъ , ошъ первѣйшихъ Князей до послѣдняго крестьянина , не скажетъ ошъ ней ничего предосудительнаго ; да и можно ли подобную *правду* , одному Богу извѣстную , печашашъ даже и въ *романѣ* , когда сія Царица еще жива и когда дѣши ея чашають все , даже и шакіе Рускіе романы , каковъ , напри- мѣръ , *Кетевана* ? Вовпорыхъ Царица Марія

вывезена не въ Москву, а въ Бѣлгородъ, гдѣ и жила нѣсколько лѣтъ, и наконецъ по Высочайшему повелѣнію отправилась въ Москву; впрещихъ, *Мокузанскіе* крестьяне, о которыхъ говорится въ Романѣ, никакъ не могли въ 1812 году ошибаться вразсужденіи Рускихъ мундировъ и почишашъ придворныхъ лакеевъ за Генераловъ; ибо помѣщикъ сихъ крестьянъ, Князь Чавчавадзевъ, Генераль - Майоръ въ Россійской службѣ, и нѣтъ сомнѣнія, что они видали его въ мундирѣ, и знаютъ, что *ахалуха* (не ахалухъ, и не ахалукъ) ничего не имѣетъ общаго съ *мундиромъ*; вчешвершыхъ, *дукане* (а не духанъ), по естъ лавка, вопреки Роману, нѣтъ въ Мокузанахъ ни одной, гдѣ бы продавалось вино; ибо у каждаго крестьянина свое собственное въ большомъ изобиліи. Сверхъ того, дукане опіюдь не значить *лавочка*, гдѣ исключительно продается вино, водка и отчасти свѣстные припасы, какъ сказано въ Романѣ, а вообще — лавка, гдѣ что-либо продается, какъ драгоценные шовары, такъ и самыя мѣлчныя.

Что же касается до свяшой Эчміадзинской (а не *Эчмядзинской*) воды, упоминаемой въ Романѣ, то она дѣйствительно употребляется съ несомнѣнною вѣрою всѣми вообще Азіятскими Христіанами, какъ способствующая къ появленію *тарби* (а не *тарбисовъ*), испребляющихъ саранчу.

Не уподобишь ли наконецъ саранчѣ и нѣкоторыхъ Рускихъ романовъ, шребующихъ *тарби* для своего испребленія? . . . .

(Окончаніе впредь.)

С Т И Х О Т В О Р Е Н І Я .

Отрывокъ изъ повѣсти : Илецкій казакъ.

Тамъ, гдѣ кропишь сребристой влагой
 Илекъ поля родныхъ степей,
 Гдѣ рыщуть съ дерзосной отвагой
 Пшомцы буйныхъ грабежей ;
 Тамъ, цѣплю холмовъ сокрыта
 И непримѣтная вдали
 Стоишь Илецкая Защища ,
 Забышый уголокъ земли.
 Въ ней шакже все однообразно ,
 Какъ неизмѣненъ видъ полей ;
 Нѣтъ наслажденья лѣни праздной ;
 Чужда безопасность для людей.
 Лишь въ дни шоржествъ народъ спокойный
 Предастся радости живой ,
 И вшоряшъ степи звукъ нестройный
 Веселой пѣсни боевой.

Въ Защищѣ шяжкіе оковы
 Влачить преступники должны ;
 Въ позорной ссылкѣ шрудъ суровый
 Они сносить осуждены.
 Въ неволѣ вѣчной , въ узахъ рабства
 Злодѣямъ суждено спрадашъ ,
 И изъ земли ея богатства
 Кровавымъ потомъ испоргашъ.

Окрестъ Защишы разсѣваюшъ
 Ордынцы смерть и шрахъ оковъ ;
 Но крѣпость храбро защищаюшъ
 Дружины смѣлыхъ казаковъ.

Калмыкъ суроптивый и суровый ,
 Послушный , медленный Башкирь
 Всегда съ оружіемъ гошовой
 Стремисься на кровавый пирь .
 Нѣтъ мѣста , въ замыслахъ преступныхъ
 Гдѣ-бъ скрысься могъ Киргизъ - Кайсакъ :
 Тамъ цѣпь форпосшовъ неприступныхъ ,
 Тамъ возвышается маякъ ;
 На немъ , какъ тѣнь ночной порою ,
 Башкирь недвижимый стоить ,
 И на копье склоняся главою ,
 Онъ въ степь пустынную глядитъ .
 Предъ нимъ его поварищъ вѣрной —
 Стреноженный гуляешъ конь ,
 И шускло на правѣ зеленой
 Дымится подъ кошломъ огонь .
 Напѣвъ унылый и просяжный
 Башкирца слышанъ въ тишинѣ . . . .
 Но вдругъ — глядитъ : Киргизъ отважный
 Несетса быстро въ сторонѣ .
 Онъ на коня , и конь послушный
 Уже лешить во весь опоръ ;
 Ужь врагъ насстигнушь равнодушный ,
 Уже его встрѣчаетъ взоръ . . . .
 Но вотъ — Ордынецъ ободрился ,
 Припаль къ лукъ , пугнуль коня ,
 И дикій конь стрѣлой пустился ,
 Исполненъ бурнаго огня .
 Башкирца спутникъ ушомленной ,
 Какъ вкопанный , на мѣстѣ спаль ,
 А врагъ , ставъ точкой опдаленной ,
 Смѣшался съ мглою и пропаль .

Но горе, если запоздалый
 Киргизъ, ты встрѣшишь казака!
 Не станешь конь его удалый,
 Не вздрогнешь вѣрная рука!
 Ни гнѣвъ, ни слезы, ни моленье
 Не прохладятъ въ немъ мести жаръ;
 Ему безвѣстно сожалѣнье,
 Неотразимъ его ударъ!
 Когдажъ веселый и любимый
 Съ Ордынцемъ дѣлится досугъ,
 Въ то время врагъ непримиримый
 Ему товарищъ, братъ и другъ.

Ольга Крюкова.

ИЗВѢСТІЯ.

Семейство Холмскихъ. Нѣкоторыя черты нравовъ и образа жизни, семейной и одинокой, Русскихъ дворянъ. 6 Частей. Москва. Въ типографіи А. Семена. 1832.

Une morale nue apporte de l'ennui,
 Le conte fait passer le précepte avec lui.

Lafontaine.

Вотъ настоящій феноменъ нашей Словесности; феноменъ, пѣмъ замѣчательнѣйшій, что всѣ *черты* его такъ извѣсны намъ, такъ близки къ намъ и потому дѣйствующій на чувства наши такъ сильно, такъ разительна! *Семейство Холмскихъ* — картинная галерея, гдѣ видимъ портреты своихъ знакомцевъ, пріятелей, дру-

зей, родственниковъ и свои собственныя, до
 шого похожіе во всѣхъ подробностяхъ, что
 улыбка, сладкая или горькая, не сходится съ улыб-
 нашихъ во все время прогулки по этой живопис-
 ной храниль, которую назовемъ еще настоящимъ
 перипатетическимъ курсомъ *характеровъ, стра-*
стей и дѣйствій, поучающихъ, образумливаю-
 щихъ, усыпляющихъ, предостерегающихъ —
 самую простую, самую неукрашенностію
 истинъ, событій и уроковъ болѣе, нежели ка-
 кимъ-либо *романизмомъ*; однимъ словомъ:
 наилучшая нравственная школа, которую не
 воспользуется лишь толь, кто *рѣшительно*
 не захочетъ снять *портрета своего* со спе-
 ны ея. . . .

Самое предисловіе есть любопытный пор-
 шикъ, ведущій многими переходами къ сей об-
 ширной галлерей, вещественному зданію кото-
 рой недоставало толь искусной руки, о чемъ
 говоритъ самъ Художникъ съ обыкновенною сво-
 ею искренностію.

Намъ кажется, что сія галлерей не кон-
 чится *шестью* отдѣленіями: сколько новыхъ
 портретовъ впереди! . . .

Не назовемъ ли наконецъ сію книгу настоль-
 ною энциклопедіей общественной жизни — для
 всякаго возраста, званія и состоянія? . . .

П а р и ж с к і я м о д ы .

Нынѣ почти необходимо, чтобы въ свадебной корзинкѣ находилось блондовое платье; иногда кладуть два: одно бѣлое, другое черное. Узоры бывають или колоннами, или букетами, постепенно увеличивающимися къ низу платья.

— *Шляпки.* — Черныя бархатныя шляпки убираются букетомъ; поля маленькія, нѣсколько къ верху; тулья въ видѣ каски, то есть вся въ складкахъ, соединенныхъ подъ однимъ бантомъ на верху.

— Палевыя атласныя шляпки подбиваются вишневымъ бархатомъ, и убираются палевыми атласными лентами, зашканными вишневымъ цвѣтомъ. Внутри полей тюлевый рюшь въ видѣ чепчика.

— Бархатныя шляпки орѣховаго цвѣта, подбитыя розовымъ атласомъ, убираются букетомъ розовыхъ перьевъ; поля короткія и нѣсколько расширенныя.

— Черныя атласныя шляпки, подбитыя бархатомъ вердепомоваго цвѣта (*vert-rouge*), убираются лентами одного цвѣта съ подкладкой; а на краю полей чернымъ блондовымъ полу-вуалемъ.

И з њ я с н е н і е к а р т и н к и п р и с е л ь №.

Шляпка атласная. Платье изъ шали.

П Е Ч А Т А Т ь д о з в о л я е т с я ;

съ шѣмъ чтобы, по опшечашавіи, были предшавлены въ Ценсурный Комитетъ шри экземплара. Москва. Ноября 2го дня, 1852 г.

Ценсоръ Николай Лазаревъ.

ДАМСКІЙ ЖУРНАЛЬ.

ЛИТТЕРАТУРА.

ПРОЗА.

Постоянство и вѣрность любви.

(Продолженіе.)

Письмо IX.

Вчера я выходилъ съ уланомъ Б. на дуэль. Ты подумаешь, что я его заспѣрилъ? нѣтъ! съ этой стороны будь спокоенъ. Но выслушай, какъ забавно происходила между нами дуэль: насупилъ часъ, секунданты готовы. По прїѣздѣ на мѣсто боя, одному изъ секундантовъ, какъ водится, поручено зарядить пистолеши; мы спали на условленномъ разстояніи. Уланъ Б., какъ обиженный, объявилъ, что первый будетъ спѣрляшь. Я на это, какъ и надлежало, согласился. Но Б. пошерялъ вовсе присутствіе духа; поблѣднѣлъ, оробѣлъ;

руки видимо затряслись; онъ наводишь пистолеть; я кричу: „вѣрниѣ!“ выспрѣлъ сдѣланъ, и пуля далеко мимо меня просвистала. „Худо!“ воскликнулъ я: „смотри же, какъ я себя заспрѣлю.“ Но напередъ подхожу къ нему, бросаю вверхъ яблоко и распрѣливаю его на лешу; пошомъ я снова зарядилъ пистолеть. Пропивникъ мой помершвѣлъ, едва споялъ на ногахъ. Я сжалился надъ нимъ. „Дарую тебѣ жизнь; живи и будь опыннѣе и разсудительнѣе,“ сказалъ я, и выспрѣлилъ на воздухъ. — Приспыженный уланъ ни слова! Такъ кончился нашъ поединокъ! — Я напередъ знаю, что любезный другъ скажешь мнѣ въ опшвѣшь. Ты не ожидалъ опъ меня шакой глупости. Конечно шупишь жизнью — безумно; я никогда не принадлежалъ къ разряду шѣхъ сумазбродовъ, которые за одно оскорбительное слово, можешь быть, безъ умысла сказанное, вызываютъ драшья, и это основываютъ на *законахъ чести*. Нѣшь! эти люди не знаютъ, что такое честь; ихъ честь — совершенное безчестіе. Я понимаю, и понимаю какъ должно, законы ея. Но скажи, любезный другъ, кто пущъ жизни прошекъ и не падалъ? Спрасшь зашмѣваетъ разсудокъ; овладѣвъ человекомъ, она волнуешь кровь его подобно сильной бурѣ. Въ спрасти человекъ на все готовъ. Впрочемъ, я надѣюсь, что ты мнѣ просишь это, и въ добавокъ къ шому, повторю тебѣ давнюю, опышомъ освященную пошловицу, что „нѣшь худа безъ добра.“ Дуэль сама по себѣ ешь зло — очень знаю; но она положила конецъ соперничеству Б.; опъ стыда и позора онъ уѣхалъ ошсюда, и все шало по прежнему спокойно. — Надина выговаривала мнѣ, бранила меня за эшомъ поступокъ, но съ шѣмъ вмѣшпѣ видѣла

въ немъ новое доказательство моей къ ней приверженности. Этого неожиданннй случай еще сильнѣе укрѣпилъ союзъ любви нашей.

П и с ь м о X.

Недавно возвратились изъ - за границы родители Надины и проживушь в В. около мѣсяца; я былъ опрекомендованъ имъ и принять съ всею вѣжливостію; по наружности это не люди, ангелы — привѣпливы, радушны; но всѣ ихъ ласки опзываются холодностію, принужденностію; нѣтъ опкровенности и простоты; это любимыя чада свѣта и моды, изучившіе до совершенства науку припворствовашь, льспить, лицемѣрить; вспрѣчнаго и поперечнаго осыпають вѣжливостями до излишества; что ни говоряшь, все не опъ сердца; разсѣянны, непостоянны, вѣпрены, — заняты пустяками, мѣлочами. Выѣзды, спектакли, вечера, балы — вошь чѣмъ ограничиваешся кругъ ихъ мыслей и дѣйствій; все важное, серьезное скучно, несносно для родителей Надины, копорую они почитають дурочкою, не знающею правилъ свѣта и общежитія. Не мудроно! . . . Я для нихъ кажусь шакже чудакомъ. Впрочемъ они спрого наблюдають за нами, попому что сходство вкусовъ нашихъ, образа мыслей и дѣйствій для нихъ весьма замѣпно. Какія-то предчувствія мучають насъ обоихъ; мы ловимъ благопріяшныя для насъ минуты и ведемъ переговоры самыя рѣшительныя. Мы вѣрны другъ другу, и — не думаемъ, не можемъ себѣ предсавить, что бы для любви, основанной на правилахъ нравственности, что - либо могло бышь преградою къ предположенной цѣли.

П и с ь м о X I.

Наши предчувствія сбываются. Опытъ удословѣрилъ насъ, что предчувствія иногда не мечшы распроеннаго воображенія, что душа человѣческая можетъ иногда проникать въ будущее, хотя и задернутое отъ насъ завѣсою. Родители Надины, какъ я и прежде себѣ, любезный другъ, упомянулъ, замѣтили нашу связь — благородную, чистую, но, по ихъ мнѣнью, предосудительную: они слышатъ не хотятъ объ ней. Ибо живучи въ образованномъ вѣкѣ, я, по ихъ мнѣнью, не принадлежу къ нему своими понятіями и своимъ образомъ жизни. Они знаютъ, видятъ, что дочь ихъ также не любитъ модной жизни, но увѣрены, что молодую дѣвушку еще можно переиначить и надѣются силою родительской власши заставить ее любить то, что они любятъ; исправитъ, по ихъ мнѣнью, недоспашки и спранныости ея вкуса, и чрезъ то поддержать славу и честь своей *знатной* фамиліи. Такой образъ мыслей очень натураленъ при рабской зависимости отъ случайныхъ условій общества. Въ вѣкъ Софокла для высокообразованныхъ Аѳинянъ не были отвратительны на театрѣ видимыя раны спраждащаго Филокшеса. Римляне въ цвѣтущемъ вѣкѣ просвѣщенія своего любили смотрѣть убійственные гладіаторскіе поединки. Испанцы на духовныхъ праздникахъ восхищались мученіями невѣрныхъ и ерешиковъ, сожигаемыхъ въ честь Испанскаго Христіянства. Знаменитый Руссо, живо слѣдовавшій своимъ впечатлѣніямъ, не нравился свѣту: не зная его приличій, или, лучше сказать, не хотѣлъ знать ихъ; за то

душа его знала совершенно свойства матери природы. Чтобы играть важную роль въ свѣтѣ, не нужны ни истинная ученость, ни сила ума, ни любовь къ высокому, ни основательность въ сужденіяхъ, ни душа чувствительная, ни сердце нѣжное; нужны — гибкій характеръ, ловкія плѣдженія, очевидная самонадѣянность, пріятная наружность — и болѣе ничего, за исключеніемъ богатства, которое — мимоходомъ — не изъ послѣднихъ достоинствъ. Таковы суды людей съ предразсудками въка; но въкъ не извиняетъ насъ въ ошибкахъ, и особенно въ ошибкахъ важныхъ. Наина не рождена быть невольницею прихошей свѣта; я шажу же. Мы бросили жребій свой въ таинственную урну судьбы и ждемъ ея рѣшенія. Впрочемъ при всемъ смиренномъ и шерпѣливомъ ожиданіи онаго, какія бы ни были поставлены преграды нашей любви, мы уже рѣшились, поклялись преодолѣть ихъ и достигъ предположенной цѣли. Свобода духа человеческого не спѣсняется ничѣмъ; она въ Капонѣ оспается неприкосновенною, тогда какъ гордый повелитель Рима окывываетъ всю вселенную цѣпями рабства; въ Поррѣ безспрашна предъ грознымъ Александромъ; въ Цезарѣ — не шрепещетъ шреволненнаго моря; въ Гораціевомъ Праведникѣ непоколебима; хотя бы вселенная грозила обрушиться на него. Мы останемся вѣрными — любви. . . . Но, ахъ, любезный другъ! часъ разлуки нашей близокъ. Надину скоро увезушъ въ столицу. Мысль убійственная! не знаю, перенесу ли я разлуку. . . . Горестъ поминутно, какъ люшая змѣя, шерзаешъ мое сердце. Прости!

Письмо XII.

Наконецъ , горестный часъ нашей разлуки насталь. Волненіе сердца моего невыразимо! „Уже ли“ — думаль я — „навѣки похишятъ у меня милую , безцѣнную Надину? Уже ли симъ кончашся всѣ мои сладчайшія надежды , давно , давно пипавшія мое сердце? Уже ли судьба лишишь меня Надины? Уже ли Надина измѣнишь своимъ клятвамъ , запечалѣннымъ всѣмъ шѣмъ , что есть на землѣ завѣшнаго , священнаго?“ Я все передумаль , и , въ волненіи духа , поѣхаль прощашся. . . . Пріѣзжаю. Всѣ суешяся. Надина погружена въ глубокую горестъ ; увидѣла меня , и слезы покапились изъ очей ея ручьями ; она скрылась , но не могла скрышь того , что кроешся въ сердцѣ ея. Ахъ , мой другъ ! могъ ли я бышь равнодушень? . . . Вскорѣ лице ея прояснилось. . . . Неизобразимая карпина , когда видимъ въ чловѣкѣ сляніе сердечной горести и радости ! Пѣнишельно явленіе въ природѣ , когда денница выводитъ на горизонтъ румяное ушро , но мрачные покровы ночи еще не со всѣмъ сдернушы съ подлуннаго міра ; эшо сляніе сумрака со свѣпомъ имѣешъ неизьяснимую прелестъ. Но *свѣтло - тѣнь* на лицѣ чловѣка несравненно пѣнишельнѣе. Такова фізіономія Тацша въ эспешическомъ опношеніи : высокая добродѣшель , опражающаяся въ его швореніяхъ , сражаешся или споритъ — какъ говоритъ Ансильонъ — со всеобщимъ развращеніемъ и сіяешъ , подобно звѣздѣ , среди повсемѣшнаго мрака ; повсюду въ великомъ чловѣкѣ замѣшна смѣсь скорби и спокойшвія ; первая раждаешся при позорныхъ зрѣлищахъ порока , второе

возникаешь изъ швердоспи и геройства духа. Это рѣдѣющія шѣни; это показывающійся вдали разсвѣтъ. — Сумрачная и веселая, Надина уловила нѣсколько минушъ — повторишь мнѣ по, о чемъ уже давно мы говорили тысячу разъ, и что рѣшились исполнить непременно. Скорбя сама, она не вѣѣла мнѣ скорбѣшь. „Правá любви“ говорила она »священны, неприкосновенны, вѣчны. Чтобы ни встрѣшилось, дѣйспвуй, иди къ цѣли, намѣ и нами предназначенной; я не измѣню; ты долженъ прѣхашъ въ столицу и шамъ, предсказываю тебѣ, все кончипся къ нашему благополучію. Я вѣчно пребуду неизмѣнною, вѣчно буду швоею!“ Я горько прослезился, поцѣловаль ея руку и — мы уже проспились. Кончились сборы. Родители Надины примѣтили, что происходило со мною и Надиною, и спѣшили опѣѣздомъ. Я смотрѣлъ, какъ быстрые кони помчали ихъ; бѣлый плапокъ выказывался изъ опущеннаго окна карепы; эшопъ знакъ былъ поняшенъ только мнѣ. Но — высокія горы скрыли наконецъ опъ взоровъ моихъ милую, безцѣнную Надину. Я осиропѣлъ; я остался въ жершву невыразимой гореспи. Тяжко, тяжко жишь въ разлукѣ съ сердечною половиной! . . .

(Окончаніе въ слѣд. Но.)

~~~~~

Разговоръ двухъ друзей.

Феохтиствъ (входя къ Мелодору). Здравствуй, другъ мой! Я вышелъ изъ перпѣнїя, не видавъ себя шакъ долго; какая причина, что ты переспалъ ходишь ко мнѣ?

Мелодоръ. Я рѣшилъ жить уединенно.

Феохтиствъ. Чѣмъ же ты занимаешься въ своемъ уединенїи? Бывало, прежде, я видалъ списки своего сочиненїя въ разныхъ изданїяхъ; а съ тѣхъ поръ, какъ ты оставилъ друзей своихъ, кажешься, оставилъ и поэзію.

Мелодоръ. Для друзей я всегда остаюсь другомъ; но что касается до моихъ сочиненїй, то признаюсь, что съ нѣкотораго времени я не посылаю ихъ къ господамъ Издашелямъ Лишперашурныхъ лисшковъ.

Феохтиствъ. А причина тому?

Мелодоръ. Ужасная кришика и колкія замѣчанїя на сочиненїя и самихъ сочинителей. . . .

Феохтиствъ. Скажи лучше, свое малодушіе. . . Да и чтожь было бы, напримѣръ, съ поэзіей, если-бъ не кришика? Тогдабъ не небесному источнику можно было уподобить поэзію, но стоячей водѣ. Скажи, прїянно ли пѣніе соловья при спрашномъ кваканьи лягушекъ? Кришика и самое посредшвенное сочиненїе содѣлываетъ для чашателя не шолько занимательнымъ, но и полезнымъ. Ошкрывая недосшатки сочиненїя, она показывается и красоты его, разумѣется ежели онѣ есть въ немъ.

Мелодоръ. Да за чшожь браняшь самихъ сочинителей; ихъ почти называютъ: ослами, дроздами и проч. и проч.

Теоктистъ (съ улыбкою). Если осла зовушь осломъ; а дрозда дроздомъ: по эшо, кажешся, не значить брани.

Мелодоръ. „Желаніе выказаться, а не злословить вооружило истину стихомъ саширы,“ говоришь Буало; слѣдовательно — говоря безъ шутокъ — кришикъ всячески долженъ оспергашся ошъ оскорбительныхъ названій и замѣчаній, относимыхъ къ сочинителю, сочиненіе котораго онъ кришикуешъ.

Теоктистъ. Какъ кришика естъ истина; по она и опредѣляетъ цѣну сочинителю по его достоинству — *сочинителю*, не *гражданину*. А ты не хочешь ли, чшобъ кришикъ осла называлъ пегасомъ, а дрозда соловьемъ?

Мелодоръ. А развъ эшаго не бываетъ? Я читалъ однажды, какъ нелѣпое сочиненіе одного Графскаго сына перевозносили до небесъ.

Теоктистъ. Другъ мой! ты слышалъ тогда не языкъ кришики, а языкъ лещи. При такихъ случаяхъ помни стихи славнаго Поэша. Вотъ они:

„Осель всегда оспанется осломъ,
„Хотя осыпь его звѣздами!
„Гдѣ надо дѣйствовать умомъ,
„Онъ шамъ лишь хлопаешъ ушами.“

Мелодоръ. Но больно, какъ кришикъ хорошее унижаетъ.

Теоктистъ. Туть опять не кришика виною, а человекъ. — Въ такомъ случаѣ помни слѣдующіе стихи Крылова:

„Завистники на что ни взглянуть ,
 „Подымутъ вѣчно лай ;
 „А ты себѣ своей дорогою спускай ;
 „Полаютъ — да отстадутъ.“

Пироговскій.

1 Октября, 1832.

Екатеринбургъ.

А л ь б о л ь .

Не уже ли въ самомъ дѣлѣ деспотическое господство моды съ такимъ же неоправданнымъ всемогуществомъ проспирается и на произведенія ума человеческого, какъ и на одежду или мебель? — Что касается до насъ, то мы ни подъ какимъ видомъ такого мнѣнія принять не въ состояннн, а между тѣмъ видимъ, что люди, которыхъ мы немало не умнѣе, покоряются желѣзному скипетру выше-сказанной богини — и никакъ не угадаемъ; отъ чего это? Не уже ли отъ страха, чтобы ихъ не почли *старовѣрами*? но такое малодушіе было бы не проспираемо людямъ *мыслящимъ* — въ спрогомъ смыслѣ! ибо естѣ *вѣры*, которыхъ не *старѣются*, или еще которыхъ истина тѣмъ - то и доказывается, что время вовсе не дѣйствуетъ на нихъ. Подъ такими законами надлежало бы, кажется, осваваться и *талантамъ*, поржество которыхъ не можетъ же заключаться ни въ чемъ иномъ, кромѣ преодоленія трудностей, для обыкновеннаго человѣка непреодолимыхъ, и доведенія дѣла своего до всевозможнаго совершенства.

Воземъ въ примѣръ стихи, *взятые на удачу* изъ прагедіи: *Битва при Тиверіадѣ*, и напечатанные въ 245 Но Сѣверной Пчелы:

Т о р о н ъ.

Судьба! судьба! Зачѣмъ не въ силахъ смертный
Преодолѣть, разбить твои оковы?
И оживишь твой *скрытый, грозный* призракъ,
Облечь его, въ плоть смертную облечь,
Чтобы сразить *однажды навсегда*.

Р а й м у н д ъ.

Священный градъ, проси! — Вошце Европа
Свой *царскій цвѣтъ* тебѣ давала въ жершву,
И щещно Западъ умостилъ косями
Своихъ сыновъ всѣ *рвы* твои и стогны!
Удѣлъ твой — пастъ и пастъ *рукой* своихъ! (?)
Но если въ грозный часъ, когда къ тебѣ
Ужь приближается швоя судьба,
Чтобы въ желѣзныхъ мышцахъ задавить,
И мечъ Архангеловъ, тебя стрегущихъ,
Не въ силахъ отклонить удара! . . . *Если* (*)
Въ столь грозный часъ тебя я покидаю,
Не обвиняй меня, Иерусалимъ! . . .
Я изгнанъ. . . . Слышите-ль, съдыя спѣны,
О чьи зубцы такъ звонко разбивалась
Грудь мѣдная сподвижниковъ Готфреда;
Вы слышите-ль? . . . . Я изгнанъ! И когда
На приступѣ, *объ васъ* вновь загремишь
Уже не наша, Сарацыновъ сталь,
Тогда *откликните* сей вопль: „онъ изгнанъ!“
А я пойду на берегъ Иордана,
Въ предѣлы Галилейскіе *мои*;

(*) Невольно повторишь: *если*. . . . если такъ писать стихи, то скажише, что же не *стихи*?

Тамъ во свяпыхъ водахъ омою руки ,
 Невинныя въ паденіи Сіона ;
 И если мало Іорданскихъ водъ ,
 Чтобы съ меня смыть чуждое пяпно
Народной клеветы — еще довольно
 Есть крови Сарацынъ , въ которой можетьъ ,
 Какъ въ зеркалѣ багровомъ , отразиться
 Моя невинность . . . .

Положимъ , что стихи взяпы наудачу — неудачно ; но для чего же заспавляшь думаешь чинашеля , что и сіи стихи , по мнѣнію Рецензента , подходятъ подъ *прекраснѣйшіе* , и сомнѣвашься , чтообы трагедія была *исполнена* (какъ онъ говоритъ) лучшими ? Спрашиваю : какаа разниаа между сими стихами и обыкновенною прозою , кромѣ того , что каждая строка въ нѣкопороу мѣръ ? Есть ли пѣщическіе образы , живописныя выраженія , музыкальная гармонія ? нѣтъ ! — и нѣтъ — ни риемы , ни сочетанія риема ; многіе стихи безъ цезуры ; переносы самыя не дозволишельныя ; слогу самыя тяжельыя . Но такіе стихи — въ модѣ ; но такими стихами писанъ *Борисъ Годуновъ* ; но *романтичельскіе* стихи пребують , чтообы они не были похожи ни на стихи , ни на прозу , копорую , между прочимъ , въ пысячу разъ легче прочельшь , нежели такіе стихи , въ копороыхъ неожиданно *наткнешься* на окончашельное слово ; ибо за женскою длинною риемою ожидаельшь корошкой мужскою , и ошибельшься . — Сверхъ того просимъ обрапильть вниманіе на *подчеркнутыя* слова . Наконецъ , какъ же бы и *прозою* написанъ иначе ? . . . Въ *прежнія* времена подобныя стихи не были бы признаны *за прекраснѣйшіе* . . .

Но вотъ ! къ ногамъ его печальный палець ошець ;
 Льешь слезы изъ очей — пишаніе сердцець.
 Угасъ въ Ахиллѣ гнѣвъ ; онъ плачешъ , воздыхаешъ
 И спарца слабаго ко персямъ прижимаешъ.
 Непобѣдимаго въ сраженьяхъ и биввахъ
 Кто побѣдишь умѣль ? Ошець , ошець въ слезахъ !
 Погибни навсегда , раздоръ окровавленный ,
 Могила роющій въ обширности вселенной !
 Да гибнушь гнѣвъ и месь ! Любовь ! живи въ сердцахъ !
 О состраданіе ! жизнь почерпай въ слезахъ !

Метатель.

*З а п и с к а (*).*

Я ѣхаль , право , какъ вельможа ! . . .
 Талантомъ слабаго ты вздернулъ на Парнасъ ;
 Здравьемъ слабаго твоей конь доведъ до ложа :
 Равно спасительны какъ Фебъ , такъ и Пегасъ !

Н. И. - П.

Надпись къ портрету.

Сухой твой взглядъ , *Гетероклитъ !*
 Порукой въ томъ , что также сухи
 И всѣ созданія , которыми громить
 Насъ добрый геній твой — какъ грѣшныхъ злые духи.

(*) Печатаемъ сію записку — какъ образчикъ пинтической
 учтивости , хотя она относится и къ намъ. *Изд.*

П а р и ж с к і я м о д ы .

Gaze cristal. Сей газъ можешь быть предпочтень газу *Донна Марія*; даже онъ красивѣе сего послѣдняго, и употребляется для нарядныхъ бальныхъ плашевъ съ апласною уборкою.

— *Gaze Céphise.* Трудно описать прелестъ и блескъ сего газа: на немъ по гладкой землѣ зашканы гирландами узоры между же сихъ узоровъ большіе прозрачные листья, которыя своею легкосью и блескомъ составляютъ прелестный контрастъ съ шканию газа.

— *Gaze Sylphide.* Названіе сего газа совершенно прилично ему: это въ самомъ дѣлѣ что-то воздушное, дымное. По немъ вышивають такіе легкіе, нѣжные узоры, что они кажутся чѣмъ-то магическимъ, и будто человеческая рука не касалась ихъ. Мы знаемъ однакожъ, что они не силою волшебства, но произведены руками монахинь, которыя, вѣроятно, не думая о томъ, посвящаютъ шруды своего шерпѣнья на ничтожныя капризы нашихъ модъ.

Изъясненіе картинки при семь No.

Шляпка изъ объяри, или бархатная. Плащъ, называемый *Jeanne d'Allret*, безъ отворотовъ; ворошникъ (*collet*) и лифъ бархатные.

П Е Ч А Т А Т Ъ Д О З В О Л Я Е Т С Я ,

съ шѣмъ чшобы, по ошпечашаніи, были представлены въ Ценсурный Комашешъ шри экземплара. Москва. Ноября 15го дня, 1852 г.

Ценсоръ Николай Лазаревъ.

1832.

Парижскія Моды.

№ 47

Дамскій Журналъ.

ДАМСКІЙ ЖУРНАЛЬ.

Л И Т Т Е Р А Т У Р А .

П Р О З А .

Постоянство и вѣрность любви.

(О к о н ч а н і е .)

П и с ь м о XIII.

Не спало моего друга, а съ нимъ не спало
и ушѣшенія! Надына въ споллицѣ, а я въ В. одинъ.

Въ нѣмой глуши

Брожу съ воспоминаньемъ смущнымъ,

И тяжкую печаль души

Ввѣряю роцамъ безпріютнымъ.

Ничто не веселишь, ничто не занимаешь.
Я нашель истино-прелестную дѣву, плѣ-
нялся обворожительными ея взорами, слы-
шалъ голось ея, голось не земной, слышалъ рѣ-
чи и — услаждался ими; она, какъ ангель,
блиспала невинношю и величьемъ, и чисная

душа ея попрысала мое сердце. Теперь все исчезло, какъ призракъ, какъ мечпа! . . .

О еслибъ вновь глазамъ опрадный
Блеснулъ лучъ ангельскихъ очей
И образъ дѣвы ненаглядный! . . .

Дохожу до опчаянiя! . . . Ахъ, любезный другъ! шеперь - шо я на опытъ узналъ, что въ минушы сильной горести, когда похищаешься утѣха жизни, человекъ самъ для себя можетъ быть врагомъ, и врагомъ самымъ опаснымъ; тогда его надобно спасать опъ самого себя. Одна мысль проясняетъ мою мрачную душу и умѣряетъ шоску ея — презрѣшь ничтожныя, пущыя законы приличiя, ѣхашъ въ столицу и, рѣшительно, немедленно приступишь къ развязкѣ. Ты на эшо конечно скажешь мнѣ: „Не спѣши; время все переработашетъ; сердце просынешъ и очарованiе любви пройдетъ, исчезнешъ.“ Никогда! никогда! основанiе любви моей не слѣдая шпрасъ, не какiе нибудь расчепливыя, низкiе виды. Не подавай мнѣ шакихъ совѣшовъ; я имъ не послѣдую, не исполню ихъ; они не годяшся для меня; опытъ начерпалъ ихъ для шѣхъ легкомысленныхъ, копорые влюбляюшся ежедневно и у копорыхъ любовь проходишь въ нѣсколько часовъ или дней. Я люблю Надину изъ одной любви, и моя любовь есть — любовь, а больше ничего; началомъ своимъ и концемъ она имѣетъ уваженiе къ достоиншвамъ, слѣдовашельно она непорочна, священна; слѣдовашельно она изъяша опъ всѣхъ условiй времени и вѣчна, какъ самое время. Медлишь нечего; я ѣду, я лечу къ милой Надинѣ — и эшо послѣднее мое письмо къ тебѣ изъ В.

Письмо XIV.

Любезный другъ! сіи спроки я уже пишу къ тебѣ изъ столицы. Два дня, какъ я пріѣхалъ сюда, и уже успѣлъ развѣдашь, гдѣ моя Надина, уже успѣлъ извѣспить ее о моемъ пріѣздѣ и получишь ошъ нея отвѣтъ. Я чрезвычайно затруднялся, какъ все это сдѣлать: самому явиться — было бы неблагоразумно; хотя я и знакомъ съ ея родителами, но скорый пріѣздъ мой въ столицу показался бы для нихъ очень подозрительнымъ; ибо въ В. я не говорилъ имъ ни слова объ отвѣздѣ своемъ. Послашь слугу? онъ не изловитъ случая отдать Надинѣ письма. Но пламенная, но вѣрная любовь извороплива. Для эшаго выбралъ я посредницей услужливую столичную шорговку, копорая (безъ сомнѣнія, не даромъ) вручила ей мое письмо и принесла отвѣтъ. — И прошла моя печаль! Надина обрадовалась моему пріѣзду; я даже нашель случай увидѣться съ нею, говорить и получишь ошъ нея новое изуспное приказаніе — пристуипишь къ рѣшительному окончанію дѣла. Что, ежели выдешъ неудача? . . . . Признаюсь: я, кажешся, не переживу эшой эпохи; эпохи важной и рѣшительной въ моей жизни. Но — нѣтъ! не думаю, не думаю! Любовь, испекающая изъ характеровъ сильныхъ, мужешвенныхъ, спремительныхъ, ничемъ не одолима. Это Архимедова шочка, съ копорой можно повернуть весь свѣтъ. Чшобы все побѣдипшь, надобно шолько желашъ и дѣйствовашъ съ рѣшительностію. Впрочемъ время не замедлитъ показашъ, одержу ли побѣду, или буду самъ побѣжденъ. — И шакъ пристуипаю къ дѣлу важному — къ рѣ-

шенію участи своей и участи Надины!... При-
знаюсь, для эшаго попребно геройство духа.
Но я не унываю, крѣплюсь, и, кажешся, не
опозорю себя. Время — повпоряю — скоро все
откроешь.

П и с ь м о X V .

(М ѣ с я ц ѣ с п у с ш я .)

Любезный другъ! вопшь шебѣ и развязка, или
конецъ моей любовной испоріи: я увезъ Нади-
ну и женился на ней. Вопшь какъ эшо было: я
долго не могъ рѣшиться увезши ее, ибо все на-
дѣялся, что родители Надины сжаляпся надѣ
нею и напоследокъ опдадутъ ее за меня; и
пошому, какъ обыкновенно водилсь, послалъ
напередъ сваташь. Они благодарили меня за сдѣ-
ланную честь ихъ дочери; но спали опыгры-
вашься опъ меня обыкновенными увершками; го-
ворили что дочь ихъ молода, что не изгошо-
влено еще приданое, что ихъ хозяйшвенный
обстоятельштва въ разспройшвѣ, и что о за-
мужешвѣ дочери еще они не думали, хошя все-
му эшому я прошивуполагалъ самыя основашель-
ныя опроверженія, именно: Надинѣ 17 лѣтъ;
приданое мнѣ не нужно; разспроенныя обсто-
ятельштва никакой не имѣють связи съ ея уча-
стью, а свадебныя издержки я принимаю на себя.
Ничшо не уважено! Опговорки значили оп-
казъ; въпренымъ родителешамъ хошѣлось имѣть
зяпя въ какомъ нибудь военномъ мундирѣ,
обвѣшеннаго крестами, въ чинахъ, живущаго
по правиламъ моднаго свѣта, не смотря на
шо, что дочь ихъ презираешь мишурный
блескъ его. — Послѣ эшаго мнѣ оставалось ис-
пытать еще одно: опправишь къ Надидѣ письмо,

въ кошоромъ я просилъ ее опкрышь родителѣямъ сердце свое, нашу взаимную любовь, священныя кляпвы и безусловную рѣшительность свою — бышь моею. Она опкрыла, слезно молила не погубишь ее опказомъ мнѣ въ ея рукѣ; но можно ли умолишь неумолимыхъ? Они бранили ее, грозили — лишись наслѣдства и проч., и проч. Надина осталась непреклонною предъ непреклонными родителѣями. Мы предчувствовали, предвидѣли это. Но уже тебѣ извѣстно, что жребій нашъ давно брошенъ въ священный урну судьбы, что участь наша давно рѣшена. Тутъ я приступилъ къ послѣднимъ рѣшительнымъ мѣрамъ — уѣхать съ Надиною и — обвиняться. Условились и совершили. Я все приговорилъ къ исполненію сего плана. Назначенъ часъ, въ кошорый все и всѣ покоятся въ объятіяхъ сна, и съ кошораго Надина оставивши родителѣйскій кровь, и начнешь жить для меня. — Настала роковая ночь; все склонилось къ покою, лишь только другъ пвой въ эту ночь незналъ покоя. Пробыла полночь; я началъ собираться, рѣшивые кони готовы; вѣду, — все тихо; фонари шускло догорають и слабо освѣщаютъ улицы. Но Надина уже давно ожидаетъ меня, сидя у окна — безъ огня; я подалъ знакъ и — она въ моей коляскѣ. Кони быстро мчались; минулъ часъ и мы уже предъ олпаремъ; пастырѣ церкви, кошорому извѣстны всѣ наши обстоятельство, ожидалъ благословить насъ. Священный обрядъ совершенъ; никто не былъ изъ постороннихъ свидѣтелей нашего брака, кромѣ Вездѣсущаго. — Помомъ мы, безъ всякаго опасенія, возвратились въ столицу, зная что кого сочешаешь Богъ, того человекъ не разлучаетъ. Настало утро; въ

домъ родителей Надины поднялась тревога, но тревога вскорѣ стихла, когда узнали, куда дѣвалась Надина, ибо она оставила письмо, въ кошоромъ высказала все, что чувствовала такъ давно и что сдѣлала, не нарушая закона. Чрезъ нѣсколько дней я писалъ къ нимъ и просилъ, что бы они позволили намъ прїѣхать — испросить прощеніе и получить родительское благословеніе. Но щещно! Мы отринуты! . . . Пустъ; лишь бы Всевышній не отринулъ насъ; тогда все пойдетъ своею чредою, все будетъ прекрасно. Онъ истинный Отець человека и споль милосердъ, что скорѣе мать забудетъ дѣщице свое, чѣмъ Богъ человека. Вся надежда на него. Придетъ, можешь быть, время, когда завѣса заблужденій спадетъ и насъ проспятъ. — Долго длилось искушеніе любви, но она достигла своей цѣли. Такъ! я уже не одинъ — сирота безпріютный, но имѣю у себя милую спутницу жизни, подругу, друга вѣрнаго, искренняго, безцѣннаго, вѣчнаго — Надину; мы ведемъ жизнь райскую: вдвоемъ и радость прїяните, и горе сноснѣе; мы все дѣлимъ, — гуляемъ, читаемъ, разговариваемъ, шупимъ. Ахъ, другъ мой! другъ! супружество — великое дѣло. Правду сказалъ Соломонъ: „Кто обрѣлъ жену добрую, шопъ обрѣлъ сокровище безцѣнное.“ Я опышомъ повѣрилъ сію истину. Не вини же меня, любезный другъ! ты видѣлъ и видишь мои побужденія и намѣренія; онъ чужды всякой примѣси. Истинная любовь постоянна, вѣрна. Суди обо всемъ безприспращно и люби по прежнему друга и друга швоего друга — Надину!

Андрей Леопольдовъ.

Восточные анекдоты.

Сила музыки.

Послѣ продолжительной, многотрудной и кровопролитной осады Амурашъ IV, Турецкій Императоръ, взявъ приступомъ Багдадъ, повелѣлъ предать все огню и мечу. Тридцать тысячъ Персовъ пали подъ оспріемъ желѣза въ присутствіи побѣдителя. Сей кровавый Государь уже былъ готовъ испребить всѣхъ жителей Багдада, какъ вдругъ ошпановленъ музыкантомъ, которій, падши къ ногамъ Султана, сказалъ: „Великій Государь! не уже ли ты допустишь, чтобы музыка, превосходнѣйшее искусство, сегодня погибла вмѣстѣ со мною, Шахъ - Куліемъ, швоимъ невольникомъ? Спасая мнѣ жизнь, спаси божественное искусство, коего совершенства и красоты поспешенно возрастають.“ Сшоль странная просьба заставила Султана улыбнуться. Обращивъ благосклонные взоры на аршиста, онъ позволилъ ему доказать свое искусство. Шахъ - Кули пошчасъ беретъ шешдаръ, инструменшъ о шести струнахъ, похожій на арфу, и сливая свой голосъ со звуками онаго, воспѣваетъ прагическую судьбу Багдада и поржештво Амураша. Султанъ сперва чувствуетъ смущеніе; пошомъ ярость изображается на лицѣ его: ему кажется, что онъ въ пылу сраженія возбуждаетъ мужество въ своихъ воинахъ и одушевляетъ ихъ къ побѣдѣ. Музыканшъ наспроиваетъ арфу на новый ладъ и жалобными звуками производитъ умиленіе въ душѣ неумолимаго побѣ-

дителя. Высокопородный Султанъ смягчается: слезы льются изъ очей его. Сердце Амурапа, въ первый разъ проникнутое состраданіемъ, раскаивается въ жестокости своей. Опмиравъ данный имъ приказъ, онъ повелѣваетъ прекратить кровопролитіе, и побѣжденный увлекаетъ силою музыки возвращаетъ свободу соотечественникамъ Шаха - Кули, беретъ аршиша съ собою и осыпаетъ его милостями.

П р о щ е н і е.

Амурапъ IV, узнавъ о возмущеніи Абазы, наместника своего въ Арзерумѣ, приказалъ, во что бы то ни стало, привести его въ оковы. Хозру, верховный Визирь, осадивъ городъ, успѣлъ захватить главнаго мятежника. Вопреки своей жестокости, онъ пощадилъ жителя и въ порожествѣ направлялъ путь свой къ Константинополю. Приближаясь къ столицѣ, онъ былъ встрѣченъ толпою народа, привлеченнаго молвою, разнесшеюся объ Абазѣ. Каждый спѣшилъ видѣть сего знаменитаго плѣнника, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ наводившаго ужасъ на Османскую Имперію; самъ Амурапъ, съ неперпнѣемъ желая удовлетворить своему любопытству, въ сопровожденіи молодыхъ людей, почти одинакихъ съ нимъ лѣтъ, выѣхалъ изъ города. Ему представили Абазу, обремененнаго оковами. Султанъ въ безмолвномъ удивленіи устремляетъ на него взоры; попомъ, прервавъ молчаніе, говоритъ: „Прощаю тебя, Абаза! твои подвиги заславляютъ меня забытъ твою измѣну; а чтобы возбудить въ тебѣ раскаяніе, сопровождаемое рѣшишель-

кымъ намѣреніемъ загладишь вину свою, жалую тебя Пашею Боснійскимъ.“ Среди безчисленнаго множества народа раздались радостныя рукоплесканія; всѣ превозносили до небесъ великодушіе юнаго Султана; между тѣмъ Абаза, проспершій у ногъ его, поклялся въ ненарушимой къ нему вѣрности.

Д а р ы П р о в и д ѣ н і я .

Абу - Гашемъ, благочестивый законоучитель Магомешанскій, предпочишая миръ душевный богатству и почестямъ, удалился отъ суеты мірскихъ и вель жизнь самую скудную и спростую. Одинъ изъ его друзей спросилъ у него, какъ и чѣмъ до сихъ поръ могъ онъ продлить бытіе свое? — „Небо и земля“ отвѣчалъ онъ „суть жишницы и сокровищницы Провидѣнія; люди ни въ чемъ не будутъ шерптшь недоспашка, если съ полною довѣренностію станушь черпашъ изъ сихъ источниковъ, неиспощимыхъ въ дарахъ своихъ.“

(Изъ *Mélanges de Littérature orientale.*)

Варвара Побѣдоносцева.

А л ь б о м ъ .

Въ Лондонскихъ гостиныхъ рассказываютъ забавный анекдотъ о поршрешъ Леди Байронъ, кошорый принадлежишь шеперь къ собранію гравированныхъ каршинокъ. Говорятъ, что бѣольшое число подписчиковъ на сію коллекцію пожелало украсишь ее, присоединивъ къ оной поршрешъ

Леди Байронъ, какъ вдовы знаменитаго Автора Чайльдъ - Гарольда. Издашель прибѣгнуль къ самой Леди Байронъ, прося ея согласишься на просьбу его подписчиковъ. Леди Байронъ оскорбилась такимъ предложеніемъ и дала рѣшишельный отказъ издашелю. Онъ возобновлялъ свою просьбу, но Леди Байронъ отвѣчала, что она не хочеть и слышать объ эпомъ дѣлѣ. Издапель, оскорбясь въ свою очередь, рѣшился побѣдидь ея настойчивость; онъ препоручилъ одному искусному живописцу употребидь всѣ спаранія, чтобъ достать поршреть Леди Байронъ. Живописецъ прибѣгнуль къ хипросши, которая обыкновенно увѣнчивается успѣхомъ: нарисоваль эскиссъ весьма сходный, но въ дурнѣ. Кпо-то показаль эпомъ эскиссъ Леди Байронъ. Легко себѣ предспавидь гнѣвъ ея, когда она увидѣла себя съ маленькими, дурными глазами, съ нескладнымъ носомъ, и съ неприяшнымъ ршомъ. Какая хорошенькая женщина согласишься прослышь въ попомспвѣ дурною? сверхъ того Леди Байронъ не хотѣла заспавидь думашь, что мужъ ея не имѣль вкуса. Она разорвала эскиссъ и дозволила снять съ себя поршреть.

С Т И Х О Т В О Р Е Н І Я.

Льву Николаевичу Верещагину.

Умѣть людей хранить есть даръ души швоей;
 А ты останешься всегда въ душѣ моей.
 Не слишкомъ надѣлень ты щастія дарами;
 Но ты богаты — собой и добрыми дѣлами.

Мегтатель.

Сестръ на новоселье.

Зачѣмъ смущаешь ты себя
 Тоскою въ жизни скоротечной?
 Зачѣмъ грустишь, мое дитя,
 Въ дни юности твоей безпечной?
 Зачѣмъ, мой несравненной другъ,
 Слезидь свои живые глазки?
 Зачѣмъ бѣжишь забавъ, подругъ
 И брата непритворной ласки?
 Для всѣхъ насъ юности пора
 Проходишь въ радостномъ веселии;
 А ты грустишь на новосельи,
 Мой милый другъ, моя сестра!
 Печали прочь! Конецъ сомнѣнья!
 Все къ лучшему устройшь Богъ,
 И всѣмъ житейскимъ огорченьямъ
 Вѣдь подведѣтся же ипогъ!

Н. Пасхаловъ.

5 Ноября 1832.

Москва.

З е ф и р ь.

Легонько я порхаю;
 То вьюсь надъ ручейкомъ,
 То по лугамъ гуляю,
 То вмѣстѣ съ мошылкомъ,
 Кружуся надъ цвѣтами.
 За быспрыми орлами
 Не мчуся къ облакамъ;
 Я ближе къ соловьямъ.
 Люблю между кустами
 Пріюмы находить.
 Я дружень съ небесами;
 При мнѣ лазурь блеститъ.
 Пускай борей бушуешь,
 И глубину морей

То пѣнишь, по волнуешь;
 Радъ долѣя своей,
 Наступяшь непогоды,
 На отдыхъ полечу.
 Весенній сынъ природы,
 Съ ней жизнь вновь получу.

Мечтатель.

Къ И. А. Р. . . . у.

Я виновать. . . и болѣе ни слова!
 Я васъ считалъ соперникомъ своимъ!
 Я виновать. . . и ваша дружба снова
 Меня влечетъ къ мечпаніямъ былымъ! . . .
 Я понялъ все теперь. — Но кто не ошибался?
 Кто не былъ жершвою заманчивыхъ сѣтей!
 И кто изъ насъ въ сей жизни не скишался
 По вольной прихоти волнующихъ морей?
 Одна любовь была моимъ кормиломъ,
 А кормчимъ самъ невѣрный Купидонъ!
 Теперь покинуть я на островѣ уныломъ
 И свѣтлыхъ дней моихъ затмился небосклонъ.
 Увижу-ль снова я завѣтную обитель?
 Прижмусь ли вновь когда къ пылающимъ устамъ?
 Или навѣкъ мой демонъ искуситель
 Меня предастъ нависнувшимъ скаламъ? . . .
 Но я горжусь ниспосланной мнѣ дружбой:
 Я въ васъ нашель, чего давно искалъ. . . .
 Среди пустыни сей и горестной, и чуждой
 Не щещно я судьбу мольбой обременялъ!

Сергій Хитрово (*).

С. - Петербургъ.

1832 года.

(*) Просимъ любезнаго Поэта извинить опечашку послѣдней буквы въ имени его подъ стихами, напечатанными въ 45 Но Дамскаго Журнала. *Изд.*

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ.

Письмо изъ Вятки.

ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ, вникая въ составъ народнаго благосостоянія, желая упрочить и возвысить щастіе СВОИХЪ подданныхъ, повсюду въ пространнымъ Царствѣ СВОЕМЪ разсыпаетъ и милость, и радость. Основанныя ИМЪ училища для дѣшей канцелярскихъ служителей есть плодъ мудраго благодѣянія. Въ нихъ возрастаетъ будущая красота Гражданскаго порядка; отсюда распространится и чистѣйшее правосудіе, и вѣрнѣйшее исполненіе законовъ.

Въ то время, когда въ сихъ училищахъ приготавливаются плоды для будущаго, — въ настоящее бѣдность и сиротство находятъ себѣ опору и воспитаніе. Проникнувшій справедливымъ уваженіемъ къ цѣли сихъ заведеній, я позволяю себѣ сказать нѣсколько словъ о годичномъ экзаменѣ, бывшемъ 18го Августа 1832 года въ Вятскомъ училищѣ дѣшей канцелярскихъ служителей.

Училище имѣетъ свой собственный каменный домъ, расположенный прилично назначенію его. По случаю экзамена, обширная зала была украшена съ особеннымъ раченіемъ. Портреты Императоровъ Петра I и НИКОЛАЯ I и Его Высочества, Наслѣдника Престола, Цесаревича АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА, были увѣшаны цвѣточными гирландами. Передъ изображеніемъ Державнаго Благодѣтеля и Основателя лежалъ на парчевой подушкѣ училищный Уставъ.

Въ 4 часа пополудни прибылъ въ училище Его Превосходительство, Господинъ Вятскій Гражданскій Губернаторъ Е. Е. Ренкевичъ, и

Его Преосвященство Іоаникій, Епископъ Вятскій и Слободскій, котораго у самаго подъѣзда встрѣпили воспитанники и предшествовали ему съ пѣніемъ: *Царю Небесный*. По занятіи Его Преосвященствомъ, Его Превосходительствомъ, Членами училищнаго Попечительнаго Совѣта и всѣми посѣщителями мѣстъ, дѣши пропѣли молишву: *днесь благодать Святаго духа насъ собра*. Экзамень начался привѣщшвенною рѣчью, произнесенною однимъ изъ учащихся.

Сія рѣчь, при обращеніи къ посѣщителямъ, содержала въ себѣ и благодарное воспоминаніе о бывшемъ Вятскомъ Преосвященномъ Кириллѣ, коего вниманіе и заботливость о дѣпяхъ поиспинѣ досшойна любви усерднѣйшей.

Привязанность къ нему дѣшей при семь случаѣ изобразилась поржешвенно: съ первымъ словомъ о немъ у юноши-оратора полились слезы, и до самаго окончанія онъ не плакалъ — а рыдалъ. Разипельность дѣпской любви сильно подѣйшвовала на многихъ изъ посѣщителей и извлекла слезы. Какъ прогашельно произнесъ воспитанникъ слѣдующія слова: „Благословеніе незабвеннаго Архипасшыря Кирилла, изліянное на насъ при самомъ началѣ нашего ученія, одушевило юныя сердца наши на шрудъ рачительности и послушанія. Но гдѣ же благословившій насъ?“

Здѣсь юноша остановился, и, кажется, ожидалъ привѣщшвеннаго голоса отъ любимаго Архипасшыря; но его нѣпъ — и онъ съ новыми слезами докончилъ: „Далече, — на новой пажыши шрудовъ и сѣянія.“ Началось испышаніе. Изъ почныхъ и удовлешворительныхъ ошвѣшовъ посѣщители-

ли съ удовольствіемъ замѣтили опличное преподаваніе и спарашельность Г - дѣ учащихъ. Крапкое и спройное изложеніе каждаго предмета , пройденнаго въ годѣ , было и занимашельно , и удовлешворишельно. Болѣе двухъ часовъ продолжался экзамень — и сіе время прошекло непримѣпно. Замѣчашелень былъ произнесенный дзума воспишанниками разговоръ о пользѣ канцелярскихъ училищъ , въ коемъ изображалась живѣйшая благодарность МОНАРХУ - Опцу , даровавшему возрожденіе сиропамъ безпріюшнымъ , и великою мыслию устройства канцелярскихъ училищъ воздвигнувшему СЕБѢ незыблемый , безсмершный памятникъ въ сердцѣ СВОИХЪ подданныхъ и на скрыжаляхъ исполненія ЕГО законовъ. Наконецъ , послѣ награжденія опличныхъ учениковъ книгами и похвальными листами , испышаніе заключено благодаршвенною рѣчью. Пошомъ Преосвященный опправился домой , бывъ сопровождаемъ до подъѣзда воспишанниками съ пѣніемъ : *Достойно есть* , и проч ; а вслѣдъ за нимъ опбыль и Его Превосходительство , Господинъ Вяшскій Гражданскій Губернашоръ.

Такимъ образомъ происходилъ экзамень въ Вяшскомъ училищѣ дѣшей канцелярскихъ служишелей. Успѣхи воспишанниковъ , ревность учащихъ , попечишельность непосредшвеннаго Начальштва , во всемъ порядокъ и чистопша — безъ сомнѣнія досшавили посѣшшителямъ ишшинное удовольствіе , и сильно одушевили всѣ сердца благодарноштію къ милосердому Основашелю сего заведенія.

Ал. Емичесь.

П а р и ж с к і я м о д ы .

Совокупность туалета. — Платье кисейное изъ голубаго шелка съ зашканными цвѣточками изъ бѣлаго шелка; лифъ, собранный на груди и прихваченный посрединѣ жемчужнымъ аграфомъ, брилліянтами осыпаннымъ; поясъ бѣлый атласный броше, безъ пряжки и безъ банта; рукава короткіе, очень пышные и немного ниспадающіе; плеча обнажены; ожерелье изъ прехъ нипокъ жемчуга, не очень крупнаго, съ брилліяншевою застежкою; тюрбанъ изъ серебрянаго газа, котораго ниспадающіе концы на одну сторону обшиты брилліяншевою бахромкою (*effilé de diamans*).

— Платье бархатное зеленое (*vert - bourgeon*); лифъ собранный, изъ-подъ него выходитъ вокругъ груди блондовая шемизетка *à la vierge*, съ чешуйчатыми узорами въ краяхъ, вмѣсто рюша; семь или восемь нипокъ жемчуга, составляющихъ ожерелье (*collier de chien*); прическа *à la Sevigné* съ большими буклями, идущими къ ушамъ и низко упадающими на щеки; жемчужная перевязка (*bandeau*) съ аншикомъ на срединѣ; серги жемчужныя въ видѣ жирандоли.

— Платье бѣлое кашемировое съ вышитыми цвѣшнымъ шелкомъ пальмама; лифъ *à la vierge*, обшитый узенькою весьма темною кашемировою каймою; рукава длинныя; эмальная цѣпочка, составленная изъ квадрапцовъ и осыпанная жемчугомъ; шляпка изъ бархата, называемая *dahlia*, маленькая, круглая и немного приподнятая, съ однимъ большимъ бѣлымъ перомъ.

И з ъ я с н е н і е к а р т и н к и п р и с е м ь N o .

Шляпка атласная, подбитая бархатомъ. Платье изъ вышитаго гродорьяна.

П Е Ч А Т А Т Ъ Д О З В О Л Я Е Т С Я ,

съ цѣмъ чтобы, по оппечатаніи, были представлены въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра. Москва. Ноября 19 го дня, 1852 г.

Ценсоръ Николай Лазаревъ.

ДАМСКІЙ ЖУРНАЛЬ.

Л И Т Т Е Р А Т У Р А .

П Р О З А .

Достопримѣчателный слугай.

Девятнадцатаго минувшаго Августа Его Императорское Высочество, Государь Великій Князь МИХАИЛЬ ПАВЛОВИЧЬ, прїѣзжалъ въ Московскій Кадетскій Корпусъ съ извѣстнымъ Англійскимъ путешественникомъ-аспрономомъ, Сиромъ Джемсомъ Соушомъ, который осмопрѣвши Корпусъ во всѣхъ подробностяхъ, въ изъясненіе своей благодарности за удовольствіе видѣшь одно изъ превосходнѣйшихъ воспитательныхъ заведеній въ Россіи подъ Высокимъ Начальствомъ Его Императорскаго Высочества, просилъ Великаго Князя о дозволеніи подарить на память о себѣ первому ученику Математическихъ Наукъ зрительную трубу съ собствен-

ной обсерваторіи, находящейся въ Кенсингтонѣ. По соизволеніи на шо опъ Его Императорскаго Высочества, сей ободрительный подарокъ полученъ юнымъ Кадепомъ П. А. Алексѣевымъ, какъ первымъ ученикомъ Машематическиххъ Наукъ.

Споль достопримѣчательный случай безъ сомнѣнія послужилъ къ новому соревнованію для всѣхъ Кадеповъ, о которыхъ Государь Великій Князь МИХАИЛЬ ПАВЛОВИЧЬ имѣеть примѣрное, неусыпное опеческое попеченіе.

И Р М Л.

П о в ѣ с т ь .

Сирковъ, храбрый солдатъ въ войскахъ Фридерика Великаго, опличался неуспрашимостию, соединенною съ примѣрнымъ великодушіемъ, и умѣлъ снискасть благосклонность начальниковъ, дружбу и уваженіе поварищей. Въ сраженіи онъ лишился руки и ноги; его здоровье понемногу распроивалось, и онъ принужденъ былъ выдши въ опспавку; за долговременную службу опредѣленъ смотрителемъ при Королевскомъ замкѣ, находившемся подъ главнымъ управленіемъ Барона Рудмана, жившаго довольно уединенно, съ небольшою прислугою, изъ кошорой, одинъ, по имени Бишонъ, пользовался его неограниченною довѣренностию.

Сирковъ, желая подъ старость успокоить себя, женился на пятидесятомъ году; но не долго наслаждался благополучіемъ — имѣеть

подругу добрую и нѣжную: сильная простуда прекратила жизнь матери, оставившей въ залогъ любви своей юную Ирму. Она достигала пятнадцатой весны своего возраста въ то время, съ котораго мы начинаемъ описывать жизнь почтеннаго Ингалида.

Ирма была хороша собою: имѣла большой ростъ; чрезвычайная ловкость въ обращеніи довершала красоту. Къ пріятной наружности Ирма присоединяла и душевныя качества: природный умъ, скромность и неограниченную привязанность къ отцу своему — вотъ достоинства, которыми надѣлила ее природа! — Деньги, выручаемыя трудами рукъ своихъ, нѣжная дочь употребляла единственно для родителя; свободные часы посвящала чтенію полезныхъ книгъ, имѣла большую охоту къ письму, чрезъ что образовала свои природныя понятія; была рѣшительнаго характера, не нарушая правилъ своего пола. Отецъ услаждалъ единообразную жизнь свою, рассказывая часто о походахъ, о побѣдахъ Прусскаго войска; живо представлялъ опасности, которыми онъ нѣредко подвергался во время службы, и шѣмъ внушилъ дочери собственную неустранимость, вмѣстѣ съ сердечной привязанностію къ мудрому Монарху, виновнику его славы. — Ирма называла своего отца вѣтераномъ Фридерика Великаго, и гордилась именемъ дочери опслужившаго героя.

Барону Рудманъ не нравилось особенное почтеніе, которое служители замка оказывали престарѣлому инвалиду, и, подъ разными предлогами, Баронъ старался удалить Сиркова отъ должностей смотрителя, имѣя въ виду помѣстившій

своего любимца. — Какой ударъ для бѣднаго семейства, когда дошли слухи, что Бишону вѣрно вспушишь въ полное распоряженіе замкомъ, и немедленно заняшь кварширу своего предмѣстника!

„Чѣмъ могли мы прогнѣвить тебя, Баронъ?“ вскричала Ирма, заливаясь слезами: „за что лишаешь насъ послѣдняго пропитанія?“ Не огорчайся, моя милая! — прервалъ отецъ — уповай на Бога: рано или поздно крепость получишь должную награду, и правосудіе Короля не допуститъ умереть съ голоду израненаго воина при защитѣ отечества. — Все уже было готово къ отъѣзду въ Потсдамъ (мѣсто пребыванія Фридерика Великаго). Дорогою бѣдный Сирковъ не могъ равнодушно вспомнить о замкѣ, гдѣ надѣялся провести остатокъ дней своихъ, и говорилъ: „Я былъ тогда покоенъ; единственная молитва моя ко Всемогущему была — да продлитъ Онъ жизнь мою, для меня столь драгоценную! Что мы теперь будемъ дѣлать? Все наше имущество состоитъ въ недорогихъ вещахъ; продавши оныя, не уже ли изнуренный сраженіями воинъ долженъ будетъ просить милосердія, повсюду каждому: „подайте на пропитаніе бѣдному солдату, лишившемуся руки и ноги, сражаясь со врагами отечества?“ Онъ хотѣлъ продолжать, но не могъ — слезы прервали рѣчь... „Нѣтъ, нѣтъ!“ воскликнула чувствительная Ирма, упирая слезы отца: „этого никогда не можешь быть! Король, узнавши о несправедливомъ поступкѣ, вѣрно не оставитъ безъ вниманія вашей горести. Возможно ли, чтобы великій полководецъ забылъ храбрость своихъ воиновъ? Нѣтъ! никогда вешеранъ Фридери-

ка Великаго не будетеъ получать дневное пропитаніе подаваніемъ опъ проходящихъ.“

Пріѣхавши въ Попсдамъ, Ирма хотѣла пошчасъ изложитъ на бумагѣ свою жалобу и подасть Его Величеству. „Что ты дѣлаешь, мой другъ?“ спросилъ Сирковъ, видя ее въ большихъ хлопотахъ. Сбираюсь писать просьбу къ Фридеригу — простодушно отвѣчаетъ дочь. „Къ Фридеригу Великому? не уже ли ты думаешь, что къ Королю можно просто писать, какъ пишущся письма?“ — Мудрый Государь желаетъ, чтобы подданные ничего не скрывали отъ него, и чѣмъ простѣе и опкровеннѣе объясню Его Величеству горестное наше положеніе, тѣмъ удобнѣе могу обратишь на себя его вниманіе. — „Подумай о нашемъ званіи!“ прервалъ отецъ: „значимъ ли мы чтонибудь въ свѣтѣ?“ — Нѣтъ, любезный бапюшка! Король приметъ живое участіе въ судьбѣ двухъ несчастныхъ, копорыхъ единственная защита — его правосудіе! Вы часто сами рассказывали мнѣ, что онъ знаетъ всѣхъ храбрыхъ солдатъ своего войска; навѣрно припомнишь и васъ и милосливо приметъ просьбу. — „Оспавимъ это до слѣдующаго утра, любезная дочь! Послѣ продолжительной дороги тебѣ нуженъ покой; ты ни на минушу не имѣла опдыха: заботилась успокоить мою старость.“ — Мнѣ опдыхъ! нѣтъ! нѣтъ! . . . Вниманіе Короля къ вашимъ жалобамъ, бапюшка, вопъ мое утѣшеніе и спокойствіе, послѣ копорыхъ все величіе большаго свѣта для меня ничто! — Изнуренный Сирковъ скоро заснулъ; но Ирма ни на минушу не могла сомкнуть глазъ: горячая любовь къ опцу волновала ее сердце; она рѣшилась продолжать просьбу.

„Великій Государь!

„Преспарѣлый воинъ, лишившійся руки и ноги при защитѣ Отечества, падаешь къ стопамъ Вашего Величества, испрашивая Монаршаго воззрѣнія на свое горестное положеніе. Я былъ опредѣленъ смопршелемъ при Королевскомъ замкѣ; начальникъ удалилъ меня отъ онаго, нарушивъ правосудіе. — Всемилоспившій Государь! въ награду придцаши пшши - лшпней службы удостойте болзненнаго инвалида предспаъ къ Вашему Величеству, чшобы подробно объяснить шо горестное сосшояніе, въ кошоромъ неумолимая судьба опредѣлила мнѣ влачить дни свои; милоспивое воззрѣніе Великаго изъ Государей прольешь жизненный бальзамъ на раны мои!“

Съ какимъ удовольспвіемъ Ирма перечшшывала сіи спроки; она мечшала уже о наградѣ, и, въ продолженіе всей ночи, не могла заснуть отъ удовольспвія. „Король вѣрно будетъ пронуншъ искренноспію и просшшою“ — разсуждала сама съ собою.

Въ слѣдующее ушро инвалидъ съ дочерью присоединились къ толпѣ зршшелей, ожидавшихъ Короля на разводѣ. „Скоро ли будетъ Его Величество?“ безпрешанно спрашивала Ирма у спшоявшихъ вокругъ нея; когда же услышала барабанный бой, знакъ прибытія Короля, шо взяла за руку опца, чшобы вмѣстѣ подашь просьбу; но Сирковъ удержалъ дочь, говоря: „Его Величество, послѣ парада, проѣдетъ мимо насъ; шогда я паду предъ нимъ на колѣна и самъ подамъ бумагу.“ Едва инвалидъ окончилъ сіи слова, какъ Ирма увидѣла, чшо толпа народа бросилась къ большой свшпѣ военныхъ. Король, замѣшвшш стараго инвалида, въ гвардейскомъ мундирѣ,

остановился. Бѣдный Сирковъ такъ оробѣлъ, что ни слова не могъ выговорить. „Что тебѣ надобно?“ спросилъ Фридерикъ, видя его замѣшательство. Умоляю о правосудіи Вашего Величества — отвѣчаетъ воинъ, подавая бумагу. Король, узнавши имя просителя, сказалъ ему съ неудовольствіемъ, что онъ совсѣмъ перемѣнился съ тѣхъ поръ, какъ получилъ опсставку. „Нешрезвое поведеніе и даже пренебреженіе къ должности лишаютъ тебя права на мое сожалѣніе,“ присовокупилъ Государь, возвращая бумагу. Ваше Величество! — вскричала дочь — умилосердись! . . . чѣмъ отецъ мой заслужилъ гнѣвъ? . . . — Рыданія прерывали ея голосъ.

Возвратившись домой, Ирма спаралась разсѣять горестныя мысли отца: безпрестанно ласкала его, рассказывала утѣшительныя примѣры, кошорые доказывали, что не надобно опчаяваться, а безпрестанно уповать на Бога; представляла разительныя картины того, что пушь къ истинному щасію устьянъ терпѣемъ, и что желающій войпи въ приснанъ спокойствія долженъ встрѣчатъ опасности, боросья съ самой природою, и на каждомъ шагу мужественно вооружаться терпѣніемъ. Сирковъ слушалъ со сниманіемъ, ничего не отвѣчалъ, и спарался казаться покойнымъ; но необыкновенная блѣдность лица и пошупленные взоры выражали душевное спрданіе. Будучи сильно пронуть нѣжными ласками дочери, онъ заплакалъ. „Милая Ирма!“ рыдая говорилъ онъ: „можешь ли что утѣшить меня послѣ того, какъ я получилъ опказъ Короля! Боже мой! чѣмъ заслужилъ я такой позоръ! — Си слова раздирали сердце примѣрной дочери; она говорила: „Король будучи такъ добръ, вѣрно

не захопѣлъ бы нанести вамъ обиды: васъ оклеветали предъ Его Величествомъ; я всѣми силами буду стараться доказать Фридерiku, что вы несправедливо удалены изъ замка; строгое поведеніе и ревностное исполненіе службы — вопъ чершы, копорыми вы опличались всегда въ должности смопришеля.“ — Берегись, мой другъ, излишнимъ попеченіемъ увеличипь мое нещасіе! — „Увеличипь ваше нещасіе!“ съ жаромъ прервала дѣвушка: „нѣпъ! можетъ ли кто употребипь во зло старанія дочери, ищущей опцу своему правосудія предъ прономъ мудраго Монарха! Чего бы мнѣ ни споило, даже самой жизни, но вы будете оправданы передъ Его Величествомъ. Если бы смерть сей часъ предспада мнѣ съ распроспершыми объясніями, по объ одномъ бы только умоляла ее: дашь время успроипь ваше щасіе и попомъ. . . .“

Ирма ежедневно находилась при разводѣ, становилась шамъ, гдѣ всегда проѣзжалъ Король, и выжидала удобнаго случая для объясненія несправедливости пропивъ опца ея. Нѣсколькo дней прошло безъ успѣха. Ирма начинала опчаяваться; но все продолжала ходипь къ мѣспу парада. Король, проѣзжая шамъ по обыкновенію, замѣшилъ наконецъ, что молодая и пріятной наружности дѣвушка ежедневно бываетъ при разводѣ на одномъ и помъ же мѣспѣ. „Вѣрно,“ думалъ Король „имѣеть какую нибудь сердечную нужду, и поровнявшись съ Ирмою, спросилъ: „Не хопите ли о чемъ нибудь просипь меня? Что вамъ надобно? объяснипесь подробно.“ Испрашиваю всемилоспивѣйшаго правосудія опцу своему — смѣло опвѣчаешь Ирма. „А! помню,“ прервалъ Король „вы дочь шого спараго ивалида, копорый удалень опъ должности смопришеля

зámка.“ — Такъ, Ваше Величество! я дочь того инвалида, который храбро защищая отечество, лишился руки и ноги; престарѣлый отецъ мой — продолжала она — ежеминутно умоляетъ смерть прекратитъ дни его съ тѣхъ поръ, какъ онъ имѣлъ несчастіе подвергнуться гнѣву Вашего Величества. — „Если отецъ вашъ почтенно шаковъ, какимъ вы представляете его, и если онъ не виноватъ, то я успокою его спаросить,“ сказалъ Король, и обратившись къ Пажу, велѣлъ узнать, гдѣ живетъ молодая дѣвушка.

Ирма немедленно побѣжала домой разсказать отцу, что наконецъ она удостоилась милосиваго вниманія отъ Короля. — Нѣсколько дней прошло, какъ Сирковъ не получалъ никакого извѣстія; бѣдная дочь колебалась въ мысляхъ о милосердіи Фридерика. „Вѣрно,“ думала она „Король забылъ просьбу мою. . . . Нѣтъ! добрый Монархъ не забываетъ о своихъ подданныхъ.“ И въ одинъ день, когда Ирма спокойно сидѣла за работою, чтобы на вырученныя деньги достать дневное пропитаніе отцу, Пажъ вошелъ въ ихъ скромное жилище, съ повелѣніемъ — явиться немедленно къ Фридерiku. Ирма не помнила себя отъ радости; слезы сердечной признательности лились изъ глазъ ея.

„Пойдемте за мною,“ сказалъ Ирмѣ и отцу ея посланный, видя замѣшательства невинной дѣвушки. Какая умишительная радость сіяла на лицѣ инвалида и дочери! съ какою нѣжностію смошрѣла Ирма на своего почтеннаго родителя!

Они вошли во дворець; множество военныхъ ожидало появленія Короля. Фридерикъ скоро вышелъ, и отдавши разныя повелѣнія, обратился

къ несчастнымъ. Ирма хошля упасшь ему въ ноги, но Король удержаль и велль ей подробно разсказашь о своемъ положеніи.

„Ваше Величество!“ отвѣчаеть дѣвушка: „опецъ мой несправедливо удалень опъ должности, которую получилъ опъ Вашего Величества въ награду шридцашипяшилъшной службы.“

Король. Я знаю, что Сирковъ всегда былъ храбрый солдатъ моего войска; но съ пѣхъ поръ, какъ онъ вышелъ въ опспавку, лѣность и нешрезвое поведеніе содѣлали его неспособнымъ къ опсправленію какой-либо должности.

„Ахъ, Государь!“ продолжала дочь, пронущая до слезъ: „не вѣрьте клеветъ: она выдуманна для шого, чшобы помѣшшишь другаго.... Осмѣлилась ли бы я безпокоишь Ваше Величество своею просьбою, если бы не знала хорошо опца - друга. Великій Монархъ!“ продолжала она, бросаась на колѣна: „добродѣтели моего родителя супъ моя слава, мое богатштво въ здѣшнемъ мѣрѣ! Не лишайте меня единшвеннаго моего сокровища; вшоричный опказъ вашъ нанесешъ сильный ударъ пресшарѣлому воину, и я должна буду влачишь дни свои, ни въ чемъ не находя упшшенія, и одинъ милосердый Спаситель облегчитъ мою скорбь, переселивши меня въ мѣспо вѣчнаго покоя.“

Нѣжная любовь къ опцу чрезвычайно пронущала Короля и всѣхъ предстоящихъ. Фридерикъ, обращаясь къ инвалиду, спросилъ: „Правда ли, что ты не можешъ винишь себя въ неисполненіи возложенной на тебя должности?“ — Правда, Ваше Величество! клянусь въ помъ честію и наградою — сказаль онъ, показывая на свою

грудь, увѣшанную знаками опличія. „Хорошо, вижу, что ты не виновата; я только хотѣлъ испытать тебя; дорожки сокровищемъ, которое ты имѣешь въ Ирмѣ.“ Король удалился. Сирковъ и Ирма неподвижно стояли, изумленные неожиданнымъ благополучіемъ. — Всѣ находившіеся въ залѣ окружили ихъ, превознося рѣдкую привязанность дочери къ отцу, и въ то же время удивлялись необыкновенной красотѣ ея. Слезы радости и умиленія лились изъ глазъ инвалида; съ какимъ воспоргомъ прижималъ онъ Ирму къ своему родительскому сердцу!

Молодой Пажъ проводилъ ихъ до кварширы; на другой день Король прислалъ Сиркову пенсию на ежегодную пенсію шрехъ сошъ палеровъ.

Мать Альфонса (имя Пажа), пронувшая разсказомъ сына о добродѣтеляхъ инвалида и примѣрной привязанности дочери, пріѣхала навѣстить Ирму, которая вскорѣ снискала ея дружбу. Въ послѣдствіи времени сія почтенная женщина устроила судьбу дѣвушки выгоднымъ замужествомъ.

Сирковъ, благодаря Всевышняго за изліяныя на него милости, и прославляя имя Великаго Монарха, спокойно перешелъ въ вѣчность.

Пламенная любовь Ирмы къ бѣдному родителю стала такъ извѣстна, что, для означенія добродѣтельной и нѣжной дочери, говорили: она любитъ отца своего, какъ дочь Фредерикова Вешерана.

(Съ Французскаго.) Татьяна Верекина.

Москва.

А л ь б о м ъ.

Чего со временемъ не узнаешь? *Иволга* говоритъ, что *Жуковский* былъ ея „нововводишель и покровишель.“ Кто въ эпюмъ усомнился, или кому это покажется страннымъ, тѣхъ приглашаемъ кинуть взоръ на прекрасную *Шарду* въ 85 номеръ Липшерашурныхъ Прибавленій къ Рускому Инвалиду на 1832 годъ, и взглянуть на ея *отгадочное* слово въ слѣдующемъ номерѣ.

Но сія хвасунья ппичка за покровишельство Жуковскимъ оказываея неблагодарною; ибо пошчасъ же забываея его въ продолженіе рѣчи своей. . . . Повшоряемъ: неблагодарная ппичка! а еще сказано о шебѣ, что ты „почпи какъ попугай!“ Но чего же добраго и ожидашь опъ *попугаевъ*? . . .

Что сказалъ бы *Умищевъ*, начипавши въ сихъ же листкахъ слѣдующее: „Это были скаковыя лошади съ завода *Генерала* Коломенскаго и Камергера, *коихъ*, по предварипельному соглашенію, велѣли они“ (?) „привести въ деревню своего родшвенника *Умищега*, спрашнаго охощника“ (?) „и конскаго заводчика? Всѣ бросились *имѣ* на встрѣчу: разсмаприваешь спаши, гладили по мордѣ. . . .?“ Да какъ же и не бросишься? какъ не разсмаприваешь шакого рѣдкаго явленія? . . . .

ИЗВѢСТІЯ.

1.

Плутархъ для дѣтей.

Подъ симъ названіемъ, безъ сомнѣнія заманчивымъ для дѣшей, получающихъ хорошее воспитаніе, издана весьма остроумно изобрѣшенная игра, похожая на *лото* и привлекательная наружнымъ видомъ своимъ. Она составлена изъ Древней, Средней и Новой всеобщей Истории, и можетъ принести шу пользу дѣшьямъ, что они въ полномъ веселіи легко зашвердѣшья имена историческихъ лицъ, спраны ихъ подвиговъ и время существованія, тогда какъ обыкновенныя игрушки, забавляя дѣшей, отвлекаютъ отъ ученія, раждаютъ лѣность и проч.

Сія игра поднесена Государынѣ Великой Княгинѣ ЕЛЕНѢ ПАВЛОВНѢ для Великихъ Княженъ. Изобрѣшатель удостоился получить отъ Ея Императорскаго Высочества лестное благоволеніе.

Плутархъ для дѣтей продается въ Университетской книжной лавкѣ у А. С. Ширяева.

2.

Подарокъ роднымъ.

Подъ сею пріятною надписью вышла недавно изъ превосходной Московской литографіи г-на Линдропа чрезвычайно красивая шестрадьнопшъ, изданныхъ нашимъ Орѣеємъ - Алябьевымъ и содержащихъ въ себѣ слѣдующія пѣсни:

1. *Ахъ! когда бѣ я прежде знала* — И. И. Дмишрѣева. 2. *Солома*. 3. *Сашѣ* — А. С. Пушкина. 4. *Пѣснь несчастнаго*. 5. *Что съ тобою, Ангелъ, стало?* — И. И. Дмишрѣева.

Продается въ музыкальномъ магазинѣ Лейнгольда по 6 р. за шестрадь.

П а р и ж с к і я м о д ы .

Совокупность туалета. — Дульетъ изъ обьяри цвѣта, называемаго *dahlia*, обшитый спереди и внизу бархатнымъ *bie* того же цвѣта, въ двѣ ладони шириною снизу, и въ одну на полахъ; вверху сего бархатнаго *bie* находится руло изъ собольяго мѣха; бархатная пелерина отдѣлана такимъ же образомъ съ маленькимъ мѣховымъ отложнымъ воротничкомъ; внизу рукавовъ бархатная отдѣлка, также обшитая мѣхомъ; шляпка - капоть бѣлая атласная съ однимъ бѣлымъ перомъ: вошь прекрасный костюмъ для прогулокъ.

— Плащъ, называемый *Buridan*, съ широками рукавами, перехваченный поясомъ, съ большимъ воротникомъ, весьма идетъ къ упреннымъ туалетамъ. Лучшіе плащи въ семь родѣ мы видѣли гранатнаго цвѣта. Сіи плащи надѣваются сверхъ плащя съ высокимъ ворошомъ, атласнаго или обьяринаго; при семь нарядѣ бархатная шляпка - капоть съ блондовымъ вуалемъ.

Изъясненіе картинки при семь No.

Беретъ атласный. Плащье изъ Бриссельскаго кружева.

П Е Ч А Т А Т Ъ Д О З В О Л Я Е Т С Я ,

съ шѣмъ чшобы, по оппечашавін, были представлены въ Ценсурный Коммисснш при экземплярѣ. Москва. Ноября 26го дня, 1832 г.

Ценсоръ Николай Лазаревъ.

1832.

Парижская Мода.

№ 49.

Дамский Журналъ.

ДАМСКІЙ ЖУРНАЛЬ.

Л И Т Т Е Р А Т У Р А .

П Р О З А .

Маттео Фальконе.

(КОРСИКАНСКІЕ ПРАВЫ.)

При выходѣ изъ Поршо - Веккіо по направленію во внутренность острова, видна земля, быспро воздымающая свою поверхность и послѣ трехъ-часоваго пуши по извилистымъ тропинкамъ, заваленнымъ огромными обломками камней, а въ иномъ мѣстѣ пересѣкаемымъ рыпвинами, доспигаешь границы обширнаго *Макиса*: здѣсь опечество Корсиканскихъ пастуховъ и убѣжище всѣхъ противниковъ правосудія. Надобно замѣшишь, что Корсиканскій земледѣлецъ, во избѣжаніе лишняго труда удобривашъ свое поле, разкладываешъ огонь на извѣстное пространство; тѣмъ хуже, если пла-

мя распространится далѣе, нежели сколько потребно для его дѣйствія; но не смотря на послѣдствія, всякой напередъ ручается за обильную жатву, заѣвая землю, оплодотворенную древеснымъ пепломъ. Собравши колосья, оставляють солому на мѣстѣ (вѣроятно по лѣности) и корни, оставшіеся въ землѣ, не теряя распахивательной силы, пробиваются на слѣдующую весну густыми клоками, которые въ нѣсколько лѣтъ поднимаются на семь или на восемь футовъ вышиною.

Набросанный въ такомъ безпорядкѣ валежникъ и называется у нихъ *Макисомъ*. Различнаго рода деревья и кустарники, составляющіе оный, раскинуты и перемѣшаны по волѣ Создателя все видимое. Иначе, какъ съ порокомъ въ рукѣ, человекъ можетъ очистишь для себя дорогу въ оный; густота и непроницаемость нѣкоторыхъ изъ нихъ такъ велика, что даже и дикіе бараны не могутъ входить въ чащу оныхъ.

Если вы убили человека, — подише въ Порто-Веккійской *Макисъ*: тамъ вы будете безопасны съ хорошимъ ружьемъ, съ порохомъ и пулями; не забудьте взять попомнѣ цвѣтомъ плащъ съ кашономъ, служащій и покрываломъ, и подстилку. Паспухи будутъ снабжать васъ молокомъ и сыромъ; вы будете совершенно безопасны со стороны правосудія и свободны отъ преслѣдованій родственниками умершаго, исключая развѣ случаи, когда вамъ должно будетъ самимъ явиться въ городъ для доспавленія себѣ новыхъ запасовъ.

Во время пребыванія моего въ Корсикѣ 18 — г. у Машео Фальконе былъ свой домъ за полмили отъ сего *Макиса*. Судя по богатству

шой страны, это был человек, довольно зажиточный, живший на благородной ноге в совершенном бездействии, пользуясь доходами от спады, которых пасухи, живущие кочевьем, пасли на горах. При свидании моем с ним, спустя два года, после происшествия, которое расскажу я вам, ему было лишь, по видимому, за пятьдесят от рода.

Вообразите себе мужчину небольшого роста, но сильного, у которого на голове были кудрявые волосы, черные как смола, орлиный нос, сжатые губы, большие глаза, полные огня и жизни, и цвет лица желтоватый. Искусство его в стрельбе из ружья почиталось за нечто сверхъестественное даже в его стране, где так много хороших стрелков. Например, Машео никогда не стрелял в дикаго барана дробью, но за сто двадцать шагов поражал его пулею в голову или в ногу, по своему выбору; ночью столь же легко владел сими оружием, как и днем, и мы рассказывали о его ловкости и проворстве следующую черту, которая может показаться невероятною тому, кто не был сам в Корсик:

За восемьдесят шагов спавили зажженную свечу позади бумажнаго транспаранса, величиною в шарелку. Сперва он прикладывался, потом гасил свечу, а чрез минушу, среди совершеннаго мрака, раздавался выстрел — и транспаранс был пробит в трех местах. Одаренный такими редкими способностями, Машео Фальконе приобрел себе всеобщую известность. Он слыл добрым приятелем и вместе опасным врагом и сопер-

никомъ; впрочемъ былъ услужливъ и сострадателенъ къ бѣднымъ и въ уѣздѣ Поршо - Веккіо жилъ мирно со всѣми.

Разсказываютъ, что Фальконе, бывши въ Корсикѣ, гдѣ родилась жена его, съ особеннымъ мужествомъ избавился отъ соперника, равно страшнаго на войнѣ, какъ и въ любви, обративъ на него роковое ружье въ то время, какъ сей послѣдній преспокойно брился, сидя у окна за зеркальцемъ. Прошло нѣсколько времени — дѣло замаялось — и Машею женился. Жена его, Джіузеппа, сперва произвела ему на свѣтъ трехъ дочерей: что его очень взбѣсило, наконецъ сына, котораго онъ называлъ Форшунато; на немъ основывалась надежда семейства. Дочери вступили въ выгодное супружество и опецъ ихъ, въ случаѣ нужды, могъ положиться на кинжалы и спущеры зящевъ своихъ. Сыну было не болѣе десяти лѣтъ, но въ немъ развивались уже щасливныя способности.

Въ одинъ осенній день Машею рано вышла съ женою своею изъ дому, чтобы заглянуть въ спадо, пасущееся въ одной изъ прогалинъ *Маниса*. Маленькій Форшунато хотѣлъ идти съ ними, но до прогалины было слишкомъ далеко; къ тому же надлежало кому нибудь для присмотра ошаться дома, и опецъ ошказалъ въ томъ своему сыну: посмотришь, не будешь ли онъ раскаяваться въ своемъ пошупкѣ.

Прошло нѣсколько часовъ. Маленькій Форшунато спокойно лежалъ на солнцѣ, смотря на опдаленную синеву горъ и размышляя о томъ, что въ будущее воскресенье онъ пойдетъ обѣдать въ городъ, къ дядѣ своему,

капралу, какъ вдругъ незрѣлыя думы его были прерваны ударомъ огнеспрѣльнаго оружія. Приподнявшись немного, онъ оборотился въ сторону равнины, откуда раздался выспрѣлъ. Нѣсколько новыхъ выспрѣловъ послѣдовало за первымъ, въ неравные промежутки времени, подходя ближе и ближе, спановаясь слышнѣе и слышнѣе; наконецъ на пропинкѣ, ведущей съ равнины къ дому Маштео, показался человекъ въ оспроконечной шапкѣ, на подобіе Горскихъ, обросшій бородою, покрытый рубищемъ, едва передвигая ноги, опираясь на ружье свое и раненный въ бокъ.

Этотъ человекъ былъ изгнанникъ, который, опсправившись ночью въ городъ для покупки пороху, на дорогѣ попался въ засаду къ Корси-канскимъ спрѣлкамъ, и послѣ мужеспвенной защиты, принужденный опспупись, былъ сильно преслѣдуемъ; по причинѣ раны онъ не могъ достигнуть желаннаго Макиса.

Подошедши къ Фортунапо, онъ сказалъ ему: „Ты сынъ Маштео Фальконе?“

— Сынъ. —

„Я Джанешто Санпiero. Желтые ворошники меня преслѣдують. Спрячь меня; я не могу идиши далѣе.“

— А что скажешь мой ошець, если я тебя спрячу безъ его позволенія? —

„Онъ одобришь швой поступокъ.“

— Почему ты это знаешь? —

„Спрячь меня скорѣе. Они идушь.“

— Подожди, пока придешь ошець мой. —

„Мнѣ ждатель? . . . Еще пяць минуць — и они здѣсь. Ну же! прячь меня скорѣе, или я убью тебя.“

На это Форшунапо ошвѣчалъ ему съ величайшимъ хладнокровіемъ :

Ружье швое разряжено , а въ сумкѣ нѣшь патроновъ.

„У меня ешь кинжалъ.“

— Но бѣгаешь ли ты шакъ скоро, какъ я? —

Онъ сдѣлалъ прыжокъ и былъ уже далеко ошь пришельца.

„Ты не сынъ Маштео Фальконе! Дашь ли мнѣ убѣжище въ своемъ домѣ?“

Ребенокъ , казалось , былъ пронушь.

А чшо ты мнѣ дашь, если я тебя спрячу? — сказалъ онъ , подходя къ нему ближе.

Изгнанникъ спалъ обшаривашъ въ коженомъ мѣшкѣ , висѣвшемъ у него на поясѣ , и вынулъ опшуда монешу въ пяць франковъ , сбереженную имъ , вѣрояшно, для покупки пороха. Форшунапо улыбулся при взглядѣ на серебряную монешу , схватилъ ее , сказавъ : „Джанешшо! не бойся ничего,“ и шотчасъ сдѣлалъ большое опверспіе въ спогѣ сѣна , посшавленномъ подлѣ дома. Джанешшо свернулся въ сѣнѣ клубкомъ , и мальчикъ прикрылъ его , оставя небольшую скважину для воздуха , шакъ чшо никакъ не лзя было подозрѣвашъ , чшо подъ эшимъ сѣномъ спряшанъ человекъ. Кромѣ шого , маленькій Форшунапо придумалъ хипрошь , весьма замысловашую.

Взявши кошку съ копяшми , онъ уложилъ ихъ на спогѣ сѣна , чшобъ показашъ , будшо его недавно разворачивали ; пошомъ , замѣшпивши кро-

вяные слѣды по дорожкѣ, пролежавшей возлѣ дому, посыпала ихъ пылью и снова расположился спокойно лежать на солнцѣ.

Черезъ нѣсколько минулъ шесть человѣкъ въ темныхъ мундирахъ съ желтыми воротничками, подѣ начальствомъ адъютанта, остановились у дома Машпео. Адъютантъ былъ нѣсколько съ родни Фальконе. Его звали Теодоръ Гамба, человѣкъ необыкновенно дѣятельный, спрашный для изгнанниковъ, копорыхъ множество перешло чрезъ его руки.

„Здорово, братъ!“ сказалъ онъ, подходя къ Форшунато: „какъ ты выросъ! Не проходил ли кто нибудь здѣсь?“

О! я еще не такъ великъ, какъ вы, братецъ! — отвѣчалъ ребенокъ съ протосердечнымъ видомъ.

„Погоди, еще вырастешь. Но скажи мнѣ, не видаль ли ты здѣсь кого изъ прохожихъ?“

— Кого изъ прохожихъ? —

„Да; чловѣка въ высокой козьей шляпѣ и въ плащѣ съ краснымъ и желтымъ шипьемъ.“

— Чловѣка въ высокой козьей шляпѣ и въ плащѣ съ краснымъ и желтымъ шипьемъ? —

„Да; но отвѣчай скорѣе и не повторяй моихъ вопросовъ.“

— Сегодня упрямъ пробѣжалъ мимо насъ приходской священникъ на своей клячѣ; онъ спрашивалъ у меня, здоровъ ли папинька, и я отвѣчалъ ему. . . . —

„Ахъ, плутишко! хипрецъ!¹⁾ говори скорѣе, гдѣ прошелъ Джанешто? его надобно намъ, и я увѣренъ, что онъ шелъ по этой дорожкѣ.“

— Кто же это знает? —

„Какъ кто знает? Я знаю, что ты его видѣлъ.“

— А развѣ можно во снѣ замѣчать прохожихъ? —

„Ты не спалъ, негодяй! ружейные выстрѣлы разбудили тебя.“

— Вамъ кажется, братецъ, что ружья ваши такъ громки? Папинькинъ спущеръ бьетъ гораздо сильнѣе. —

„Несносный мальчикъ! Я навѣрное знаю, что ты видѣлъ Джанешто, — можетъ быть, даже и спрясалъ его. Эй! поварищи! войдише въ домъ, и посмотрише, нѣтъ ли шамъ нашего молодца. Онъ едва передвигалъ ноги и, какъ плушь, вѣрно расцелъ, что храмая, не скоро доидеть до Мѣкиса. Припомъ же здѣсь оканчивающя слѣды крови.“

А что скажешь папинька? — спросилъ съ усмѣшкою Форшунашо — если узнаешь, что въ его ошсущствіе входили къ нему въ домъ чужіе люди? —

„Негодяй!“ сказалъ адьюшаншь Гамба, взявши его за ухо: „знаешь ли ты, что споишь только мнѣ захопѣшь, и ты запоешь другимъ голосомъ? . . . Десяпка два сабельныхъ ударовъ, вѣрояшно, засшавяшь себя сказать правду?“

Форшунашо продолжалъ смѣяться.

Мой отецъ Машео Фальконе! — сказалъ онъ съ важнымъ видомъ.

„Знаешь ли ты, негодное шворение, что я могу опвесити тебя въ Корше или въ Баспю? Заспаваю валяясь въ шюрмъ на соломъ, въ оковахъ и наконецъ велю повѣсись, если ты не скажешь, гдѣ Джанешто Санпiero.“

Громкой хохотъ ребенка былъ опвѣтомъ на эшъ смѣшныя угрозы и онъ повторялъ: мой отецъ — Маштео Фальконе!

„Адьюпаншъ!“ сказалъ ему шихонько одинъ изъ поварищей: „оставимъ его въ покоѣ; ссора съ Маштео не доведеть насъ до добра.“

Замѣшательство Гамбы казалось очевиднымъ. Тихо разговаривалъ онъ съ солдапами, осмошрѣвшими уже все, внушри дома находящееся. Да и мѣшкашъ далѣе было не для чего, ибо хижина Корсиканца заключается въ одномъ чешвероугольномъ покоѣ. Вся мебель состоишъ изъ одного спола, служащаго вмѣсто постели, изъ нѣсколькихъ лавокъ, сундучковъ, охошничьихъ снарядовъ и нѣкоторой домашней упвари. Между шѣмъ маленькй Форпунашо ласкалъ свою кошку и, казалось, злобно радовался смущенію своего родственика и его поварищей.

Одинъ изъ солдапъ подошелъ къ спoгу сѣна; увидѣлъ кошку, небрежно ударилъ шпыкомъ въ сѣно и пожималъ плечами, какъ бы чувспвуя, что предосторожность, его должна казашься смѣшною. Не было замѣшно никакого движенія и лице мальчика не обнаруживало нимапѣйшаго безпокойства.

(Окончаніе въ слѣд. Но.)

Мысли, характеры и портреты.

„Какъ мыслимъ, такъ и дѣйствуемъ,“ сказано въ одномъ сочиненіи: „слѣдовательно здравыя понятія производящъ дѣла полезныя.“ Слѣдовательно понятія *больныя* производящъ дѣла вредныя. Къ сей послѣдней категоріи принадлежатъ люди, порабощенные низкимъ спрашьямъ, заражающимъ *мысли* и *дѣйствія* всеми нравственными и гражданскими пороками.

*

Красота споль замысловапа и обладаетъ такимъ вишійшвомъ, когда смолришь на нее, что никто не можетъ быть довольно спойкомъ для замѣчанія, чего недоспашь ей.

*

Очень глупыхъ людей не много; но проспо глупыхъ спакое множесство, что *умный* спочасъ замѣшенъ по каждому своему слову, по каждому взгляду, по каждому шѣлдвиженію. Это спарое *открытіе* кажешся всегда новымъ по своей рѣзкости.

*

Можно сказашъ, что умъ — флюгеръ по свойспву своему. Въ обширной головѣ множесство уголковъ: по мѣрѣ какъ одинъ пуспѣетъ, сп другой наполняешся. Одна сплько посредспвенность неподвижна въ идеяхъ: обладая не-

многимъ, она берегаетъ то, что имѣешь, привязываешь къ тому и корпиться надъ тѣмъ.

*

„Есть воспоргъ,“ говоритъ г-жа Крюднеръ „копорый для души то, что весна для природы: онъ развиваетъ множество чувствованій въ сердцѣ нашемъ; заставляетъ проливать слезы, и думать, что онъ въ свою очередь заставляетъ плакать и другихъ.“

*

Мы знаемъ, что когда Формей въ своемъ Анпи - Эмиль поставилъ эпиграфомъ *собственныхъ слова* Жан - Жака Руссо: *Tais-toi, Jean-Jacques!*; то весь ученый свѣтъ возсталъ на Формея за сіе неприличіе, споль оскорбительное для человѣка, уважаемаго въ ученоемъ свѣтѣ. Что же скажемъ о параллели между Александромъ Анеимовичемъ Орловымъ и Фаддеемъ Венедиктовичемъ Булгаринымъ, напечатанной въ 1831 въ журналъ *Современнаго Просвѣщенія*? . . . .

*

Человѣкъ, не изящный по характеру, можетъ ли произвестъ что - либо изящное? Писатель, начинающій то, или другое поприще усиліемъ опорочить писателя, шествовавшего съ честію и славою на томъ же самомъ поприщѣ, есть человѣкъ не изящный по характеру; въ противоположномъ случаѣ онъ возвысилъ бы еще болѣе заслуги и достоинства своего предметни-

ка, — сказалъ бы со смиреніемъ, полько *изящной* душѣ свойственнѣмъ: „Дерзаю идти по слѣдамъ великаго писателя!“ и никто бы не вмѣнилъ въ дерзость шакого предпріятія: ибо нѣтъ поприща, копорымъ бы могъ овладѣть безъ раздѣла какой-либо смертнѣй. Напрошивъ того, одинъ изъ нашихъ писателей нанечалъ, что „*Карамзинъ* не умѣлъ даже назвать своей Исторіи; что вмѣсто: Исторія Государства Россійскаго, надлежало бы: Исторія о Государствѣ Россійскомъ.“

*

Ничего нѣтъ смѣшнѣ мужа, копорый смиренно за нарядною женою, имъ повелѣвающею, идешь до госпоиной чужаго дома; кажешся, что побѣдитель влечешь плѣнника за своею блестящею колесницею.

*

Когда я вижу нашихъ франзовъ, не подвижно споящихъ въ *картинномъ положеніи передъ дамами*, то невольно вспоминаю о выставкѣ мануфактурныхъ издѣлій.

*

Всмотрись въ *физиономію Зикзакина*: эпошь немилосердо раздвоенный подбородокъ; эти расбѣгающіеся безцвѣтные глаза; эти брусничныя щеки; эпошь яркой лобъ, кажешся, съ надписью: *фальшивый человекъ*, и вы вѣрно согласишь со мною, что шакая физиономія украсила бы Лафашеровы *фрагменты*. . . .

А л ь б о м ъ .

Недавно вышли въ Парижѣ *Фантастическія сказки* Жанена, столь знаменитаго по сочиненію своему о *мѣлкой промышленности* Парижа. Вотъ что сказано въ одномъ Французскомъ журналѣ о сихъ сказкахъ :

„Знавали ли вы когда нибудь молодую дѣвушку, которая не походишь ни на одну героиню нынѣшнихъ романовъ ни лицомъ, ни ростомъ, ни цвѣтомъ волосъ — важное достоинство; дѣвушку идеальную, какова нисшедшая съ облаковъ на крыльяхъ воображенія Жанена, и которую бѣдность принуждаетъ продать свои волосы за 14 франковъ; потомъ зубъ, за который она получаешь 18 фр; потомъ кровь изъ своихъ жилъ ученику въ цырюльномъ мастерствѣ; послѣ всего этаго выходишь за-мужъ за старика, у котораго шупей изъ ея осмнадцати-пильшнихъ волосъ, и фальшивый зубъ, потъ самый, который блестѣлъ нѣкогда, какъ жемчугъ, въ ея розовомъ ртѣ?“

Вотъ все, чѣмъ мы могли воспользоваться изъ многочисленныхъ разборовъ, написанныхъ на — *Фантастическія сказки* Жанена. Сіе сочиненіе, исполненное ума и игривости, какъ и всѣ произведенія сего автора, не нашло, къ сожалѣнію, ни одного пера, которое бы дало объ немъ удовлетворительный отчетъ. Можно судить объ оригинальности сихъ сказокъ по небольшой выпискѣ, о которой мы упомянули выше; намъ остается только сказать, что онѣ пріобрѣли большой успѣхъ и всѣми читаются.

С Т И Х О Т В О Р Е Н І Я .

Р а з л у к а .

Скоро часъ придетъ унылый —
 Часъ разлуки роковой!
 Ахъ! прости, мой ангель милый! . . .
 Разстаюсь въ тебѣ съ собой!

*

Возвращись же, незабвенный!
 Грустно жить въ чужомъ краю!
 Снова дай мнѣ дни блаженны!
 Прекрати поску мою!

*

Безъ тебя погибнешь радость,
 Отцвѣтешь моя весна:
 Безъ тебя и щастья сладость
 Ядомъ золь оправлена!

*

Безъ тебя поблекнуть розы
 На моихъ, о другъ! щекахъ;
 Умершвятъ печали слѣзы
 Юный блескъ въ моихъ очахъ!

*

Какъ же бышь? . . . Какою силою
 Часъ отсрочить роковой?
 Ахъ! прости, мой ангель милый!
 Разстаюсь въ тебѣ съ собой!

Ольга Крюкова.

Эпитафія молодой дѣвицѣ.

Во цвѣтѣ лѣтъ, среди надеждъ, любви и счастья,
 Отцомъ и матерью, и нѣжною сестрой
 Она оплакана подѣ крышей гробовой! . . .
 Такъ роза Майская вдругъ гибнешъ отъ ненастья!

ИЗВѢСТІЯ.

*О Благоразуміи изъ Англійскаго Зрителя
 (the Spectator). М. 1832 г. въ Чн. Тип.*

Мы съ особеннымъ удовольствіемъ прочли эшошъ вообще прекрасный переводъ изъ знаменитаго журнала, и приводимъ здѣсь то, что говоришь о полезномъ трудѣ своемъ самъ переводчикъ:

„Хотя ежедневные листки, издавашіеся въ началѣ прошедшаго столѣтія въ Англии извѣстнымъ Аддисономъ и его дрязьями, подѣ заглавіемъ: the Spectator (Зришель), принадлежатъ къ числу сочиненій устарѣвшихъ; но въ нихъ заключаелся много такихъ спашей, которыя никогда и нигдѣ не поперяютъ своего достоинства. На нашемъ языкѣ донинѣ не было издавно выбора изъ сей превосходной въ своемъ родѣ книги. Переводчикъ представляемаго публикѣ листка, не могши, по нѣкоторымъ причинамъ, предпринять подобнаго труда вдругъ, намѣренъ издавать занимательнѣйшія спашьи изъ Зришеля мало помалу, отдѣльными листками, которыя современемъ, если ничто не попрятствуетъ, составятъ книжку, содержащую въ себѣ довольно полное извлеченіе.“

(*) Продается въ Универс. книжной лавкѣ у А. С. Ширлева.
 Цѣна 42 коп.

П а р и ж с к і я м о д ы .

Совокупность туалета. — Апласный дульеть свѣтло-каричневаго цвѣта; лифъ съ гладкой спинкой; напереди косыя' полочки, съ широкими складками; рукава, вверху широкіе; большая черная шаль; соболій боа; шляпка бархашная гранашнаго или пунцоваго цвѣта съ однимъ банпомъ и съ блондовымъ полу-вуалемъ.

— Черное бархашное платье съ высокимъ воротомъ; лифъ напереди въ складкахъ, которыя расширяются къ плечамъ въ видѣ вѣера; складки же на рукавахъ перехвачены въ нѣкоторомъ разстояніи отъ плеча; поясъ застегивается агатовымъ аграфомъ; лифъ обшитъ кругомъ вгладь черною неширокою блондою; три или четыре нитки агатоваго ожерелья упадаютъ до самаго пояса, съ кассолеткой.

Шляпки. — Много черныхъ бархашныхъ шляпокъ съ букетомъ нагошковь (soucis), или съ однимъ большимъ темнымъ цвѣткомъ, приколанымъ съ боку. По нашему мнѣнію, самое лучшее украшеніе составляетъ одно большое перо подъ цвѣтъ шляпки. Баншовъ внутри полей нынѣ уже нѣтъ.

Изъясненіе картинки при селѣ Но.

Прическа съ цвѣтами, называемыми pieds d'alouettes. Платье креповое. Эшарнь съ эластическою бахромкою.

П Е Ч А Т А Т Ъ   Д О З В О Л Я Е Т С Я ,

съ тѣмъ чшобы, по оппечашавіи, были представлены въ Ценсурный Компшешъ три экземпляра. Москва. Ноября 30го дня, 1832 г.

Ценсоръ Николай Лазаревъ.

1839.

Парижская Мода.

№ 50.

Дамский Журналъ.

ДАМСКІЙ ЖУРНАЛЬ.

ЛИТТЕРАТУРА.

ПРОЗА.

Маттео Фальконе:

(КОРСИКАНСКІЕ ПРАВЫ.)

(Окончаніе.)

Адьюшантъ и его поварищи были въ крайней нерѣшимости относительно своихъ дѣйствій; внимательно усремляли взоры на равнину, какъ бы желая возвратиться пѣмъ же путемъ, по которому пришли, и начальникъ, убѣдившись, что угрозы нимаго не подѣйствуютъ на сына Фальконе, хотѣлъ сдѣлать послѣднюю попытку, ш. е. съ помощію ласкашельствъ и подарковъ достигнуть цѣли своей.

„А что, братъ, вѣдь не шушь, ты смотришь славнымъ молодцомъ! далеко уйдешь; а

дурную зашѣяль игру со мной; и если бы я не опасался сдѣлать непріятность браташу Машею: то увелъ бы себя съ собою.“

— Право? —

„И какъ скоро возвратишься братъ мой, то я расскажу ему, въ чемъ было дѣло, и онъ заложъ твою поблагодарить тебя добрымъ порядкомъ.“

— А именно? —

„Ты увидишь. . . да. . . поспой. . . ты хвашъ дѣшина и я подарю тебѣ что нибудь.“

— Вамъ, братецъ, совѣщывалъ бы я не мѣшкавъ долѣе; не то Джанешю будетъ въ Мѣкисъ; и тогда шакихъ молодцовъ, какъ вы, должно будетъ набрать побольше, чтобъ опыскать его. —

Адьюшаншъ вынулъ изъ кармана серебряные часы, стоившіе не менѣе шести ефимковъ, и замѣтивши, что глаза маленькаго Форшунапо заблискали необыкновеннымъ свѣтомъ при видѣ этой вещицы, сказалъ ему, держа часы, висѣвшіе на спальной цѣпочкѣ: „Тебѣ вѣрно хотѣлось бы, плутишка, чтобъ шакіе часы висѣли у тебя на шеѣ, и ты преважно, какъ павлинь, расхаживалъ бы по улицамъ Порто-Веккіо; народъ спалъ бы тебя спрашивавъ: копорый часъ? и ты говорилъ бы всѣмъ: посмотрише!“

— Когда я выросшу, то дядя капраль подаритъ мнѣ часы. —

„А у сына его ужъ есть часы. . . Правда, хоть они не такъ красивы, какъ эти; за то вѣдь онъ и моложе тебя.“

Мальчикъ вздохнулъ.

„Ну же, говори, хочешь ли имѣть часы?“

Фортунашо, прищуриваясь на часы однимъ глазомъ, походилъ на кошку, котрая видить передъ собою канарейку. Понимая, что надъ нимъ смѣюшся, онъ не опваживается схватишь ихъ, и опъ времени до времени опворачивается, боясь подпастъ искушенію; но по и дѣло облизывается и какъ будпо хочеть сказать: „Какъ вы жестоко надо мню шупите!“

Между шѣмъ Адьюпаншъ Гамба, предлагая свои часы, казалось, нимало не обнаруживаль дурныхъ намѣреній. Фортунашо не пропягиваль руки, но сказалъ съ горькою улыбкою: „За чѣмъ вы смѣшесь надо мною?“

— Богъ свидѣшель; я не смѣюсь надъ побою. Только скажи мнѣ, гдѣ Джанешпо, и часы швои. —

Недовѣрчивая улыбка скользнула на устахъ Фортунашо и онъ, успремивши черные глаза свой на Адьюпанша, по видимому, силился узнать, должно ли вѣришь словамъ его.

„Чоршъ меня возми!“ вскричалъ Адьюпаншъ: „если на шакомъ условіи часы не будутъ швоими! Свидѣшели въ помъ — мои шоварищи, и я не могу опперелься. . . .“

Говоря шакимъ образомъ, онъ все ближе подходилъ съ часами, почти шакъ, что они касались блѣдныхъ щекъ ребенка, на лицѣ котораго была замѣтна внутрешняя борьба алчнаго желанія съ уваженіемъ, должнымъ гостепріимству. Сильно поднималась голая грудь Фортунашо и онъ едва переводилъ дыханіе. Между шѣмъ часы перевершывались взадъ и впередъ, ударяясь иногда о конецъ носа его. Напоследокъ мало помалу спалъ онъ пропягивашь къ часамъ правую руку, дошронулся до нихъ пальцами и взвѣшиваль у себя на рукѣ, прежде нежели

Адьюпантъ выпустилъ изъ рукъ конецъ цѣпочки. . . . Квадрантъ былъ обдѣланъ лазурью. . . . чехоль вычищенъ. . . . Слишкомъ много искушенія !

Форшунато поднялъ лѣвую руку и указалъ позади себя на спогъ сѣна. . . . Адьюпантъ потчасъ понялъ ; выпустилъ изъ рукъ конецъ цѣпочки и часы перешли въ собственность Форшунато.

Вскочивши съ быспроюю лани , онъ опшелъ на десятъ шаговъ опъ споба , кошорый сфрѣлкѣ потчасъ принялись ворочашъ.

Вдругъ сѣно пришло въ движеніе и окровавленный человекъ съ кинжаломъ вышелъ опшуда не могши , при всемъ усиліи своемъ , держашъ на ногахъ , по причинѣ опшывшей раны , онъ упалъ. Адьюпантъ бросилъ и вырвалъ у него кинжалъ. Тотчасъ крѣпко связали плѣтника , не смопря на его сопрошивленіе.

Лежа на землѣ почти безъ движенія , Джанешпо оборопилъ къ подошедшему Форшунато. „Сынъ. . . .“ сказалъ онъ , и прервалъ слова свои , въ кошорыхъ видно было болѣе презрѣнія , нежели досады. Ребенокъ бросилъ ему серебряную монешу , чувспвуя что уже не заслуживалъ ее ; но изгнанникъ , по видимому , не обратилъ на это вниманія. Онъ прехладнокровно сказалъ Адьюпанту : „Любезный Гамба , я не въ силахъ идши ; вы должны несъ меня въ городъ.“

Сей часъ шы прыгалъ козленкомъ — опвѣчалъ жесткоюй побѣдшшель — но будь покоень ; я шакъ радъ , что шы попался ко мнѣ въ руки , что гошовъ несъ себя на плечахъ съ милю , не чувспвуя усшалоспи. Сверхъ того мы сдѣ-

лаёмъ для себя носилки изъ сучьевъ, а прїѣхавши на Креспольскій хушоръ, возьмемъ лошадей. —

„Хорошо!“ сказалъ изгнанникъ: „шолько обложите немного соломой носилки, чшобъ мнѣ было покойнѣе.“

Между тѣмъ какъ спрѣлкі успроивали родъ носилокъ изъ кашпановыхъ вѣшвей, а другіе перевязывали рану Джанешшо, Маштео Фальконе и жена его показались неожиданно на поворотѣ дорожки, кошорая вела къ Мѣкису. Жена шла впереди, сгибаясь подѣ тяжкимъ бременемъ огромнаго мѣшка съ кашпанами, а мужъ переважно заключалъ шестивіе, имѣя одно ружье въ рукѣ, а другое на перевязи; ибо никакое бремя, кромѣ оружія, не было достойно муцины.

При взглядѣ на солдатъ, Маштео потчасъ подумалъ, чшо они пришли за нимъ. Но съ чего онъ эшо взялъ себя въ голову? развѣ имѣлъ съ Правительшвомъ какія-либо ссоры? Нѣтъ! объ немъ всѣ были добраго мнѣнія; совѣспъ его была чиста, ибо въ теченіе десяти лѣтъ онъ не поднималъ оружія на челоувѣка; но на всякой случай прибѣгнулъ къ мѣрамъ благоразумія и приготошвился къ оборонѣ. „Жена!“ сказалъ онъ Джіузеппѣ: „сними съ себя мѣшокъ и будь гошова.“ Она не медленно повиновалась. Какъ лишнюю шагосшь, онъ опдалъ ей ружье, висѣвшее у него на плечахъ, и зарядивши шо, кошорое было въ рукахъ, медленно подвигался къ дому вдоль деревьевъ, распушшихъ по обѣимъ споронамъ дороги, гошовой при малѣйшемъ непріязненномъ дѣйствіи бросишья за большой пенъ, изъ-за кошораго могъ спрѣляшь безопасно. Жена шла по слѣдамъ его, неся запасное ружье съ

сумкой. Въ случаѣ сраженія она должна была заряжать мужнины ружья.

Адьюшантъ съ своей стороны безпокойся, видя Маштео, подходящаго такимъ образомъ мѣрными шагами, держа передъ собою ружье, а пальцемъ касаясь курка. „Если“ думалъ онъ „Маштео былъ въ родственныхъ или дружескихъ связяхъ съ Джанешшо и захопѣлъ бы защищать его, по ружейные пыжи пакъ же вѣрно, какъ и письмо, отправленное по почтѣ, дошли бы до насъ, и еслибъ, не смотря на родство со мною, онъ вздумалъ прицѣлиться! . . .“

Въ такомъ затрудненіи Адьюшантъ рѣшился смѣло идти на встрѣчу къ Маштео, какъ къ старому пріятелю, но не большой промежутокъ, бывший между ними, казался для него ужасно великимъ.

„Гей! старина!“ вскричалъ онъ: „здорово! какъ поживаешь? это я, братъ! швой Гамба.“

Маштео останоился, не отвѣчая ни слова, и по мѣрѣ того, какъ Адьюшантъ говорилъ, Маштео шихонько приподнималъ ружейный шволь, такъ что уже держалъ его прямо вверхъ, сойдясь лицомъ къ лицу съ своимъ товарищемъ.

„Здравствуй, братъ (*).“ сказалъ Адьюшантъ, просягивая руку: „давно мы съ тобой не видались.“

— Здравствуй. —

„Я мимоходомъ зашелъ навѣспить васъ. Сегодня мы много колесили; на усталость грѣшно жаловаться: намъ попалась въ руки славная добыча. Сей часъ мы схватили Джанешшо Санпiero.“

(*) *Buon giorno, fratello!* — обыкновенное привѣтствіе Корсиканцевъ.

Слава Богу! — вскричала Джіузеппа — на прошлой недѣли онъ упациль у насъ козленка, Послѣднія слова нѣсколько ободрили Гамбу.

„Бѣдняжка!“ сказалъ Маштео: „чай, онъ былъ голодень.“

Эпошь негодяй защищался какъ левъ — продолжалъ Адьюшантъ, нѣсколько обиженный — онъ убиль у меня спрѣлка; не довольно пого, перешибъ еще руку капралу Шардону; но бѣда не велика: Шардонъ Французъ. . . . Помомъ пакъ ловко спрятался, что и самъ чорпъ не опыскаль бы его, когдабъ не Форшунашо. . . —

„Форшунашо!“ вскричалъ Маштео.

Форшунашо! — повторила Джіузеппа.

„Да, Джанешто спрятался вонъ подъ пѣмъ спогомъ сѣна, а брашець мой вздумалъ помучить меня. Я объявлю объ эпомъ дядѣ его Капралу; онъ вѣрно за шруды подарить его чѣмъ нибудь добрымъ. Имена ваши поставлю въ донесеніи къ главному судѣ.“

Клевеша! — шихо проговорилъ Маштео. Джанешто, готовый въ пушь, лежалъ на носилкахъ. Увидѣвши Маштео вмѣстѣ съ Гамбою, онъ улыбкулся, попомъ оборошясь къ дверямъ, плюнулъ на порогъ и сказалъ: „домъ предателя!“

Человѣкъ, обрешій себя на явную смерть, могъ шолько одинъ осмѣлишься назвашь Фальконе предашелемъ. Мъшкимъ ударомъ кинжала онъ заплашилъ бы за безчестіе. Между пѣмъ Маштео поднесъ руку ко лбу, какъ человѣкъ, ошягченный горестію.

Форшунашо, увидѣвши своего опца, вошелъ въ горницу. Скоро опяшь онъ явился съ чашкою.

молока и поднесъ ее съ пошупленными взорами Джанешпо.

„Прочь отъ меня!“ закричалъ изгнанникъ громовымъ голосомъ; потомъ, оборотясь къ одному изъ спръльцовъ, сказалъ: „Товарищъ, дай мнѣ напишья.“ Солдакъ подалъ ему и разбойникъ пилъ воду изъ рукъ человека, съ копорымъ недавно еще вель переспрълку; потомъ пребовалъ, чтобы ему связали руки спереди, а не сзади, говоря: „Я люблю, чтобы мнѣ было покойно лежать.“ Поспѣшно исполнивши его просьбу, Адьюпантъ далъ знакъ къ обратному походу, простился съ Машшео, не отвѣчавшимъ ему ни слова, и удвоенными шагами спустился къ равнинѣ.

Прошло десять минутъ прежде, нежели Машшео произнесъ слово. Ребенокъ съ беспокойствомъ смотрѣлъ по на мать, по на отца, копорый, опершись на ружье, приспально смотрѣлъ на сына, скрывая гнѣвъ во глубинѣ сердца.

„Ты не дурно начинаешь!“ сказалъ наконецъ Машшео спокойнымъ голосомъ; но сіи слова спрашно опдались въ слухъ того, кому они были знакомы.

„Башюшка!“ воскликнулъ ребенокъ, подходя со слезами на глазахъ, и гоховый пастъ на колѣна; но Машшео закричалъ: „Прочь отъ меня!“ и недвижимый мальчикъ рыдалъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ отца своего.

Подошла Джузепца. Она замѣтила часовую цѣпочку, копорая выказывалась изъ-подъ рубашки Фаршунашо.

„Кто тебѣ далъ эти часы?“ спросила мать съ спрогимъ видомъ.

— Адьюшанпъ. —

Фальконе схватилъ часы, и ударивши ими о камень, разбилъ въ дребезги.

„Жена!“ сказалъ онъ: „мое ли это рожденіе?“

Смуглыя щеки Джіузеппы побагровѣли. — Чшо съ побою сдѣлалось, Маштео? знаешь ли, съ кѣмъ ты говоришь? —

„Да будешь же тебѣ извѣстно, чшо этошь ребенокъ — первый въ родѣ своемъ предапель.“

Рыданія и вопли Форшунашо умножались, а Фальконе все еще не сводилъ съ него зоркихъ взоровъ; наконецъ ударилъ прикладомъ ружья о землю, вскинулъ его себѣ на плечо и снова пошелъ по дорогѣ къ Макису, громко приказывая Форшунашо слѣдовать за собою. Мальчикъ повиновался. Джіузеппа побѣжала вслѣдъ за Маштео и поровнявшись съ нимъ, схватила его за руку. „Это швой сынъ,“ сказала она дрожащимъ голосомъ, успрямивъ черные глаза свои на мужа, какъ бы желая разгадать чувства, шайвшіяся въ душѣ его.

Оставь меня въ покоѣ! — опвѣчалъ Маштео! — я отецъ его. —

Джіузеппа прижала сына въ маперинскихъ объятіяхъ и со слезами вошла въ свою хижину: шамъ предъ ликомъ Богородицы пала на колѣна и съ пламеннымъ усердіемъ молила Ее о зашпуленіи.

Между тѣмъ Фальконе опошелъ на нѣсколь-ко сошъ шаговъ, остановилъ подлѣ небольшаго рва, спушилъ въ оный и ружейнымъ прикладомъ ошупалъ землю: она была мягка и удобна къ разрышію. Самое положеніе мѣсца способствовало его намѣренію.

„Форшунато! подойди къ этому большому камню.“

Ребенокъ исполнилъ приказаніе и спалъ на колъна.

„Чишай молишвы!“

— Бапюшка, бапюшка! не убивайше меня! —

„Чишай молишвы!“ повторишь спрашнымъ голосомъ Маштео.

Мальчикъ, рыдая пробормошалъ: *Отче нашъ и Вѣрую*. Каждую молишву, произнесенную сыномъ, отецъ окончивалъ громогласнымъ Аминь!

„Всѣ ли здѣсь молишвы, копорыя ты знаешь?“

— Бапюшка! я знаю Богородицу и еще одну молишву, копорой шепка научила меня. —

„Длинна, да нѣтъ нужды.“

Ребенокъ прочелъ и Богородицу едва слышнымъ голосомъ.

„Все ли?“

— Умоляю шебя, родишель мой! просши меня; впередъ эшаго не сдѣлаю. Буду просить брашца, чшобъ онъ не наказывалъ Джанешшо, и онъ вѣрно для меня просшишь его! —

Онъ еще говорилъ, какъ Маштео зарядилъ ружье и прицѣлился, сказавъ: *Богъ проститъ тебя!* Тщешно ребенокъ силился вспашъ и обнять колъна отца своего; уже было поздно. Маштео выспрѣлилъ и Форшунато упалъ безъ чувствъ на землю.

Не обративъ взоровъ на бездыханнаго сына, Маштео пошелъ шюю же дорогой домой за засшупомъ, чшобы зарышь шѣло въ землю; и не успѣлъ опойши на нѣсколько шаговъ, какъ Джіузеппа попалась ему на вспрѣчу, испуганная выспрѣломъ.

„Что ты сдѣлала? закричала она.“

— Исполнилъ долгъ правосудія. —

„Гдѣ сынъ?“

— Во рву. Тѣло сей часъ будешь предано землѣ. Форшунашо умеръ какъ Хрисціанинъ. Я велю отслужить по немъ обѣдню. Скажи зяблю моему, Тіадоро Біанки, чѣшобъ онъ прѣхалъ жить съ нами. —

(*Мериме.*)

А. П.

А л ь б о м ъ.

Кто не любитъ отдавать справедливость, тотъ не заслуживаетъ ее. Не желая войти въ сію категорію, мы охотно говоримъ, что второй опрывокъ изъ Романа: *Кетевана, или Грузія въ 1812 году*, напечатанный въ 213 Но Сѣверной Пчелы, несравненно лучше перваго и языкомъ, и сценами, и движеніемъ драмы, испинно Азіятской, но все еще пребуешь *поправокъ*; на примѣръ, въ самомъ первомъ словѣ: *Джаматъ*; а должно: *Джаміетъ*; въ самой первой строкѣ: *Белокани*; а должно: *Беланани*.

Кто любитъ нравственныя испины, а особливо кто умѣетъ пользоваться ими; кто прivityкъ мыслишь, чувствовашъ, судить и наблюдать; кто видитъ въ легкой шупкѣ важное поученіе, въ забавномъ разказѣ благіе уроки, и кто наконецъ по чему нибудь не читалъ 255го Но Сѣверной Пчелы: тому совѣтуемъ прочиташъ *Юмористикку*, напечатанную въ ономъ.

С Т И Х О Т В О Р Е Н І Я .

*Ея Превосходительству Баронессъ
Елисаветъ Ивановнъ Корфъ.*

Le coeur devine les enfans.

Madame Necker.

Ты съ чувствомъ матери малютокъ охраняешь ;
 По сердцу своему сердца ихъ постигаешь .
 Такъ ! счастье первое бышь матерью дѣтей :
 Ты въ ихъ кругу душой блаженствуешь своей ;
 Въ ихъ счастьи свое находишь утѣшенъе ;
 Награда-жь за труды : *любовь и Провидѣнье.*

*Старый Кадетъ.**Москва.**Н е щ а с т і е .**(Съ Арабскаго .)*

Мрачными дилми смѣняются ясные ;
 Скорби и радости въ жизни намъ спутницы .
 Тщесны всѣ ропоты : доблесцямъ смертныхъ
 Рокъ непріязненъ . Смотри , несчастливецъ !
 Вихри проснулись съ бурнымъ дыханіемъ —
 И сокрушились кедры высокіе !
 Много цвѣтущихъ дровъ , много изсохшихъ ;
 Но въ плодоносныя — камни бросають !
 Много звѣздъ яркихъ на тверди небесной :
 Солнце съ луною одни помрачаша .
 Счастья улыбкою смертныи обмануть :
 Радость минутную вѣчной считаешъ .
 Ахъ ! не мирисья бы съ ночью коварною :
 Вмигъ облакаешъ мракомъ ночь лунная .

И. С. . . ковь.

Къ либераламъ.

Какъ вы забавны, либералы!
 Вы все съ гигантами хотише быть равны;
 А съ вами равные для васъ уже такъ малы;
 Чшо вы и замѣчать ихъ будто не должны!

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ.

Письмо къ другу.

Ты просилъ меня, любезный другъ, писать къ тебѣ чаще, и сообщать мои замѣчанія объ общесшвахъ, мною посѣщаемыхъ; охотно исполняю свое шребованіе, но незнаю, какъ покажущся тебѣ сужденія челоувѣка, рѣдко посѣщающаго *скользяное поприще паркетнаго свѣта*.

Недавно былъ я въ короршко знакомомъ мнѣ домѣ, гдѣ имѣлъ случай, или лучше сказать неудовольствіе слышать споръ нѣсколькихъ дѣвиць. — Давно уже прошекли для нихъ шѣ льта, въ котороря можно льспить себѣ избраніемъ по сердцу, на всю жизнь, истиннаго, вѣрнаго друга. Пропушивъ однажды щаспливые годы, чѣмъ заняшся опъ скуки, чѣмъ убить время? Думали, думали и наконецъ рѣшились быть извѣстными во всемъ городѣ такъ называемою *любезностію*, котороря состоишь въ пересмѣянніи знакомыхъ, родныхъ, и въ непонятныхъ, несносныхъ шушкахъ, наполненныхъ какою-шо нескладною колкостію, сокрытою подъ покрываломъ такъ называемаго оспроумія (*bel esprit*), и которое для нихъ шолько имѣешь прелестъ, но кажешся слишкомъ жалкою для *здра-*

ваго разсудка. — Но я долженъ тебѣ сказать, о чемъ онѣ спорили. . . . онѣ спорили. . . . кажешься. . . . ну право не припомню, ибо безпресанно уклоняясь отъ своего предмета, предлагали мнѣнiя болѣе и болѣе безразсудныя, копорыя поспешенно унижали ихъ въ моемъ образѣ мыслей.

Между сими двѣми была одна, копорая казалась моложе прочихъ; она искала глазами какого нибудь чувствительнаго Адониса, копорый бы плѣнясь ея принуженною любезностiю и исполнившись удивленiя, рѣшился добровольно надѣсть на себя ея цѣпи; не находя его, обращала всѣ свои помные взгляды и кривлянья на молодую лѣшь 18, близъ нея сидѣвшую двѣицу, копорая обманываясь ея пришествiемъ, усремляла на нее взоры удивленiя и, казалось, думала: „Ахъ! какъ она мила! если-бъ я могла бышь на нее похожею!“ — Другая, по видимому, спарѣе всѣхъ разумомъ и лѣпами, чувствовала нелѣпность разговора, болѣе молчала и только изрѣдка, довольная своею важностiю, поправляла *блондовую* косынку и ленты *блондоваго* чепчика. — Третья. . . . но прежде я долженъ описать ея подробнѣе: она сущая *разборчивая невеста Крылова*; хотя прожила уже полвѣка человѣческой жизни, но все еще надѣялась плѣнить какого нибудь *героя*, и въ ожиданiи его обратила свое вниманiе на медицину, а соскучившись наукою Иппократа, бросилась на ботанику. Сперва никакъ не смѣла заикнуться при этой госпожѣ о своей болѣзни: замучила бы номенклатурою цѣлительныхъ лѣкарствъ. Теперь избави Богъ, если она узнаешь, что кто нибудь изъ ея знакомыхъ охотникъ до цвѣшовъ: заговоришь несчастнаго

до обмороку, и забросаетъ невѣрными Лапинскими названіями растений. Сія - по особа превзошла всѣхъ краснорѣчіемъ и между прочимъ увѣряла, что имѣла во всю жизнь свою до двухъ сотъ партій въ виду. — *„Отъ того-то вы ни одной и не сдѣлали,“* замѣшила чепвершая, также много говорившая дѣвица, которая однакожь имѣя недоспашокъ въ голосъ, не могла шакъ рѣзать уши, какъ прочія. Туть мое перпѣніе испощилось; я вскочилъ и спремшельно оставилъ гостиную. — Съ какимъ удовольствіемъ увидѣлъ я, вошедши въ другую комнату, что сей разговоръ упоминалъ не одного меня: молодая прелестная женщина смѣялась съ своимъ родственникомъ надъ болшаниемъ, подобнымъ звону разнозвучныхъ колокольчиковъ. . . . Сбираясь ѣхать, она сказала въ полголоса своему родственнику: *„Видно заetra быть дождю; старыя дѣвки разболтались.“* Невольно усмѣхнувшись и пропвердя сію пословицу, дополъ мнѣ неизвѣстную, я поспѣшилъ послѣдовать ея примѣру, не довольный своимъ вечеромъ, сожалѣя что не оспался у одного весьма образованнаго, ученаго и умнаго человѣка, котораго совѣтами и наставленіями имѣлъ щасіе пользоваться, и котораго поспѣшилъ прежде, нежели пріѣхалъ въ упомянутой домъ. Здѣсь разумъ мой изощрялся пріятною и поучительною бесѣдою; тамъ бѣдныя уши мои спрадали отъ несносныхъ пересудовъ и злословія: вотъ, другъ мой, описаніе одного изъ вечеровъ, проведенныхъ мною въ модномъ свѣтѣ; такое несносное болшовство называютъ *faire de l'esprit!* . . .

П а р и ж с к і я л о д ы .

Шляпки. — Шляпки съ газовыми баншами украшаются блондовымъ полу - вуалемъ. На черныхъ бархатныхъ шляпкахъ - капотахъ прикалываются черные газовые банши, зашканные желтымъ или зеленымъ:

— Шляпки, надѣваемые за - просто, дѣлаются изъ апласа свѣтло - зеленого или розоваго, или же голубаго, и подбиваются чернымъ бархатомъ; около пулы при черные бархатные *руло*, съ пряжками на боку. На шляпкахъ - капотахъ, розоваго или свѣтло - зеленого цвѣта; чрезвычайно красивъ букетъ *медвѣжьихъ ушковъ* (*oreille-d'ours*) гранатнаго цвѣта.

— Розовыя апласныя шляпки украшаются еще цвѣтами изъ чернаго бархата, и газовыми черными лентами, зашканными розовымъ. Цвѣты, употребляемые болѣе другихъ для черныхъ бархатныхъ шляпокъ, суть: капуцины, георгины, скабіозы, перемѣшанные съ розовыми и пунцовыми цвѣтами; и наконецъ медвѣжьи ушки разнаго цвѣта.

Изъясненіе картинки при семь Но.

Прическа съ перьями изъ марабу. Плашь блондовое.
Плашь изъ фулара.

П Е Ч А Т А Т Ъ Д О З В О Л Я Е Т С Я ,

съ тѣмъ чтобы, по опечатаваніи, были представлены въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра. Москва. Декабря 12 го дня, 1832 г.

Ценсоръ Николай Лазаревъ.

1832.

Парижская Мода.

№ 51.

Данский Журналъ.

ДАМСКІЙ ЖУРНАЛЬ.

Л И Т Т Е Р А Т У Р А.

П р о з а.

О нарядахъ.

Нѣтъ такого пустаго предмета, изъ котораго бы философія не могла извлечь поученія и не озарила бы своимъ благотворнымъ свѣтомъ. Искусство наряжаться — искусство, имѣющее шакъ много любезныхъ поклонницъ — можеть ли одно исключиться изъ области философіи? И зачѣмъ она опвергнетъ его? Не имъ ли плѣняющія взоры, а часпо и сердце? Нарядъ естъ вспомогательное средство красоты; а говоря о красотѣ, не представляемъ ли мы себѣ сильнѣйшаго изъ очарованій?

Какъ! философическія размышленія объ искусствѣ, которое смѣется надъ всеми правилами, управляется однимъ закономъ — каприза; которое изощряется на мѣлочахъ, и котораго разнообразныя выдумки исчезаютъ каждый день,

и каждый день снова возраждаются? Но разсматриваютъ ли изгибы ручья, бѣгущаго по долинь; быспрые очерки облаковъ, несущихся въ воздухъ; лучи солнца, скользящія между зеленью; или въшви пальмы, волнуемая въпромъ? Что касается до меня, то я не нахожу предмета, копорый бы уклонялся совершенно отъ наблюдательнаго взора.

Нарядъ, мнѣ кажется, можетъ быть разсматриваемъ съ двухъ споронъ: нарядъ самъ по себѣ, и наряженная особа. Первый заключается въ тонкости тканей, въ разнообразіи узоровъ, въ богатыхъ вещахъ; на второй примѣчаемъ соединеніе цвѣтовъ, хорошо отпѣняющихъ лице, гармонирующихъ съ выраженіемъ физиономіи и взгляда; обрисовку спана и правильность формъ.

Замѣйте, что если вы видите дурно одѣтую женщину; это происходитъ отъ того, что она болѣе занялась туалетомъ своимъ нежели собою, и что тщеславіе взяло верхъ надъ кокетствомъ. Можно сказать по всей справедливости, что въ одеждѣ хорошій вкусъ и роскошь всегда противуположны другъ другу. И такъ вопшъ общее правило: хошите ли быть одѣты со вкусомъ? Обращайте болѣе вниманія на самихъ себя, нежели на предметы, составляющіе вашъ уборъ.

Вась, а не наряды ваши, должно находить прекрасными. Нарядъ не есть цѣль, но средство нравиться; вообще красавица больше любитъ, чтобъ повпоряли вокругъ нея: *„Удивительные брилліанты! прелестная блонда!“* нежели: *„мѣнительное лице! очаровательные глаза!“* Быть хорошо одѣтой не значитъ имѣть на себѣ богатые шали, драгоценныя вещи; при видѣ всего этого скажущъ только: *она богата;*

но нарядившись щегольски, женщина должна заставить каждого сказать: *какъ она хороша!*

Тъ, которая въ своемъ нарядѣ, вмѣсто того чѣмъ бы придавъ болѣе прелести преимуществамъ, полученнымъ отъ природы, тѣ, говорю, которая желаютъ показашь дорогія вещи и шкани, составляющія ихъ нарядъ, похожи въ моихъ глазахъ на бездарныхъ музыкантовъ, сочиняющихъ ученую гармонію не для того, чѣмъ бы прогавъ и восхищавъ, но чѣмъ — сочинивъ ученую музыку. *Соната! чего ты отъ меня требуешь?* вскричалъ Фоншенель, слушая подобную музыку. Сколько разъ въ свѣтъ говорилъ я съ Фоншенелемъ: *діадема, ожерелье, фермуаръ! чего вы отъ меня требуете?*

Сіе отступленіе отъ вкуса заставляетъ такъ много разоряться для того, чѣмъ бы казаться самымъ хуже своихъ нарядовъ. Не странно ли же, что большая часть женщинъ желаетъ, чѣмъ бы всѣ любовались болѣе ихъ уборами, нежели ими самими? Вѣроятно, два чувства, равно сильно дѣйствующія на сердце человеческое — желаніе нравиться и желаніе блистать, заставляютъ поступать такимъ образомъ. Нарядъ, кромѣ того что представляетъ средство украситься, можетъ подать мысль, какъ сказано выше, о вашемъ богатствѣ, о вашей знатности; въ первомъ случаѣ онъ придаетъ вамъ болѣе прелести, въ другомъ важности; многимъ лучше нравиться бытъ важнымъ, нежели пріятнымъ: такова человеческая природа! Правда и то, что эпошъ образъ мыслей принадлежитъ только умамъ ограниченнымъ, ложнымъ и щеславнымъ. Надобно замѣтить, что по мѣрѣ того какъ понятія развиваются и очищаются, вкусъ становится лучше, такъ чѣмъ вообще наряды тѣмъ

меньше умножены, чѣмъ умы спали просвѣщеніе. Если мы захотимъ слѣдовать за просвѣщеніемъ, то найдемъ, что хорошій вкусъ въ нарядахъ не опшавалъ никогда отъ успѣховъ его, и что нарядъ становился простѣе и приближался болѣе къ натурѣ, когда искусства достигали болѣе и болѣе совершенства.

Посмотрите на дикихъ: тамъ вы насилу узнаете челоуѣка: до того онъ обезображивается; но онъ, по слабости своихъ понятій, думаетъ, что украшается; прилагаетъ все стараніе, чтобы дать себѣ другое лице, другой цвѣтъ, другія формы, нежели шѣ, которыя онъ получилъ отъ природы. То онъ давитъ между двумя досками голову новорожденнаго ребенка, чтобы она была продолговата; то старается дать ушамъ его необыкновенную величину; или расписываетъ себѣ лице и шѣло; или вѣзываетъ въ свою кожу, съ помощію цвѣтныхъ порошковъ, фигуры животныхъ и растений.

Вышедши изъ дикаго состоянія, челоуѣкъ ищетъ уже менѣе странныхъ украшеній: онъ уже не измѣняетъ образа своего, но довольствуется тѣмъ, что перемѣняетъ одежду, и тогда уже нарядъ его составляетъ не противъ природы, но лишь только находится внѣ оной. Тогда природныя формы челоуѣка исчезаютъ, такъ сказать, подъ множествомъ разныхъ одеждъ, одна другую обременяющихъ. Въ Индіи, на примѣръ, женщины, почитаютъ большимъ щегольствомъ унижаться кольцами и браслетами; вы видите сіи украшения на рукахъ, на ногахъ, на пальцахъ рукъ и ногъ, въ ушахъ, даже на носу: что должно быть очень красиво!

Теперь оставимъ Индію и перенесемъ къ народамъ, болѣе просвѣщеннымъ; но все еще

грубымъ : таковы Европейскіе народы средних вѣковъ , даже и позднѣе . Уже наряды становящіяся не споль поддѣльны ; но еще не довольно натуральны . Уже не находимъ продолговатыхъ головъ , ни длинныхъ ушей , ни врязанныхъ въ шѣло узоровъ , ни колець на концѣ носа ; но у насъ оспавались еще темные или рыжіе парики , пудра , румяны и мушки ; огромныя корзинки на головѣ , робы съ превеликими разводами , безобразныя серги , ожерелья . Впрочемъ всѣ сіи наряды подходили , какъ не лзя болѣе , къ массивнымъ мебелимъ и къ гошическимъ и тяжелымъ украшеніямъ погдашней архипектуры . Это уже были не варварскія времена , но еще очень не близкія къ владычеству хорошаго вкуса .

Напрощивъ , съ какимъ удовольствіемъ наши взоры оспанавливаются на Греціи , на эшой спранѣ поэтовъ и аршистовъ ; на эшомъ народѣ , который болѣе всѣхъ цѣнитъ красоту и восхищается ею ! Здѣсь ничего нѣтъ поддѣльнаго , и уже не золото , не жемчугъ , не яхонцы должны представитъ васъ красавицей ; но собственно красота ваша .

Смѣю признаться , что въ эшомъ отношеніи нынѣшній нарядъ не удовлетворяетъ меня ; а особенно съ нѣкошораго времени : мнѣ кажется , что мы возвращаемся нѣсколько къ ложнымъ вкусамъ среднихъ вѣковъ . Право , несперпимо видѣшь молодыхъ , прелесныхъ женщинъ съ грубою фероньеркою на лбу ; и что еще , хуже въ тяжелыхъ сергахъ , какъ бы разрушающихъ гармонію ихъ физиономій ! . . . Женщины ! для чего не хопите вѣрить , что вы сами нравитесь намъ болѣе всего ? Зачѣмъ желашъ казашъся иначе , когда мы находимъ васъ

плѣнительными шакъ, какъ вы есть (*)? Эпошъ медальйонъ, съ золотой цѣпочкой на вашемъ челѣ, милая Аглая, очень дорогъ, я вѣрю; но ваше прелестное чело гораздо прелестнѣе въ натуральной красотѣ своей. Яхонтъ, блестящій на пальцѣ вашемъ, чрезвычайно чистъ и великъ; но ваша ручка и безъ него такъ хороша! Бриллиантовья груши, висящія въ вашихъ ушахъ, рѣдкой воды, правда; но онѣ, мнѣ кажется, вредящъ щасливимъ чертамъ вашего лица, которое привлекательнѣе и красивѣе всѣхъ бриллиантовъ въ свѣтѣ. Вы не вѣрите мнѣ? и такъ спросите аршисповъ, которые лучше умѣютъ судить о томъ, что принадлежитъ до вкуса. Скажите, какой живописецъ вздумалъ предсавить намъ Венеру въ діадемъ, Гебу въ сергахъ, и Діану въ бриллиантовой фероньеркѣ? Греки писали Грацій обнаженными. Разумѣется, я не эпошъ костюмъ хочу ввести въ моду; но не доказываетъ ли онъ, что народъ, произведшій всѣ искусства, цѣнитель всего прекраснаго, не искалъ его въ пустыхъ и излишнихъ украшеніяхъ?

„Тошъ,“ сказалъ Дидро „кто пораженъ жемчугами прелестной женщины, тошъ не „достоенъ видѣть прелестную женщину.“ Въ самомъ дѣлѣ, что намъ нужды до всего эпошаго блеска? Если хопимъ любоваться дорогими вещами, то мы опправимся къ бриллианцику, а не въ общество женщинъ. Одинъ Франше могъ бы опкрыть передъ нашими глазами болѣе драгоценностей, нежели всѣ гостинья Парижа.

Самое простое замѣчаніе можетъ доказать, сколь ложны всѣ сіи украшения. Съ шѣхъ поръ,

---

(*) Не уже ли же, говоря съ дамами, можно сказать: *есте?* и когда еще пересказываетъ дама же. О Grammaire, abime immense! . . . Изд.

какъ существующе свѣтъ, не испытывались ли всевозможные наряды, не царствовали ли всѣ моды? Но не смотря на всѣ измѣненія костюмовъ, одно только не измѣнилось: дурныя женщины всегда — дурны. Почти всѣ молодыя дѣвушки кажутся намъ хорошенькими или по крайней мѣрѣ пріятными. Не дѣйствіе ли это прелести, соединенной съ молодостью и свѣжестью первой юности? безъ сомнѣнія; но, признаюсь, что простота ихъ одежды много къ сему способствуетъ. Малая принужденность, налагаемая на молодыхъ дѣвушекъ ихъ возрастомъ, и которую, можешь бышь, проклиная многія изъ нихъ, есть конечно главный источникъ того, что содѣлываетъ ихъ пріятными. Бѣдныя молодыя дѣвушки! имъ не позволяютъ обезобразиваться; онѣ осуждены оставаться хорошенькими.

Многіе заключаютъ, что женщины наряжаются не для мужчинъ; но другъ для друга. „Одно только тщеславіе“ говорятъ злые языки „заставляетъ женщинъ обременять себя блестящими украшеніями. Онѣ очень знаютъ, что безъ нихъ нравятся мужчинамъ гораздо болѣе; но предпочитаютъ казаться хуже, нежели есть, лишь бы не уступили другимъ женщинамъ въ роскошѣ и богатствѣ. Онѣ убираются въ Парижъ такъ точно, какъ сожигаются въ Калкутѣ — по одному только тщеславію.“ Но я не смѣю вѣрить симъ предположеніямъ, доказывающимъ ребяческую суетность пола, которому мнѣ шакъ пріятно воздавать хвалы.

Одинъ авторъ, съ которымъ я скорѣй могу согласиться, предполагаетъ, что безобразныя женщины выдумали моды для того, чтобы сдѣлать хорошенькихъ подобными себѣ. Хитрость

не глупая ; это напоминает лисицу без хвоста , которая совѣщала всѣмъ своимъ подругамъ отрубить себѣ хвосты .

Женщины ! хопите ли знать однажды навсегда , что составляетъ истинное ваше украшеніе ? Оно состоить въ пріятныхъ чертахъ лица вашего , въ нѣжномъ румянцѣ , въ ясныхъ очахъ вашихъ , въ выразительной улыбкѣ ; оно въ стройности вашей воздушной пальи , въ ловкости вашихъ движеній : для того , кто достоинъ любить васъ , вошь прелесной и настоящей вашъ нарядъ . Какъ онъ очарователенъ ! ахъ ! не поршьте его !

Изъ La France littéraire К — а Н — я Ш — а .

А л ь б о м ъ .

Госпожа *Водолея Тельцова* , жительница Кометы Бѣлы , вѣрно плѣнилась письмомъ мужа своего къ жителя Земли , письмомъ , безъ сомнѣнія заслужившимъ всеобщую похвалу отъ сокомешниковъ , и вопреки тому , что называетъ муженька *брюзгой несноснымъ* , и сама захопѣла блеснуть дамскою любезностію передъ нашими дамами , избравши противоположную сторону той , каторою блеснулъ супругъ , принадлежащій къ сословію Ученыхъ и Липператоровъ ; но видно ученость и липпература во всякомъ случаѣ бывающъ хорошими вспомогательными силами — и не мѣшающъ даже любезности прекраснаго пола . А вошь и доказательства . Краснорѣчивая дама вышесказанной Кометы , насмотрѣвшись въ телескопъ мужа , пишетъ въ 258 Но Сѣверной Пчелы къ тому же самому жителю Земли :

„Ахъ! зачѣмъ я не родилась на Землѣ! ваша планета вѣрно пошъ рай, о кошоромъ намъ полкуютъ. Какъ у васъ все прекрасно, какъ великолѣпно!“ и пошчасъ за эшимъ жалуется: „у насъ деревни не опличишь отъ города. Вездѣ ша же чистота, пошъ же видѣ довольства, и городъ разнился отъ деревни только многлюдствомъ, помѣщеніемъ“ (?) „присущственныхъ мѣстъ и другаго рода занятіями жителей. А у васъ, по ли дѣло! въ городахъ чертоги, а въ деревняхъ кануры. . . хощъ умирай, не доспанешь“ (въ деревняхъ) „на гривну ревеня или кремортартари. Такъ и быть должно!“ Милоспивая государыня! позволше замѣшпшь, что съ шакою тонкою ироніею лучше бы опнешпись вамъ къ подземному жилью, гному: а ось - либо онъ не оскорбился бы ею; что же касается до насъ, то мы прощаемъ дамъ немумѣнье выражаться съ искусствомъ *Ученаго* и *Литтератора*; но не подѣ какимъ видомъ неизвинимъ шакого пришворства и въ дамъ — что будшо негодуете на чистоту, на видѣ довольства въ деревняхъ своихъ; на по, что шамъ нѣтъ кануръ и будшо хвалише по, что у другихъ въ деревняхъ, хощъ умирай, не доспанешь на гривну (еще шакъ положительно!) ревеня или кремортартари. И все эшо для того, чтообы одурачпшь насъ! воля ваша, г-жа Тельцова! а кремортартари и ревенъ вамъ самой очень нужны. Такъ и быть должно! Впрочемъ мы вамъ, какъ и супругу вашему, все шаки благодарны за поученіе. . . .

Другой житель Земли.

С Т И Х О Т В О Р Е Н І Я .

Жертвоприношеніе Полянъ.

(Лѣпняя ночь; небо усыяно звѣздами; луна восходитъ надъ лѣсомъ; подлѣ деревянной спашуи Перуна спойшь сѣдой жрецъ, поодаль полпа народа; Днѣпръ мелькаетъ изъ - за кусповъ; далѣе обширная поляна и густой сосновый лѣсъ.)

Жрецъ (обращаясь къ Перуну).

Мощный міра обладатель!
 За неистовый каратель!
 Ты источникъ свѣта, тьмы,
 Грозный, тихій, всемогущій,
 Наши кровы стерегущій!
 Предъ тобой предстали мы! . . . .
 Скоро часъ придетъ полночный;
 Вътеръ бурно засвистишь;
 Днѣпръ запѣнясь, зашумитъ;
 Вранъ голодный полетитъ:
 О реки, властитель мощный!
 О реки судьбы свои! . . .
 Чу! . . . повѣялъ вѣтръ съ полночи,
 Скрылись звѣзды, неба очи;
 Днѣпръ мушитъ свои струи. . . .
 Чу! . . . дубрава глухо воесть,
 Вѣтръ крылами землю роетъ;
 Прахъ поднялся и лешишь! . . .

Одинъ изъ народа.

Страшно! . . . сердце все дрожитъ. . . .

Ж р е ц ъ.

Часъ насталь! . . . предъ нимъ падите!

И судьбу свою внемлите! . . .

(Народъ падаетъ ницъ предъ Перуномъ ; въспрь
сламываетъ дубъ и повергаетъ его предъ спа-
шуйей ; молнія зажигаешь его ; попомъ при-
краты слышенъ вдали громъ ; все ушихаешь ;
луна является на горизонтъ.)

Жрецъ (доселъ лежавшій ницъ, встаетъ
и говоришь со вдохновеніемъ),

Онъ предрекъ ! . . . На небъ ясномъ ,
Въ свѣтѣ сребрянномъ , прекрасномъ ,
Я звѣзду блестящу зрю :
Процвѣтешъ Славянска слава ,
Процвѣтешъ ея держава :
Слава Рускому Царю ! . . .

Н а р о д ъ .

Слава въ родъ и многи роды ,
Вамъ , полночные народы !
Слава Рускому Царю !

Лѣсъ оглашается криками :
Слава Рускому Царю !

(Народъ расходится.)

М. Д (*).

1832.

Москва.

П. А. Булхову.

На полуценіе пенсіи.

Пѣвецъ , болѣзнью ошягченный ,
ЦАРЯ вниманьемъ оживай !
Съ ЕГО руки благословенной
Путь новый жизни начинай .
Крѣпись Монаршею щедротой :

(*) Молодой , или справедливѣе сказать , юный поэтъ , но
уже извѣстный въ свѣтѣ своими рождающимися дарова-
ніями. *Изд.*

Не будешь ты въ душѣ спѣшенъ.
 Семейственной своей заботой
 Ты дара свыше не лишень;
 Забуди и горестъ, и спраданья;
 Твои съ тобой воспоминанья!
 Пой благодарною душою
 ЦАРЯ - Отца благодарья;
 Душа твоя всегда съ тобой.

Метатель.

УМИРАЮЩІЙ ПРАВЕДНИКЪ.

(*Подражаніе Попу.*)

Предвѣчный духъ Творца, божественнѣйшій пламен
 Оставь, моя душа, и мѣръ и смерти прахъ;
 Несись, бессмертная, для жизни въ небесахъ:
 Здѣсь рушится все, все — и самый гроба камень!

*

Ты слышишь ли, душа, призывныхъ Херувимовъ?
 „Прійди“ — зовуть они — „прійди, сестра, въ Эдемъ.“
 Уже мертвѣю я; мой прахъ бездушень, нѣтъ. . . .
 Но. . . . Боже! — зрю: я живъ, какъ сонмы Серафимовъ!

*

Парю. . . . исчезъ и мѣръ. . . . и шьма надъ нимъ просперна.
 Я вижу: небеса открылись предо мной;
 Я слышу Ангеловъ поющихъ предъ Тобой.
 О смерть! о гроба мракъ! гдѣ я? . . . . гдѣ ваша жертва?

М. К — въ.

Эпитафія актера.

Лишь надѣсь я прочель: Здѣсь Рускій спитъ Артистъ;
 Какъ мнѣ послышился будильный громкій свистъ! . . .

С М Ъ С Ъ.

Рускій Театръ.

Вадимъ, или пробужденіе двѣнадцати спящихъ дѣвъ, волшебнo-романтическая опера въ 3 дѣйствіяхъ, съ Прологомъ; музыка А. Н. Верстовскаго.

Tout ce qui brille passe comme l'éclair.

Shakespear.

Вадимъ надѣлалъ сполько шуму. . . . ба! спихъ! . . . Вопъ чшо значить поэзія зрѣлица: нехотя заговоришь объ немъ спихами. И такъ скажемъ прозою: *Вадимъ* надѣлалъ въ здѣшней столицѣ по крайней мѣрѣ сполько же шуму, сколько эпаго имени храбрый випязъ въ баснословномъ Новѣгородѣ; — слѣдовашельно голось журналиста — не нужень. Но журналисту нужно самому, какъ грѣшнику молишва, сказашъ о собспвенномъ удовольствіи для того, чшобы подѣлиться имъ съ своими чипапелями. Такъ, напримѣръ, декораціи — ибо вся *поэзія* состоить въ *декораціяхъ* и *костюмахъ* — перваго и шретьяго дѣйствія доставили намъ живѣйшее опшическое наслажденіе, копорого не хопимъ оправляшъ кришикою того и того: чшо соспавило бы порядочную сумму. Вдохновенные гармонією нашего композитора-Орфея — Г-жа Рѣпина пѣла какъ малиновка, Баншышевъ какъ соловей, Лавровъ какъ. . . . Лавровъ: между пернашыми пѣвцами нѣтъ, кажешся, баса; а между Московскими басами нѣтъ конечно равнаго нашему арписпу.

Уже *Вадимъ* данъ нѣсколько разъ сряду, и всякой разъ Большой Театръ былъ полонъ, какъ не лзя болѣе.

Il est certain que ce qui plaît en un tems,

Peut ne pas plaire à un autre. (*Lafontaine.*)

ИЗВѢСТІЯ.

I.

Къ благотворителямъ.

Чтобы почувствовать все состраданіе, надобно видѣть человека, о которомъ зываемъ къ благотворителямъ, не однократно оказывавшимъ милосердіе свое по увѣдомленіямъ нашимъ о несчастныхъ.

Штабсъ - Капитанъ *Иванъ Павловичъ Избицкій*, природный дворянинъ, находившись болѣе 13 лѣтъ въ военной службѣ Офицеромъ, прошлаго 1830 г. уволенъ отъ оной по болѣзни; и съ эшаго времени непрестанно одержимъ недугами какъ пѣлесными, такъ и душевными, лишившими его силъ принять на себя какую - либо должность. Самое скудное состояніе и необходимыя издержки на медицинскія пособія ввергли несчастнаго, но безпорочнаго семьянина въ совершенную крайность и въ неизлѣчимыя болѣзни.

Жительство имѣетъ Арбатской Части, 3го кваршала, въ домѣ *Шестакова*.

2.

Дамскій Журналь на 1833й годъ.

Десятый годъ *Дамскаго Журнала* ознаменовался наищасливѣйшею эпохою: ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВО, ГОСУДАРЫНЯ ИМПЕРАТРИЦА АЛЕКСАНДРА ѲЕОДОРОВНА, Всемилостивѣйше повелѣшь соизволила подписаться на оный. Проникнушый вѣрноподданническою благодарно-

стію, *Издатель* не находитьъ выраженной для чувствованій своихъ за сію *Высокомонаршую* милость, *ожившворяющую* сердце, душу и труды!

Наконецъ пріятнѣйшимъ долгомъ поставляю принести живѣйшую благодарность и *Читательницамъ* своимъ за посюоянное вниманіе къ *Журналу*, исключительно имъ посвященному: ибо со второй половины года я уже не могъ напоследокъ удовлетворить требованіямъ на *Дамскій Журналъ*, который въ слѣдующемъ годѣ украсится большимъ и чрезвычайно любопытнымъ сочиненіемъ, подъ названіемъ: *Императрица Екатерина, Россійская Писательница*.

Въ расположеніи и содержаніи *Дамскаго Журнала* не будетъ никакой перемѣны: да не произойдетъ же она и въ расположеніи къ нему его снисходительныхъ *Читательницъ* и *Участницъ*!

Цѣна также прежняя, по есть за годовое изданіе, состоящее изъ 52 нумеровъ, выходящихъ каждую субботу, на веленовой бумагѣ съ плюминованными карпинками *Парижскихъ дамскихъ* и *мужскихъ костюмовъ*, 25 р., съ пересылкою 30 р. ассигнаціями.

Подписка принимается въ книжной лавкѣ при *Университетской Типографіи*, у *А. С. Ширяева*, и у самого *Издателя*, живущаго въ домѣ сей *Типографіи*; для *иностраныхъ* же въ *Газетной Экспедиціи Московскаго Почтамта*.

Князь Шаликовъ.

П а р и ж с к і я л о д ы .

Шляпки. — Апласныя шляпки - капоты разныхъ цвѣтовъ гораздо употребительнѣе черныхъ бархатныхъ, которыя слишкомъ омрачаютъ лице. Надобно замѣтить, что шляпки становятся не такъ малы. Въспъ описаніе нѣкоторыхъ, видѣнныхъ нами на прошлой недѣлѣ :

— Бѣлая апласная шляпка - капотъ съ однимъ или двумя небольшими бѣлыми перьями на боку.

— Бѣлая плюшевая шляпка, убранная газовымъ банпомъ, изъ котораго выходятъ два пера свѣтло - розоваго цвѣта; во внутренности полей блондовое украшеніе, перемѣшанное съ баншами газовыхъ лентъ. Сія шляпка чрезвычайно красива при шулетѣ для визитовъ и для спектакля.

Вегерній головной уборъ. — На вечеръ или въ спектакль надѣваются маленькія шляпки или пюрбаны; сіи послѣдніе, газовые съ золотыми цвѣточками, бывають по большей части темнаго цвѣта. Сіи пюрбаны почти не имѣють нужды ни въ какомъ украшеніи; но мы видѣли нѣкоторые съ перомъ райской пшички.

И з њ я с н е н і е к а р т и н к и п р и с е м ѣ №.

Шляпка креповая. Реденгошъ изъ фулара.

П Е Ч А Т А Т Ъ Д О З В О Л Я Е Т С Я ,

съ шѣмъ чтобы, по оппечатаваніи, были предсавлены въ Ценсурный Комитетъ шри экземпляра. Москва. Декабря 16 го дня, 1852 г.

Ценсоръ Николай Лазаревъ.

1832.

тѣмъ
гову
олнм
дурп
цвѣ-
, ко-
пиль,
исавіе
руж
оди
онен
бан-
ового
пере-
езвы-
акля.
спе-
; сіи
пъ по
и не
и нѣ-
ден
кни
ли
кя
ла
прп
ш
мод
евт
есур-
832 г.